

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 6.

nie me y se inac

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.

Краковское Предмѣстье № 3.

1912.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 6.

— 8 —

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.

Краковское Предмѣстье № 3.

1912.

D-92/02.04.18.

Ho

154160

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества исторіи,
филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ
Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Любичъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
1. И. И. Замотинъ. Л. Н. Толстой въ его письмахъ	1—31
2. Е. В. Спекторскій. Бѣлинскій и западничество	32 64
3. Н. Н. Любавичъ. Наполеонъ въ Варшавѣ въ 1812 году.	65—78
4. В. А. Наминскій. Этнографическое изученіе Волыни и важнѣйшіе вопросы ея этнографіи въ настоящее время	79—135
5. А. А. Вилновъ. Письма П. А. Чаадаева изъ за границы къ брату (1823—1825)	136—180
6. В. А. Овчинниковъ. Неприкосновенность престоупныхъ пословъ	181—227
7. Н. С. Эйсмонтъ. Законы о малолѣтнихъ и суды для нихъ	228—261
Приложеніе: Портретъ П. А. Чаадаева.	

СОДЕРЖАНИЕ

1-31	1. W. N. Gwynne. The History of the American People.
32-64	2. E. B. Cuyler. The History of the American People.
65-100	3. H. N. Gwynne. The History of the American People.
101-136	4. A. A. Gwynne. The History of the American People.
137-172	5. A. A. Gwynne. The History of the American People.
173-208	6. A. A. Gwynne. The History of the American People.
209-244	7. H. N. Gwynne. The History of the American People.
245-280	8. A. A. Gwynne. The History of the American People.

Редакторъ В. А. Францевъ.

N. Naabail

Л. Н. Толстой въ его письмахъ.

Все, что такъ или иначе освѣщаетъ великую работу духа покойнаго Л. Н. Толстого, является драгоцѣннымъ достояніемъ его потомковъ; это въ особенности приложимо къ его письмамъ, излагающимъ до извѣстной степени исторію не только внѣшней, но и внутренней его жизни. Въ частности письма Л. Н. Толстого интересны еще и въ томъ отношеніи, что они помогаютъ намъ установить связь между поэзіей и правдой его жизни, постепенно раскрывая, такъ сказать, самый процессъ матеріализаціи его идеала. Мы любимъ требовать отъ писателя подтвержденія на дѣлѣ того, что онъ проповѣдуетъ, и въ этомъ смыслѣ рѣшаемся даже контролировать его личную жизнь. По отношенію къ Толстому этотъ читательскій контроль особенно строгъ: его теперь, какъ и раньше, упрекаютъ иногда въ томъ, что онъ жилъ иначе, чѣмъ училъ. Вотъ почему интересно обратиться за справками, между прочимъ, и къ его письмамъ, чтобы выяснить, насколько реальна и крѣпка была связь между его творческими порывами и обстоятельствами его личной жизни. Установленіе этой связи еще болѣе подтвердитъ положительную часть идейнаго наслѣдства Толстого, и его величіе предстанетъ предъ нами не въ от-

влеченныхъ только идеяхъ, но и въ конкретныхъ фактахъ.

Письма Л. Н. Толстого, появившіяся недавно въ печати ¹⁾, начинаютъ его рисовать съ момента выхода изъ университета, т. е. съ 1847—8 гг. Этотъ моментъ былъ началомъ юношескихъ исканій смысла жизни и серьезнаго, идейнаго дѣла. Вставъ на точку зрѣнія нравственнаго усовершенствованія, юноша - Толстой уже не находилъ удовлетворенія въ своей студенческой жизни, и у него, поэтому, быстро созрѣваетъ намѣреніе непосредственно перейти къ осмысленной жизни и дѣятельности по новому идеалу. Между прочимъ, онъ, какъ извѣстно, отправляется въ это время въ Ясную Поляну, чтобы лично заняться хозяйствомъ и судьбой своихъ крестьянъ. Письма Толстого, правда, не даютъ намъ справокъ о томъ, какъ хозяйничалъ идейный помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ эту пору; зато въ нихъ открываются и другія попытки Толстого осмыслить свою молодую жизнь и къ чему-нибудь себя приспособить. Оказывается, Толстой въ эти годы—не просто помѣщикъ Нехлюдовъ, какъ мы привыкли его себѣ представлять, но онъ одновременно и энтузіастъ въ родѣ молодого Гоголя, ищущаго въ Петербургѣ службы и дѣятельности, и романтикъ въ родѣ Гончарова-Адуева, мечтающаго о высокихъ идеалахъ, а можетъ быть даже и Гетевскій Вильгельмъ Мастеръ, въ періодъ *Lehr*—или *Wanderjahre*, и, наконецъ, просто „пустяшный малый“, какъ онъ самъ выражается,—одна изъ варіацій знакомаго намъ Онѣгинскаго типа.

Дѣйствительно, не на одной только деревнѣ въ эту пору сосредоточивалось все вниманіе Л. Н. Толстого. Въ 1848 году, 13-го февраля, онъ изъ Петербурга пишетъ

¹⁾ Письма Л. Н. Толстого, собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко: т. I., письма 1848—1910 гг., Москва, 1910 г.; т. II, письма 1855—1910 гг., Москва, 1911 г.

брату: „Сережа! Я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остаться навѣки... Я рѣшился здѣсь остаться держать экзаменъ и потомъ служить; ежели же не выдержу (все можетъ случиться), то и съ 14-го класса начну служить; я много знаю чиновниковъ 2-го разряда, которые не хуже и васъ перворазрядныхъ служатъ”. При этомъ Петербургъ кажется ему наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для службы. Спустя два съ половиной мѣсяца онъ говоритъ уже о другого рода дѣятельности. „Я началъ было—писатьъ онъ брату (Спб. 1 марта 1848 г.)—держать экзаменъ на кандидата и выдержалъ два хорошо, но теперь перемѣнилъ рѣшеніе и хочу вступить юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ”. Въстѣ съ тѣмъ онъ проситъ брата „вывести его изъ фальшиваго и гадкаго положенія”, потому что у него 1600 рублей долговъ и нужно ихъ платить; изъ другихъ писемъ мы узнаемъ, что эти долги—слѣдствіе увлеченія Толстого карточной игрой. Проходитъ послѣ этого больше двухъ лѣтъ, и мы все еще видимъ Толстого не юнкеромъ, не на службѣ, а въ Москвѣ, на собственной квартирѣ, которую онъ описываетъ съ большимъ и, можно сказать, юношески - легкомысленнымъ воодушевленіемъ. „Я вамъ говорилъ”, пишетъ онъ Т. А. Ергольской (Москва, 1850 г., дек. 9), „что моя квартира очень славная. Она состоитъ изъ четырехъ комнатъ—столовая, гдѣ у меня уже есть роялино, которое я взялъ на прокатъ, гостиная съ диваномъ, стульями и столами, орѣховаго дерева, покрытыми краснымъ сукномъ, и украшенная тремя большими зеркалами; кабинетъ, гдѣ стоитъ мой письменный столъ, бюро и диванъ, который напоминаетъ мнѣ всѣ наши споры объ этой мебели, и еще комната, довольно большая, чтобы служить спальнѣй и уборнѣй и, сверхъ того, маленькая передняя. У меня есть сани за сорокъ рублей, это пошевни, родъ саней, теперь въ модѣ. Сережа долженъ знать, что это такое. Я купилъ всю упряжь, и она у меня теперь очень изящна”. Впрочемъ,

при этомъ онъ даетъ теткѣ обѣщаніе, что играть въ карты больше не будетъ; однако еще и черезъ полгода, подсчитывая свои долги, находитъ, что сумма ихъ не уменьшается.

Несмотря на эту неустойчивость и даже легкомысліе, Толстого не покидаетъ разъ усвоенное имъ стремленіе въ сторону нравственнаго совершенства. Внутренняя правда говоритъ ему, что карты, барская квартира, модныя сани—все это не то, что ему нужно; что даже вообще жизнь въ Петербургѣ или Москвѣ не то, о чемъ думалъ Николенька Иртеньевъ и къ чему стремился помѣщикъ Нехлюдовъ, эти двойники Толстого. И вотъ ранней весной 1851 года, въ мартѣ, пишетъ онъ теткѣ, Т. А. Ергольской. „Съ возрождающейся природой хочется чувствовать и свое возрожденіе, жалѣть о прошломъ, дурно потраченномъ времени, каяться въ слабости, и будущее представляется, какъ свѣтлая точка впереди насъ, и становишься лучше, нравственно лучше. Что касается меня, это совершенно вѣрно; съ тѣхъ поръ, какъ я началъ жить самостоятельно, весна всегда приводила меня въ хорошее настроеніе”. (Москва, 1851 года, мартъ 8).

И какъ бы подтверждая свое „возрожденіе”, черезъ мѣсяцъ Толстой пишетъ Т. А. Ергольской уже изъ Казани, а еще черезъ мѣсяцъ изъ Астрахани: онъ былъ уже въ пути на Кавказъ. Что тянуло туда этого новаго „кавказскаго плѣнника”? Тянуло то, чѣмъ были очарованы нѣжные мечтатели Руссо, Гете и Шиллера, мрачные скорбники Байрона, излюбленные герои Пушкина и Лермонтова,—туда влекла его близость къ природѣ, просторъ, уединеніе, желаніе уйти изъ той культурной сутолоки, которая его опять затягивала въ свои ряды подъ знамя отвергнутаго уже имъ „*somme il faut*”. Поѣздка Толстого на Кавказъ была, дѣйствительно, первымъ, еще на полномъ сознаніемъ, актомъ протеста противъ зла культуры и первой, тоже еще почти безсознательной, попыткой

реализировать зарождавшуюся у него идею опрощения. Уже начиная съ Астрахани, Толстой восхищается путешествіемъ и природой. „Путешествіе до Саратова было непріятно“, пишетъ онъ Т. А. Ергольской (май, 1851), „но зато оттуда путешествіе въ небольшой лодкѣ до Астрахани было очень поэтично и полно очарованія для меня по новизнѣ мѣстъ и по самому способу путешествія“.

Остановившись въ станицѣ Старогладовской, Толстой сначала находить, что „образъ жизни его брата Николая и офицеровъ не очень привлекателенъ“ и „самый край вовсе не такой“ по красотѣ, какъ онъ думалъ; но потомъ онъ привыкаетъ къ новымъ впечатлѣніямъ, и природа и бытъ края начинаютъ ему нравиться, особенно же окрестности Пятигорска или Горячеводска, какъ тогда говорили. „Здѣсь чудные виды (пишетъ онъ). Начну съ того мѣста, гдѣ источники. Это большая гора изъ нагроможденныхъ другъ на друга камней. Одни изъ нихъ оборвались и, упавъ, образовали нѣчто въ родѣ гротовъ, другіе нависли на страшной высотѣ. Всѣ они перерѣзаны потоками горячей воды, которые падаютъ съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и закрываютъ, особенно по утрамъ верхнюю часть скалы бѣлымъ паромъ, который поднимается отъ этой кипящей воды. Въ этомъ оврагѣ, на потокахъ, есть три мельницы, одна надъ другой, построенныя совсѣмъ особеннымъ образомъ и очень красиво. Весь день татарскія женщины то и дѣло приходятъ выше и ниже мельницъ, чтобы мыть бѣлье. Женщины большей частью красивы и хорошо сложены. Одежды восточныхъ женщинъ, несмотря на ихъ бѣдность, изящны. Красивыя группы женщинъ, дикая красота мѣстности— все это представляетъ очаровательную картину. Я часто часами стою и люблюсь пейзажемъ“. (Т. А. Ергольской. Старый Юртъ, 1851 г., июль). Эти описанія вполнѣ соответствуютъ тому, что писалъ въ 1820 году о своихъ кавказскихъ впечатлѣніяхъ А. С. Пушкинъ, этотъ бѣглецъ въ природу начала XIX столѣтія.

На первыхъ порахъ Толстой поглощенъ просторомъ свободной степной жизни,—въ немъ просыпаются типичныя для той эпохи инстинкты барина - охотника, тѣ инстинкты, которые съ точки зрѣнія позднѣйшаго толстовства могутъ показаться проявленіемъ хищности. Изъ Тифлиса онъ пишетъ брату, что въ станицѣ затравилъ двухъ лисицъ и до 60-ти русаковъ, и что собирается травить козъ. Мало того, мечтая о зачисленіи на военную службу, онъ заранѣе исполненъ воинственности и желанія охотиться на азіатовъ, какъ на дикихъ звѣрей. „... Ежели мое желаніе исполнится, то я въ день же своего опредѣленія уѣзжаю въ Старогладовскую, а оттуда тотчасъ же въ походъ, гдѣ буду ходить и ѣздить въ тулупѣ или черкескѣ, и тоже по мѣрѣ силъ моихъ буду способствовать съ помощью пушки къ истребленію хищниковъ и непокорныхъ азіатовъ”. (Графу С. Н. Толстому. Тифлисъ, 1851 г., декабрь 23).

Но уже черезъ мѣсяцъ Толстой начинаетъ сознавать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ на Кавказъ. „Годъ тому назадъ”, пишетъ онъ теткѣ (Тифлисъ, 1852, янв.), „я думалъ найти счастье въ удовольствіяхъ, въ движеніяхъ, теперь же, напротивъ, отдыхъ фазическій и моральный это то, чего я желаю”. Уже тогда фаталистъ, и къ тому же религіозно-настроенный, онъ склоненъ объяснять свой отъѣздъ на Кавказъ мыслью, внушенной свыше. „Мнѣ кажется, что мысль поѣхать на Кавказъ внушена мнѣ свыше. Эта рука Божія ведетъ меня, и я непрестанно благодарю Его. Я чувствую, что здѣсь я сталъ лучше (это еще немного, потому что я былъ очень дуренъ), и я твердо увѣренъ, что все, что можетъ со мной случиться здѣсь, будетъ мнѣ на пользу, потому что самъ Богъ этого хочетъ”. (Т. А. Ергольской. Станція Моздокъ, на полдорогѣ къ Тифлису, 1852 г., январь 12).

Такимъ образомъ въ письмахъ съ Кавказа замѣчается уже начало опрощенія. Передъ нами развертывается въ нихъ то именно нравственное броженіе, которое самъ

Толстой художественно воплощаетъ въ героѣ своей повѣсти „Казаки“, Оленинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если, перечитавъ размышленія Оленина, мы обратимся потомъ къ письмамъ Толстого за соотвѣтствующіе годы, то увидимъ въ нихъ тѣ же основныя идеи и настроенія, что и въ „Казакахъ“. „Я уже давно“, пишетъ Толстой, „не думаю объ удовольствіяхъ, я думаю о томъ, чтобы быть спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Было время, когда я тщеславился моимъ умомъ, моимъ положеніемъ въ свѣтѣ, моимъ именемъ, но теперь, я знаю, я чувствую, что если есть во мнѣ что-нибудь хорошаго, и что если есть за что благодарить Провидѣніе, это за доброе сердце, чувствительное и способное любить, которое оно даровало и сохранило мнѣ. Ему одному я обязанъ лучшими пережитыми минутами и тѣмъ, что хотя у меня и нѣтъ удовольствій и общества, я не только доволенъ, но часто бываю счастливъ“. (Т. А. Ергольской. Пятигорскъ, 1852 г., май 30).

Послѣ этихъ справокъ намъ совершенно понятно, почему молодой человекъ, такъ стремившійся раньше къ военной службѣ, теперь—несмотря на близкую войну съ Турціей—думаетъ объ отставкѣ, о жизни въ деревнѣ, о погруженіи въ свой духовный міръ. Въ іюлѣ 1853 г. онъ пишетъ брату: „Я уже писалъ тебѣ, кажется, что я подалъ въ отставку. Богъ знаетъ однако, выйдетъ ли, и когда она выйдетъ теперь, по случаю войны съ Турціей. Это очень беспокоитъ меня, потому что я теперь уже такъ привыкъ къ счастливой мысли поселиться скоро въ деревнѣ, что вернуться опять въ Старогладовскую и ожидать до безконечности—такъ, какъ я ожидаю всего касающагося моей службы,—очень непріятно“. (Графу С. Н. Толстому, Пятигорскъ, 1853 г., іюль 20).

Отставка Толстого однако, какъ извѣстно, не состоялась, и онъ въ ноябрѣ 1854 года былъ уже въ Севастополѣ. Здѣсь предъ нимъ развертывается трагическая картина смерти и страданій и непрерывный бо-

евой лагерь. Но разъ вставши на точку зрѣнія нравственнаго усовершенствованія, главнымъ образомъ путемъ опрощенія, Толстой не оставляетъ ее, а, наоборотъ, продолжаетъ развиваться въ этомъ направленіи дальше: мысль объ опрощеніи не покидаетъ его даже и въ Севастополѣ, и въ этомъ отношеніи существуетъ тѣсная связь между повѣстью „Казачи“ и его „севастопольскими“ рассказами. Веселый и жизнерадостный по внѣшности, Толстой и въ эту пору продолжаетъ жить своими духовными исканіями. Въ своихъ очеркахъ, написанныхъ въ Севастополѣ, онъ поднимаетъ весьма важные вопросы общаго характера. Такъ онъ останавливается надъ вопросомъ о томъ, что такое война, если на нее смотрѣть съ точки зрѣнія самоотверженной любви; что такое храбрость или героизмъ, и, наконецъ, какое отношеніе къ войнѣ у человѣка интеллигентнаго и простаго? Съ особенной же силой Толстой выдвигаетъ здѣсь на первый планъ народный героизмъ, героизмъ самоотверженный и скромный, и противопоставляетъ ему героизмъ интеллигентныхъ людей, очень часто не чуждое эгоистическихъ тенденцій. Въ этомъ смыслѣ Толстой даетъ рядъ мастерскихъ сценъ и характеристикъ солдатской храбрости, выносливости и трудоспособности. Параллели къ этимъ взглядамъ эпохи обороны Севастополя отыскиваются въ письмахъ Толстого безъ труда. Поэзія и правда жизни идутъ и въ этотъ моментъ рука объ руку. Истинный или скромный героизмъ, героизмъ внутренней правды, самоотверженной любви, Толстой наблюдалъ не въ фантазіи своей, а въ самой живой жизни. По поводу кн. Горчакова онъ пишетъ теткѣ: „Это великій человѣкъ, т. е. человѣкъ способный и честный, какъ я понимаю это слово, человѣкъ, который всю жизнь отдалъ на служеніе родинѣ и не ради тщеславія, а ради долга“. (Т. А. Ергольской. Бухарестъ, 1854 г. июль 4). Еще восторженнѣе онъ относится къ настроенію русскихъ войскъ вообще. „Духъ въ войскахъ выше всякаго описанія. Во времена древней

Греции не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая войска, вмѣсто: „здорово, ребята!“, говорилъ: „нужно умирать, ребята, умрете?“ и войска отвѣчали: „умремъ, Ваше Превосходительство, ура!“ И это былъ не эффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а взаправду, и уже 22000 исполнили это обѣщаніе”. (Графу С. Н. Толстому. На батареѣ, около Севастополя, 1854 г., ноябрь 20). Наблюдая смирный героизмъ русскаго солдата, Толстой увѣренъ, что только онъ, этотъ невзрачный на видъ русскій солдатъ, и можетъ побѣждать надлежащимъ образомъ. „Только наше войско можетъ стоять и побѣждать (мы еще побѣдимъ, въ этомъ я увѣжденъ) при такихъ условіяхъ. Надо видѣть плѣнныхъ французовъ и англичанъ (особенно послѣднихъ): это молодецъ къ молодцу, именно морально и физически, народъ бравый. Казаки говорятъ, что даже рубить жалко, и рядомъ съ ними надо видѣть нашего какого-нибудь егеря: маленькій, вшивый, сморщенный какой-то”. (Графу С. Н. Толстому. На батареѣ, около Севастополя, 1854 г., ноябрь 20). Поэтому, даже когда Севастополь былъ взятъ, эта вѣра Толстого въ народный героизмъ не изсякла. „Я плакалъ—пишетъ онъ теткѣ 4 сент. 1855 года—когда увидалъ городъ, объятый пламенемъ, французскія знамена и даже французскаго генерала на нашихъ бастіонахъ”... Но это не были слезы отчаянія побѣжденнаго, потому что оставалась еще крѣпкая вѣра въ нравственную силу народа, въ его внутреннее моральное геройство, и эту вѣру Толстой изъ - подъ Севастополя понесъ въ деревню, въ центръ русской жизни, въ свой личный и семейный обиходъ, въ свою художественную и вообще литературную дѣятельность.

Послѣ участія въ Севастопольской оборонѣ наиболѣе яркимъ событіемъ внѣшней жизни Толстого въ концѣ 50-хъ годовъ была его поѣздка за границу. Въ февралѣ 1857 года его письмо помѣчено уже Парижемъ; потомъ послѣдовательно онъ пишетъ изъ Женевы, Люцер-

на и т. д. Мы видѣли, что рядомъ съ идеей опрощенія развивалось въ Толстомъ [критическое, иногда даже отрицательное, отношеніе къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей культуры. Въ Европѣ онъ сталъ лицомъ къ лицу съ культурой и, судя напр. по характерному въ этомъ смыслѣ разсказу „Люцернъ”, еще сильнѣе почувствовалъ отрицательное къ ней отношеніе. Въ письмахъ мы не найдемъ этого отрицанія, но замѣчательно, что за границей Толстого радуютъ во всякомъ случаѣ не диковинки городской жизни, мимо которыхъ рѣдкій туристъ проходитъ равнодушно, но именно картины природы, которая такъ гармонируетъ съ его культомъ правды и искренности. „Мѣстность чудная”, пишетъ онъ изъ Женевы, „чувствую себя здѣсь такъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, что не знаю, не останусь ли здѣсь до сентября, т. е. до моего возвращенія въ Россію. Я началъ здѣсь леченіе сѣрными ваннами и чувствую себя прекрасно,—занимаюсь, читаю, люблюсь природой, наблюдаю здѣшній свободный, милый народъ и надѣюсь, что все это мнѣ долго не наскучитъ и принесетъ пользу”... (Т. А. Ергольской. Женева, 1857 г., апрѣль 17). „Здѣсь я уже 3 дня, но красивая мѣстность и прелестная жизнь въ деревнѣ въ окрестностяхъ Женевы такъ понравились мнѣ, что я думаю остаться здѣсь довольно долго”. (Т. А. Ергольской. Женева, 1857 г., апрѣль 4). Такое же восторженное письмо написано изъ окрестностей Женевы. „Не буду пытаться описывать вамъ всю красоту этого края, особенно теперь, когда все въ зелени и цвѣтахъ. Я вамъ скажу только, что буквально невозможно оторваться отъ этого озера, отъ этихъ береговъ и что я провожу большую часть моего времени въ созерцаніи и восхищеніи, гуляя или просто стоя у окна моей комнаты”. (Т. А. Ергольской. Кларанъ, 1857 г., май 18). Замѣчательно, что предметомъ восторговъ Толстого за границей является не только природа, но и люди—„этотъ свободный милый

народъ", какъ онъ выражается о швейцарцахъ; подъ этимъ „милымъ народомъ" онъ разумѣетъ, повидимому, не горожанъ, а людей, живущихъ по его идеалу деревенской жизнью.

Вернувшись изъ-за границы послѣ второй поѣздки туда въ 1860 году, посвященной почти исключительно больному брату Николаю, Толстой начинаетъ съ того, къ чему неудачно приступилъ еще въ 1847 году, будучи 19-лѣтнимъ юношей. Онъ живетъ въ Ясной Полянѣ, занимается хозяйствомъ, заводитъ въ имѣніи школу, примѣняетъ къ ней особую систему преподаванія, издаетъ педагогическій журналъ, пишетъ книги для народа; въ моментъ освобожденія крестьянъ Толстой уже хорошо зналъ бытъ мужика и его психику, совершенно сознательно высказался за освобожденіе крестьянъ съ землей и въ качествѣ мирового посредника принялъ самое дѣятельное участіе въ обезпеченіи крестьянскихъ интересовъ въ первое время послѣ обнародованія воли. Въ 1862 году онъ женился и сталъ жить спокойной и счастливой семейной жизнью. Такимъ образомъ совершился переходъ въ зрѣлый возрастъ, сдѣлано было все наиболѣе важное и обычное для молодости—пройдена или, по крайней мѣрѣ, испробована высшая школа, испытана военная служба даже на самомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій, произошло знакомство съ заграничной жизнью, начата семейная жизнь, сознательно избрана дѣятельность помѣщика. Мало того, внутренне пережиты отдѣльные порывы и стремленія, изъ которыхъ человѣкъ складываетъ свои взгляды на жизнь и людей; таковы—стремленія къ нравственному самосовершенствованію, къ природѣ, къ простой, искренней и дѣятельной жизни; таковы же мысли о величіи народнаго духа, о смирномъ героизмѣ, о ложныхъ проявленіяхъ культуры, особенно въ сторону такъ называемаго комфорта... Однимъ словомъ, готовъ былъ матеріалъ,—надо было строить зданіе своего міровоззрѣнія. И вотъ Толстой дѣлаетъ грандіозную

попытку опредѣлить свое отношеніе къ исторіи, современности, себѣ и другимъ людямъ. Еще не разочаровавшись въ своей художественной дѣятельности, онъ дѣлаетъ это путемъ большого романа „Война и Миръ”.

Въ этомъ романѣ—равно какъ и въ слѣдующемъ, „Анна Каренина”,—Толстой съ особенной силой выдвигаетъ вопросъ о смыслѣ нашего существованія. Письма и для этого момента его развитія даютъ много цѣнныхъ разъясненій. Мы узнаемъ, что въ этомъ отношеніи большую роль сыграла смерть его брата Николая, умершаго за границей въ 1860 году на рукахъ Льва Николаевича. Впечатлѣніе этого событія съ особенной силой выдвинуло въ сознаніи Толстого вопросъ о цѣли жизни и о величій и ужасѣ смерти. Въ октябрѣ 1860 года онъ писалъ А. А. Фету: „Мнѣ думается, что вы уже знаете то, что случилось. 20 сентября онъ умеръ, буквально на моихъ рукахъ. Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она все-таки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Никол. Никол. Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: „да что жъ это такое?”. Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ ежели онъ ничего не нашель, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше”. (А. А. Фету. Изъ-за границы, 1860 г., окт. 17). Смыслъ жизни послѣ смерти брата представился Толстому во всей его ужасающей обстановкѣ загадки и самообмана. „Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всей мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка. Будь полезенъ, будь добродѣтеленъ, счастливъ, покуда живъ,

говорятъ люди другъ другу; а ты, и счастье, и добродѣтель, и польза состоятъ въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати [двухъ лѣтъ, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. „Берите жизнь, какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе“. Какъ же. Я беру жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую всетаки онъ любитъ лучше всего, что эта правда ужасна. Что какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: „да что жъ это такое?“. Но разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь”... (А. А. Фету. Изъ-за границы, 1860 г., окт. 17).

Съ этихъ поръ начинается въ настроеніи Толстого тотъ кризисъ, который длится много лѣтъ, кризисъ мучительный, грозившій ему полною потерей вѣры въ смыслъ жизни. Когда прошелъ этотъ мучительный кризисъ, сложилось то ученіе Толстого, въ которомъ онъ далъ рядъ новыхъ путей жизни для новаго человѣка. Но былъ ли онъ самъ этимъ новымъ человѣкомъ? Мы видѣли, что для первой половины своей жизни, для періода исканій, Толстой, насколько можно судить по его письмамъ, всегда сливался съ своими героями не только мыслію, но и практикой своей жизни,—поэзія творчества и правда личной жизни шли рука объ руку. Было ли это сліяніе и во второй періодъ его жизни послѣ кризиса, въ періодъ религіозно - философской проповѣди? Письма, особенно за періодъ 1870—1910, т. е. за послѣдующія 30—40 лѣтъ жизни Толстого, проливаютъ много свѣта и на этотъ важный вопросъ.

При знакомствѣ съ ученіемъ Толстого возникаетъ

прежде всего сомнѣніе: жилъ ли Толстой такъ, какъ онъ совѣтуетъ? осуществлялъ ли онъ на практикѣ тѣ или другіе пункты своего ученія? соблюдалъ ли онъ свой распорядокъ дня, напр. свои четыре „упряжки"? занимался ли онъ физическимъ трудомъ? не отрывался ли онъ отъ природы и отъ ея живого обихода? Въ письмахъ мы не находимъ, правда, прямого и точнаго подтвержденія этому, но всюду видно самое настойчивое и искреннее стремленіе зрѣлаго человѣка, а потомъ и старика къ такому именно распорядку жизни. Въ октябрѣ 1889 г. онъ пишетъ Е. И. Попову: „...Я веду довольно правильную жизнь: утромъ пишу, все передѣлываю, дополняю, измѣняю то, что при васъ писалъ. По утрамъ пишу, а послѣ обѣда работаю въ лѣсу. За сапожную работу, которая даже очень нужна, никакъ не могу взяться. Еще занятіе—это переписка, чтеніе и общеніе съ людьми, которые приходятъ и пріѣзжаютъ"... (Е. И. Попову. Ясная Поляна, 1889 г., октябрь). Иногда физическая работа всецѣло захватываетъ Толстого и онъ даже совсѣмъ временно откладываетъ въ сторону перо. Въ письмѣ къ И. Б. Фейнерману онъ говоритъ: „Я живу хорошо: очень много, больше всѣхъ годовъ, работаю въ полѣ съ дѣвочками, особенно съ Машей, которая самая большая моя радость, и ничего не пишу... Вчера я послѣ обѣда копалъ съ Титомъ и Павломъ Ш. могилу для Гани и поминали васъ". (И. Б. Фейнерману. Ясная Поляна, 1888 г., августъ). Уже съ начала 70-хъ годовъ, т. е. еще въ годы своего духовнаго кризиса, онъ чувствовалъ себя во власти работы, и работы не призрачной, а именно такой, какую онъ всегда потомъ считалъ наиболѣе здоровой въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. „Какъ бы я охотно, пишетъ онъ А. А. Фету, пріѣхалъ къ вамъ, но заваленъ такъ дѣлами школьными, семейными и хозяйственными, что даже на охоту не успѣваю ходить. Надѣюсь быть свободнѣе, какъ зима настанетъ". (А. А. Фету. Ясная Поляна, 1874 г., окт. 22). Когда случается Тол-

стому прїѣхать въ Москву, онъ и тамъ ищетъ себѣ здороваго труда и тяготится, когда жизнь принимаетъ обычный городской характеръ съ гостями, съ пустыми разговорами и съ неизбежной тоской. „Сижу все дома, утромъ пытаюсь работать, плохо идетъ. Часа въ 2—3 иду за Москву - рѣку пилить дрова. И когда есть сила и охота подняться, это освѣжаетъ меня, придаетъ силы, видишь жизнь настоящую и хотя прыжкомъ въ нее окунешься и освѣжишься. Но когда не хожу (тому назадъ недѣли три я ослабѣлъ и пересталъ ходить, и совсѣмъ было спустился), раздраженіе, тоска. Вечеромъ сижу дома и одолѣваютъ гости. Хотъ и интересные, но пустые разговоры, и теперь хочу затвориться отъ нихъ”. (В. И. Алексѣеву. Москва, 1881 г., ноябрь (?)).

Главныя симпатіи Льва Николаевича были несомнѣнно на сторонѣ земледѣлія. Уже съ начала 60-хъ годовъ онъ любитъ въ письмахъ говорить о томъ, что „юхванствуетъ” (такъ называетъ Л. Н. свое увлеченіе земледѣліемъ) понемножку или что онъ въ „юхванствѣ” сидитъ по уши. На земледѣльческое хозяйство онъ смотритъ не только идеалистически, но и съ чисто практической стороны. Однако даже и въ 60-хъ годахъ, т. е. въ пору своей молодости, онъ не думаетъ о крупномъ землевладѣніи или о какомъ-либо обогащеніи на счетъ земли. „Я трехлѣтнимъ опытомъ дошелъ”, пишетъ онъ А. А. Фету въ 1860 г., „что со всевозможною дѣятельностью невозможно вести хлѣбопашество успѣшно и пріятно болѣе, чѣмъ на 60-ти, 70-ти десятинахъ, т. е. десятинахъ по 10-ти, 15-ти въ полѣ (въ 4-хъ). Только при этихъ условіяхъ можно не дрожать за всякій огрѣхъ, потому что вспашешь не два, а три и четыре раза, за всякій пропущенный работникомъ часъ, за лишній рубль въ мѣсяцъ работнику, потому что можно довести 15 десятинъ до того, чтобы онѣ давали 30, 40% съ капитала основнаго и оборотнаго, а 80, 100 десятинъ—нельзя”. (А. А. Фету. Ясная Поляна, 1860 г., іюнь 20). Съ тече-

ніемъ времени онъ все болѣе и болѣе настаиваетъ на томъ, чтобы въ имуществѣ, особенно земледѣльческомъ, не было обременительнаго излишка, который владѣлецъ не можетъ использовать, какъ слѣдуетъ, ни для себя, ни для другихъ. Въ 1888 г. въ письмѣ къ Е. И. Попову онъ говоритъ: „Вы очень хорошо рѣшили отдать остальную землю на повинности или на другое дѣло; главное въ томъ, чтобы безъ грѣха избавиться отъ излишка, такъ, кромѣ того, не сдѣлаете ли вы такъ: вы, вѣрно, загадывали, сколько вамъ будетъ стоить домъ и дворъ, такъ уменьшите эту сумму вдвое, отдавъ половину бѣдняку или бѣднякамъ на постройку, или еще лучше обстроивъ ихъ самихъ, а (на?) половину стройтесь такъ, чтобы это было съ натугой. И вообще строиться надо такъ, чтобы было только необходимое, а потомъ уже прибавлять, а не такъ, чтобъ было мѣсто запасомъ”. (Е. И. Попову. 1888 г., авг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйство дѣлается для Толстого средствомъ не только содержать себя физически, своими трудами, но и возможностью осуществить свои нравственные задачи; особенно удобнымъ считаетъ онъ хозяйство для установленія нормальныхъ, т. е. съ его точки зрѣнія любовныхъ, отношеній къ людямъ. „...Я затѣваю очень трудное.—Именно заниматься хозяйствомъ, имѣя въ виду не главное хозяйство, а отношенія съ людьми въ хозяйствѣ. Трудно не увлечься, не пожертвовать отношеніями съ людьми дѣлу, а надо такъ, чтобы вести хозяйственно; но всякій разъ, какъ вопросъ: выгода или человѣческія отношенія?—избрать послѣднее”. (Гр. С. А. Толстой. Москва, 1884 г., октябрь).

Отмѣчая такое отношеніе Л. Н. Толстого къ своему имуществу, мы должны заключить, что лично онъ былъ безкорыстенъ. И это также подтверждается его письмами. Въ томъ же письмѣ къ С. А. Толстой изъ Москвы въ окт. 1884 г., онъ практикой своей жизни старается доказать избитую поговорку, что не въ деньгахъ счастье: „Я не могу не повторять, что счастье или несчастье всѣхъ насъ не

можетъ зависѣть ни на волосъ отъ того, проживемъ ли мы что, или наживемъ, а только отъ того, что мы сами будемъ. Чтобы это не показалось пошлостью, надо пошире, подальше смотрѣть на жизнь. Какова наша съ тобою жизнь съ нашими горестями и радостями, такова будетъ жизнь настоящая у нашихъ дѣтей, и потому важно помочь имъ пріобрѣсти то, что давало намъ счастье, и помочь избавиться отъ того, что намъ принесло несчастье, а не языки, не дипломы, ни свѣтъ, ни еще меньше деньги, не принимали участія въ нашемъ счастьи и несчастьи. И потому вопросъ о томъ, сколько мы проживемъ, не можетъ занимать меня; если приписывать ему важность, онъ заслонитъ то, что точно важно". (Гр. С. А. Толстой. Москва, 1884 г., октябрь). Какъ въ хозяйствѣ Толстой не хочетъ преслѣдовать цѣлей наживы, такъ и писательскую дѣятельность онъ старается какъ можно рѣзче отграничить отъ корыстныхъ видовъ. Заботясь о томъ, чтобы обезпечить писателю О. О. Тищенко скромный гонораръ за его повѣсть, онъ въ то же время прибавляетъ: „Но дѣло не въ 50-ти рубляхъ и не въ 50 милліонахъ. Денежная сторона дѣла не только ничтожная, но и вредная. Избави васъ Богъ отъ того, чтобы сдѣлать свое писаніе средствомъ пріобрѣтенія денегъ. Дѣло въ томъ, чтобы не погрѣшигъ словомъ, а употреблять его на служеніе людямъ. Отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься. За всякое слово праздное дашь отвѣтъ въ день суда". (О. О. Тищенко. Москва, 1886 г., февр.). Весьма характерно, что самъ Толстой искренне радуется тому, что его миновала грандіозная Нобелевская премія, и видитъ въ этомъ средство спасти себя отъ вреднаго денежнаго излишка и въ то же время сдѣлать еще одинъ шагъ на пути къ любовному общенію съ людьми. „Назначеніе не мнѣ Нобелевской преміи было мнѣ вдвойнѣ пріятно: во-первыхъ, тѣмъ, что избавило меня отъ тяжелой необходимости такъ или иначе распоря-

даться деньгами, которыя считаются всѣми очень нужнымъ и полезнымъ предметомъ, мною же—источникомъ всякаго рода зла; во-вторыхъ, тѣмъ, что послужило поводомъ къ выраженію мнѣ своего сочувствія уважаемыхъ мною людей, за которое отъ всей души благодарю васъ”. (Шведскому обществу художниковъ и ученыхъ. Гаспра, 1902 г., янв. 20). И вообще для Толстого было особенно тягостно сознавать, что люди, даже интеллигентные, обыкновенно тѣсно связываютъ свою дѣятельность, и даже духовную дѣятельность, съ матеріальной выгодой. „Не въ тысячу ли разъ важнѣе духовная дѣятельность, ученіе и учительство, и въ этихъ дѣлахъ мы ставимъ на первый планъ не только выгоды, но хуже этого. Мы прежде всего рѣшаемъ, что вся наша жизнь съ семьей будетъ держаться на матеріальныхъ условіяхъ извѣстнаго мѣста, а потомъ уже, сообразно съ условіями этого мѣста, устанавливаемъ нашу духовную дѣятельность. Что же можетъ быть ужаснѣе этого”. (Н. Я. Гроту. Ясная Поляна, 1888 г. іюль).

Отказавшись на практикѣ отъ исключительныхъ матеріальныхъ выгодъ, Толстой въ духѣ своего ученія сформулировалъ цѣль своей жизни въ знаменательныхъ словахъ, высказанныхъ имъ въ письмѣ къ В. А. Молочникову изъ Ясной Поляны въ сент. 1906 г. Эти слова имѣютъ уже не утопическій, но вполне реальный характеръ: „Не думать о Царствіи Божьемъ, не желать, не искать его нельзя пробудившимся къ жизни людямъ. Дѣло только въ томъ, что для достиженія этого царствія Божьяго есть только одно самое могущественное средство, то самое, которое вы говорите: дѣлать свое дѣло прежде всего вокругъ себя, въ томъ положеніи, въ которомъ находишься, если только можешь продолжать находиться въ этомъ положеніи и не участвовать въ злѣ”. (В. А. Молочникову. Ясная Поляна, 1906 г., сент. 24). Дѣлать свое дѣло и не принимать участія въ злѣ жизни—эта формула, насколько можно судить по пись-

мамъ Толстого, реализуется имъ на всемъ протяженіи его жизни, особенно послѣднихъ 30—40 лѣтъ.

Ближайшимъ своимъ дѣломъ онъ считаетъ служеніе народу. Еще въ 1860-мъ году онъ пишетъ А. А. Фету: „Не намъ нужно учиться, а намъ нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко тому, что мы знаемъ”. (Ясная Поляна, 1860, февр. 23). Двадцать пять лѣтъ спустя, въ отвѣтъ на письмо „тифлисскихъ барышень”, ищущихъ для себя полезнаго дѣла, Толстой указываетъ опять на то же терпѣливое и разумное служеніе дѣлу просвѣщенія простого народа: „Существуютъ въ Москвѣ издатели народныхъ книгъ, азбукъ, ариѳметикъ, исторій, календарей, картинъ, рассказовъ. Все это продается въ огромныхъ количествахъ, независимо отъ достоинства содержанія, а только потому, что приучены покупатели и есть искусные продавцы... Дѣло же, предлагаемое мною вамъ, слѣдующее: взять одну или нѣсколько изъ этихъ книгъ—азбуку ли, календарь, романъ ли (особенно нужна работа надъ повѣстями: онѣ дурны и ихъ много расходуется), прочесть и исправить или вовсе передѣлать. Если вы исправите опечатки, безсмыслицы, тамъ встрѣчающіяся ошибки и безсмыслицы географическія и историческія—то и то будетъ польза, потому что, какъ ни плоха книга, она всетаки будетъ продаваться. Польза будетъ въ томъ, что меньше будетъ вздору и безсмыслицы сообщаться народу. Если вы при этомъ выкинете еще мѣста глупыя или безнравственныя, замѣнивъ ихъ такими, чтобы не нарушался смыслъ,—это будетъ еще лучше”. (Тифлисскимъ барышнямъ. 1885 г.(?)). Самъ Толстой, какъ извѣстно, до послѣдняго времени не оставлялъ своихъ занятій съ крестьянскими дѣтьми и терпѣливо велъ это дѣло, несмотря на всю его трудность. Въ апрѣлѣ 1907 г., за три года до смерти, онъ пишетъ Е. И. Попову: „Я и не отвѣчалъ вамъ долго, потому что весь поглощенъ моими занятіями съ дѣтьми деревенскими”... (Е. И. Попову. 1907 г., апр. 7). Въ дни народнаго бѣдствія, связаннаго

съ голодомъ, Толстой полонъ энергіи. Тутъ лучше всего оправдывается то именно толкованіе его непротивленства, по которому злу нельзя противиться зломъ, но нужно противопоставить добро. Въ 1891 году онъ самымъ ревностнымъ образомъ борется съ голодомъ. „Тобой полученныя пожертвованія очень хороши“, пишетъ онъ С. А. Толстой. „Поразительны 1,500 арш. матеріи и количество вермишели. Ее надо будетъ раздавать въ большіе праздники. Матеріи же тоже поразительно нужны. Нынче я видѣлъ вдову съ дѣтьми положительно голыхъ. Только одинъ мальчикъ можетъ выходить. Я еще не видалъ такой бѣдности“. (Гр. С. А. Толстой. Бѣгичевка, Рязанск. губ. 1891 г., ноябрь 19). „Столовые расползаются, какъ сыпь. Теперь уже болѣе 30 и идутъ хорошо. Я вчера вечеромъ посѣтилъ двѣ. Трогательно видѣть, какъ ребята съ ложками бѣгутъ толпой. Попался нищенка-мальчикъ изъ чужой деревни. Его пригласили и накормили, и спать положили въ столовой“. (Гр. С. А. Толстой, Бѣгичевка, Рязанск. губ., 1891 г., ноябрь 25). Справедливость требуетъ указать, что такое же участіе къ народному горю, судя по письмамъ, Толстой проявлялъ и за двадцать лѣтъ до этого момента, именно въ 1873 г. („Письмо въ редакцію“. Хуторъ на Тананыкѣ, 1873 г., іюнь 28). Конечно, онъ хорошо понималъ, что отдѣльныя жертвы въ годы народныхъ бѣдствій—капля въ морѣ, что это—палліативы, не создающіе народнаго благоденствія; но все дѣло въ томъ, что благотворительность Толстой рассматривалъ не только какъ врачующее средство для голоднаго и больного, но и какъ могучее нравственно-воспитательное средство для самого благотворителя. По мнѣнію Толстого, доброе дѣло нужно прежде всего тому, кто его дѣлаетъ, потому что доброе дѣло помогаетъ человѣку уяснить себѣ смыслъ жизни и свое человѣческое въ ней назначеніе. „Правда, что то, что могутъ сдѣлать частные люди, только капля въ морѣ крестьянской

нужды; правда и то, что помощь въ видѣ столовыхъ, удешевленія продажи хлѣба или раздачи его, прокормленія скота и т. п. суть только палліативы и не устраняютъ основныхъ причинъ бѣдствія. Все это правда, но правда и то, что во-время оказанная помощь можетъ спасти жизнь старика, ребенка, можетъ замѣнить отчаяніе, враждебность заброшеннаго человѣка, чувствомъ вѣры въ добро и братство людей. И что важнѣе всего, несомнѣнно правда то, что всякій человѣкъ нашего круга, который вмѣсто того, чтобы не только думать объ увеселеніяхъ: театрахъ, концертахъ, подписныхъ обѣдахъ, бѣгахъ, выставкахъ и т. п., подумаетъ о той крайней, сравнительно съ городской показной жизнью, нуждѣ, въ которой сейчасъ, въ эту самую минуту, живутъ многіе и многіе изъ нашихъ братьевъ, — что такой человѣкъ, если онъ постарается, хоть какъ-бы то ни было, неумѣло, пожертвовать хоть малѣйшей долей своихъ удовольствій, помочь этой нуждѣ,—несомнѣнно поможетъ самому себѣ въ самомъ важномъ на свѣтѣ дѣлѣ, — въ разумномъ пониманіи смысла жизни и въ исполненіи въ ней своего человѣческаго назначенія". (Въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей". 1898 г., февраль 4).

Нельзя сказать однако, что Толстой реализировалъ свой идеалъ только на народной массѣ. Онъ широко и многосторонне участвовалъ и вообще въ современной ему русской жизни. Письма и въ этомъ отношеніи даютъ много подтвержденій. Противникъ всякой активной борьбы со зломъ и неустройствомъ жизни, онъ предпочиталъ дѣйствовать словомъ, убѣжденіемъ, лаской, любовнымъ совѣтомъ. Это легко провѣряется напр. на цѣломъ рядѣ писемъ, въ которыхъ Толстой выступаетъ заступникомъ за арестованныхъ, осужденныхъ или просто несчастныхъ. Таково письмо 1886 года (январь-февраль) къ П. И. Бирюкову по поводу Залюбовскаго, сосланнаго за отказъ отъ воинской повинности; таковы же письма 1896 г. (ноябрь 1) къ начальнику дисциплинарнаго ба-

тальона и 1905 г. (дек. 1) къ редактору „Р. Вѣдомостей“ на ту же тему, письмо 1896 года къ министру юстиціи по поводу женщины - врача Н., арестованной по обвиненію въ распространеніи сочиненій Толстого, и письмо 1883 года къ гр. А. А. Толстой съ просьбой за трехъ престарѣлыхъ раскольничьихъ архіереевъ, которые „22 года сидятъ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ“ „за свои религіозныя убѣжденія“; сюда же слѣдуетъ отнести и замѣчательное по смѣлости и глубинѣ мыслей письмо къ имп. Александру III по поводу 1 марта 1881 г., содержащее теорію духовной борьбы съ революціей. Самымъ же могучимъ средствомъ улучшенія и осмысленія жизни Толстой считалъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, широкое и любовное общеніе съ людьми всѣхъ положеній и даже національностей. Письма его за послѣднія 20 — 30 лѣтъ—это отклики на самыя разнообразныя и безчисленныя къ нему обращенія и воззванія. Мысль о любовномъ общеніи была какимъ-то неумолкавшимъ припѣвомъ во всѣхъ разговорахъ и письмахъ Толстого. Такъ, на просьбу Л. Е. Оболенскаго прислать что-нибудь для журнала „Русское Богатство“ Левъ Николаевичъ говоритъ (въ письмѣ 1889 г., іюнь(?)): „Напишу ли или не напишу я для васъ, будетъ или не будетъ существовать вашъ журналъ—это неважно: важно то, чтобы съ вами мы любили другъ друга“. Интересно, что средствомъ общенія съ людьми Толстой считалъ, между прочимъ, не столько обычныя встрѣчи у себя дома или въ гостяхъ, или обычныя путешествія, имѣющія, такъ сказать, чисто - кинематографическій характеръ, — сколько именно ходьбу пѣшкомъ и непосредственное знакомство съ людьми и ихъ жизнью. Идя пѣшкомъ въ пеньковыхъ чуняхъ въ Оптину Пустынь, онъ пишетъ съ дороги въ іюлѣ 1881 года С. А. Толстой: „Нельзя себѣ представить, до какой степени ново, важно и полезно для души (для взгляда на жизнь) увидать, какъ живетъ міръ Божій большой, настоящій,

а не тотъ, который мы устроили себѣ и изъ котораго не выходимъ, хотя бы объѣхали вокругъ свѣта"... Считая также знаніе языковъ лучшимъ средствомъ общенія, онъ называлъ этотъ родъ знанія самой христіанской наукой. „Я всегда думалъ — пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1874 г.—, что нѣтъ болѣе христіанской науки, какъ знаніе языковъ, то знаніе, которое даетъ возможность общенія и единенія съ наибольшимъ количествомъ людей". Съ этой точки зрѣнія ему казалось очень полезнымъ даже усвоеніе языка эсперанто, что онъ и выражаетъ въ письмѣ къ эсперантистамъ 2 апрѣля 1874 года.

То „состояніе спокойствія и счастья", которое ощутилъ Толстой съ момента усвоенія смысла жизни и которое онъ поддерживалъ постоянной реализаціей своего идеала, позволяло ему спокойно относиться къ смерти и заранѣе дѣлало ее духовно безболѣзненной, и, слѣдовательно, еще одинъ пунктъ изъ ученія Толстого осуществлялся въ практикѣ его жизни. Еще въ 1886 году (дек. 9) онъ пишетъ Н. Н. Ге: „Все идетъ прекрасно, но стараюсь не разрушать въ себѣ сознанія близости смерти среди жизни". Два года спустя въ письмѣ къ М. А. Новоселову (1888 г.) онъ говоритъ на этотъ счетъ еще характернѣе: „Я все лѣто работалъ надъ сочиненіемъ о жизни — началъ печатать. Здоровье слабѣетъ, но жизнь крѣпнеть и какъ будто свѣтлѣетъ". Спустя еще 7 лѣтъ, когда Толстому было уже значительно за шестьдесятъ, онъ пишетъ Л. О. Анненковой (1895, авг.): „Про себя скажу, что мое приближеніе къ плотской смерти, которое я все болѣе и болѣе чувствую, укрѣпляетъ меня въ этой жизни и иногда прямо радуетъ, не потому что я уйду отъ этой жизни, а потому что чувствую большую твердость въ этой жизни". Черезъ 12 лѣтъ послѣ этого, въ 1907 году, уже 80-лѣтнимъ старцемъ, Толстой, работая съ одушевленіемъ надъ своимъ „Кругомъ чтенія", пишетъ Т. А. Кузминской: „Читая всѣ эти мысли, все больше и больше, особенно

въ мои годы, понимаешь и чувствуешь, что жизнь серьезное дѣло. „Ernst ist das Leben”, — сказалъ Шиллеръ прежде меня. И такъ хорошо, спокойно, радостно бываетъ, когда живо чувствуешь это. Радостно жить, — радостно умирать”. Проходитъ еще годъ, — и радость осмысленной смерти послѣ осмысленно изжитой жизни становится прочной идеей въ сознаниіи Толстого. По поводу предстоявшаго ему и непріятнаго для него собственнаго юбилея онъ говоритъ М. М. Д.-К—ой (1908, февраль): „Готовящіяся мнѣ юбилейныя восхваленія мнѣ въ высшей степени — не скажу тяжелы — мучительны. Я настолько старъ, настолько близокъ къ смерти, настолько желаю уйти туда, пойти къ Тому, отъ Кого я пришелъ, что всѣ эти тщеславныя жалкія проявленія мнѣ только тяжелы”... Сознаніе смерти является для Толстого не средствомъ запугиванія человѣка, но побужденіемъ къ хорошей и дѣятельной жизни: „Какъ дурно, не религіозно живутъ безъ сознанія не столько смерти, сколько частичности своего здѣшняго существованія. Думать о смерти нечего, но жить надо въ виду ея. Вся жизнь становится торжественна, значительна и истинно плодотворна и радостна. Въ виду смерти мы не можемъ не работать усердно и потому, что она всякую минуту можетъ прервать работу, и потому, что въ виду смерти нельзя работать то, что не нужно для всей жизни, т. е. для Бога. А когда такъ работаешь, жизнь становится радостнѣй и нѣтъ этого пугала — страха смерти, которое отравляетъ жизнь и живущихъ въ виду смерти людей. Страхъ смерти обратно пропорціоналенъ хорошей жизни. При святой жизни этотъ страхъ — ноль”. (N. N. С. Никольское, 1905 г., авг. 14).

Но по мѣрѣ того какъ приближался моментъ духовно безболѣзненной смерти, Толстого все болѣе и болѣе тревожила мысль, что онъ не выполнилъ цѣликомъ той программы жизни, которую такъ настойчиво ставилъ себѣ и другимъ. Отсюда изъ этой тревоги ведетъ свое

происхожденіе драма послѣднихъ его дней. Начало ея надо искать еще въ молодости Толстого. Еще въ 1865 году онъ пишетъ свой свояченицѣ Т. А. Берсъ: „...Да, вотъ я разсуждаю уже 2-й день, что очень грустно, оттого что на свѣтѣ всѣ эгоисты, изъ которыхъ первый я самъ. Я не упрекаю никого, но думаю, что это очень скверно и что нѣтъ эгоизма только между мужемъ и женой, когда они любятъ другъ друга. Мы живемъ теперь два мѣсяца одни одинешеньки съ дѣтьми, которыя первые эгоисты, и никому до насъ дѣла нѣтъ. Какъ бы это выучиться такъ жить, чтобы всегда радоваться счастьемъ другого”. (Т. А. Берсъ. Ясная Поляна, 1865 г., февр.). Уже съ этихъ поръ онъ начинаетъ мучительно сознать разладъ между своимъ семейнымъ счастьемъ и домашнимъ довольствомъ, которое ему представляется чѣмъ-то эгоистическимъ, и той нуждой, тѣмъ повсюднымъ горемъ, которое онъ видитъ вокругъ себя и своей семьи. Въ томъ же 1865 году по поводу голода онъ пишетъ Фету: „Послѣднее время я своими дѣлами доволенъ, но общій ходъ дѣлъ, т. е. предстоящее народное бѣдствіе голода, съ каждымъ днемъ мучаетъ меня больше и больше. Такъ странно и даже хорошо и страшно. У насъ за столомъ редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкій хлѣбъ на чистой скатерти, въ саду зелень, молодая наша дамы въ кисейныхъ платьяхъ, рады, что жарко и тѣнь, а тамъ этотъ злой чертъ голодъ дѣлаетъ уже свое дѣло, покрываетъ поля лебедой, разводитъ трещины по высохнувшей землѣ и обдираетъ мозольныя пятки мужиковъ и бабъ и трескается копыта у скотины”. (А. А. Фету. Ясная Поляна, 1865 г., май 16). Иногда Толстого гнететъ мучительное сознаніе разлада, уже не матеріальнаго, а чисто нравственнаго, между имъ самимъ, намѣчающимъ новые пути жизни, и между окружающей его людской средой,— можетъ быть, даже средой его семьи. Описывая В. И. Алексѣеву въ 1882 г. состояніе своей семьи, онъ доба-

вляеть: „Малыши славные мальчики, здоровые. Я довольно спокоенъ, но грустно часто отъ торжествующаго самоувѣреннаго безумія окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачѣмъ мнѣ дано такъ ясно видѣть ихъ безуміе, а они совершенно лишены возможности понять свое безуміе, и свои ошибки, и мы такъ стоимъ другъ противъ друга, не понимая другъ друга и удивляясь, и осуждая другъ друга. Только ихъ легіонъ, а я одинъ; имъ какъ будто весело, а мнѣ какъ будто грустно”. (В. И. Алексѣеву. Москва, 1882 г., ноябрь (?)).

Приблизительно уже съ 1890-го года, т. е. за двадцать лѣтъ до смерти, онъ начинаетъ выражать горькое недовольство по поводу того, что не можетъ твердой рукой направить свою жизнь по тому пути, который ему кажется правильнымъ. „Вы спрашиваете, покоенъ ли я духомъ”, пишетъ онъ въ 1890 г. Л. О. Анненковой. „Славу Богу, не спокоенъ. Если вы спросите въ томъ смыслѣ, что нѣтъ ли у меня сомнѣній въ пути, по которому хочу итти, нѣтъ ли у меня отчаянія, или хоть недовольства на устройство, порядокъ міра, нѣтъ ли у меня страха передъ смертью или жизнью, то прямо скажу, что нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ спокоенъ, но неспокоенъ въ томъ, что вижу ясно отклоненіе моихъ поступковъ отъ того пути, по которому хочу итти, и оттого неспокоенъ”. (Л. О. Анненковой. Ясная Поляна, 1890 г., июль). Съ году на годъ это сознаніе несоотвѣтствія между собственной жизнью и идеаломъ растетъ все больше и больше; по временамъ Толстому даже кажется, что его личная жизнь мѣшаетъ осуществленію того, что онъ проповѣдуетъ, и что въ его образѣ жизни и дѣятельности послѣдователи его имѣютъ право не видѣть оправданія его идеала. По поводу своей біографіи, задуманной Н. Г. Молостовымъ, онъ пишетъ въ 1897 году: „Другая сторона вашей дѣятельности, составленіе моей біографіи, не только не вызываетъ моего сочувствія, но прямо непріятна мнѣ и, я думаю, без-

полезна для васъ, и потому помогать вамъ въ ней не считаю нужнымъ. Не думайте, пожалуйста, что я говорю это изъ ложной скромности; я истинно убѣжденъ въ томъ, что моя личность есть только помѣха для того дѣла, которому я хотѣлъ бы служить и чѣмъ больше уничтожается и сотрется она, тѣмъ это будетъ лучше для дѣла". (Н. Г. Молостову. Москва, 1897 г., февр. 19). Съ этой же точки зрѣнія Толстой начинаетъ сторониться всякаго чествованія своей литературной или общественной дѣятельности, и по поводу, напр., своего юбилея въ 1908 г. онъ почти съ отчаяніемъ говоритъ (въ письмѣ М. М. Д.-К—ой, 1908, февраль 27) „о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое произведутъ на тѣхъ людей, которые вѣрятъ... искренно и глубоко... произведутъ эти восхваленія человѣка, нарушившаго то, во что они вѣрятъ".

И вотъ за десять слишкомъ лѣтъ до смерти созрѣваетъ у Толстого мысль о томъ, чтобы уйти изъ семьи и окружающей его жизни и осуществить, хотя на себѣ самомъ, въ полнотѣ свой идеалъ. Въ письмѣ 1897 года къ С. А. Толстой, найденномъ послѣ смерти Л. Н. Толстого, говорится подробно то же, что сказано и въ послѣднемъ письмѣ его къ ней же, написанномъ спустя слишкомъ 13 лѣтъ, въ октябрѣ 1910 года: „Уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могъ, уйти отъ васъ до сихъ поръ я тоже не могъ, думая что я лишу дѣтей, пока они малы, хоть того малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же такъ жить, какъ я жилъ эти 16 лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ подпадая подъ тѣ вліянія и соблазны, къ которымъ я привыкъ и которыми я окруженъ, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: уйти, во-первыхъ, потому, что мнѣ съ моими увеличивающи-

мися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединенія и, во-вторыхъ, потому, что дѣти выросли, вліяніе мое уже не нужно и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе... Если бы я открыто сдѣлалъ это, были бы просьбы, осужденія, споры, и я бы ослабѣлъ, можетъ быть, и не исполнилъ бы своего рѣшенія, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступокъ сдѣлаетъ вамъ больное, и въ душѣ своей, главное ты, Соня, отпусти меня добровольно и не ищи меня и не сѣгуй на меня, не осуждай меня... Ты дала мнѣ и міру то, что могла дать. Дала много материнской любви и самоотверженія, и нельзя не цѣнить тебя за это. Но въ послѣднемъ періодѣ нашей жизни— послѣднія 15 лѣтъ мы разошлись. Я не могу думать, что я виноватъ, потому что знаю, что измѣнился я ни для себя, ни для людей, а потому, что не могъ иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю и съ любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мнѣ". (Гр. С. А. Толстой. Ясная Поляна, 1897 г., июнь 8).

Почему однако Толстой тогда же, въ 1897 году, не исполнилъ своего намѣренія, а отложилъ его на много лѣтъ? Ключъ къ пониманію этой загадки даетъ онъ самъ, десять лѣтъ спустя послѣ этого рѣшительнаго письма. Въ письмѣ 1908 г. къ М. С. Дудченко—одному изъ тѣхъ, которые, видимо, даже совѣтовали Толстому сдѣлать тотъ или иной рѣшительный шагъ къ перемѣнѣ образа жизни, — Толстой говоритъ: „Одно могу сказать, что причины, удерживающія меня отъ той перемѣны жизни, которую вы мнѣ совѣтуете и отсутствіе которой составляетъ для меня мученіе,—что причины, препятствующія этой перемѣнѣ, вытекаютъ изъ тѣхъ самыхъ основъ любви, во имя которыхъ эта перемѣна желательна и вамъ и мнѣ. Весьма вѣроятно, что я не знаю,

не умѣю, или просто во мнѣ есть тѣ дурныя свойства, которыя мѣшаютъ мнѣ исполнять то, что Вы совѣтуете мнѣ”. (М. С. Дудченко. Ясная Поляна, 1908 г., апр. 7).

Прошло послѣ этого еще два года, и разладъ съ собой, съ семьей и окружающей обстановкой сталъ невыносимъ. Въ іюлѣ 1910 г. Толстой передаетъ изъ комнаты въ комнату письмо С. А—ѣ, въ которомъ чувствуется, что дальше онъ жить такъ не можетъ: „... Я бы могъ продолжать жить такъ, если бы я могъ спокойно переносить твои страданія. Но я не могу. Вчера ты ушла взволнованная и страдающая. Я хотѣлъ спать лечь, но сталъ не то что думать, а чувствовать тебя, и не спать, и слушалъ до часу, до двухъ, и опять просыпался и слушалъ, и во снѣ, или почти во снѣ видѣлъ тебя. Подумай спокойно, милый другъ, послушай своего сердца, почувствуй, и ты рѣшишь все, какъ должно. Про себя же скажу, что я съ своей стороны рѣшилъ все такъ, что иначе не могу”. (Гр. С. А. Толстой. Ясная Поляна, 1910 г., іюль 14, утромъ). Еще три мучительныхъ мѣсяца, и послѣдній шагъ на пути къ матеріализаціи своего идеала былъ сдѣланъ Толстымъ твердо и безповоротно. „Отъѣздъ мой огорчитъ тебя”, пишетъ Толстой въ послѣдній разъ 28 окт. 1910 г. С. А—ѣ, „сожалѣю объ этомъ, но пойми и повѣрь, что я не могъ поступить иначе. Положеніе мое въ домѣ становится невыносимымъ... Я не могу болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ роскоши, въ которыхъ жилъ, и дѣлаю то, что обыкновенно дѣлаютъ старики моего возраста. Уходятъ изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и тиши послѣдніе дни своей жизни. Пожалуйста, пойми это и не ѣзди за мной, если узнаешь, гдѣ я. Такой твой пріѣздъ не измѣнитъ моего рѣшенія. Благодарю тебя за твою честную 48-лѣтнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всемъ, чѣмъ я былъ виноватъ передъ тобой, такъ же, какъ и я отъ всей души прощаю тебя, чѣмъ ты могла быть виновата передо мной. Совѣтую

тебѣ помириться съ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ которое ставитъ мой отъѣздъ, и не имѣть противъ меня недобраго чувства"... (Гр. С. А. Толстой. Ясная Поляна, 1910 г., окт. 28).

Этотъ уходъ изъ семьи роковымъ образомъ оказался вмѣстѣ съ тѣмъ и уходомъ изъ жизни. Поэтому послѣднія, прощальныя слова Толстого, обращенныя къ С. А—ѣ, звучатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ обращеніе ко всѣмъ людямъ, такъ или иначе его знавшимъ и судившимъ. „Совѣтую — какъ бы говоритъ Толстой намъ всѣмъ—не имѣть противъ меня недобраго чувства". И, въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы питать къ нему недобрыя чувства за то, что онъ, ставя величавыя задачи, впадалъ иногда —можетъ быть, и невольно —въ ошибки и противорѣчія, или за то, что не оправдалъ вполнѣ своего идеала и на послѣдній героическій шагъ рѣшился лишь наканунѣ смерти? Когда приходится произносить въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе рѣшительный надъ Толстымъ приговоръ, невольно приходитъ на память его рассказъ — тоже въ одномъ изъ писемъ — о разбитомъ параличомъ монахѣ, пролежавшемъ въ Оптиной Пустынѣ 30 лѣтъ. „Въ Оптиной Пустынѣ, говоритъ Толстой, „въ продолженіе болѣе 30-ти лѣтъ лежалъ на полу разбитый параличомъ монахъ, владѣвшій только лѣвой рукой. Докторъ говорилъ, что онъ долженъ былъ сильно страдать, но онъ не только не жаловался на свое положеніе, но постоянно крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражалъ свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась въ немъ. Десятки тысячъ посѣтителей бывали у него, и трудно представить себѣ все то добро, которое распространилось на міръ отъ этого лишеннаго всякой возможности дѣятельности человѣка. Навѣрно, этотъ человѣкъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ тысячи и тысячи здоровыхъ людей, воображающихъ, что они въ разныхъ учрежденіяхъ служатъ міру. Пока есть жизнь въ человѣкѣ, онъ можетъ совершенствоваться и

служить міру. Но служить міру онъ можетъ только совершенствуясь, а совершенствоваться—только служа міру”. (N. N. (1902 г.) Какъ много общаго въ идейномъ отношеніи у Толстого съ этимъ монахомъ! Богатырь духа, парализованный окружающей семейной и общественной обстановкой, онъ все время рвался къ широкой осмысленной жизни и дѣятельности; были моменты, когда Толстой сѣтовалъ даже на то, что онъ не можетъ пострадать за свои убѣжденія,—это онъ иногда выражаетъ и въ письмахъ. Такъ въ письмѣ къ И. Б. Фейнерману (Ясная Поляна, 1894 г., іюнь 1), по поводу различныхъ арестовъ, онъ говоритъ: „Мнѣ тяжело быть на волѣ... Впрочемъ не надо напрашиваться, какъ и отказываться”... Физическая воля была тяжка, потому что духовно всегда Толстой чувствовалъ себя невольникомъ. Но подобно этому больному старцу изъ Оптиной Пустыни, Толстой всю жизнь былъ центромъ, куда дѣломъ и мыслью стекались тысячи посѣтителей, вынося оттуда, изъ Ясной Поляны, изъ думъ и рѣчей великаго старца, не только его вольныя и невольныя ошибки, но и, главнымъ образомъ, то добро, которое привлекло къ Толстому вниманіе цѣлаго міра. Это добро было однако не только поэзіей его художественной дѣятельности, но и правдой его повседневной жизни, и въ этомъ отношеніи письма Толстого даютъ цѣлый рядъ цѣнныхъ свидѣтельствъ.

Бѣлинскій и западничество ¹⁾).

Великихъ писателей часто почитаютъ совсѣмъ не за то, чѣмъ они дѣйствительно велики. Такъ, иные современники Петрарки гораздо больше прославляли его за латинскіе гексаметры, чѣмъ за итальянскіе сонеты. Такихъ ошибокъ въ оцѣнкѣ Бѣлинскаго не избѣжали нѣкоторые его почитатели. Такъ, Грановскій, а вслѣдъ за нимъ даже и Тургеневъ несомнѣнно ошибались, называя Бѣлинскаго русскимъ Лессингомъ. Неистовый Виссаріонъ съ его стремительнымъ домогательствомъ истины и ученый издатель Вольфенбюттельскихъ фрагментовъ съ его дисциплинированнымъ протестантскимъ раціонализмомъ были люди разнаго темперамента и разныхъ культуръ. Ни Бѣлинскій не былъ русскимъ Лессингомъ. Ни Лессингъ не былъ нѣмецкимъ Бѣлинскимъ. Каждый изъ нихъ настолько великъ самъ по себѣ, что его можно и должно изучать не какъ болѣе или менѣе общій типъ, а какъ нѣчто совершенно индивидуальное, не имѣющее себѣ подобныхъ.

Съ этой точки зрѣнія возникаетъ такой вопросъ. Бѣлинскаго обыкновенно причисляютъ къ русскимъ западникамъ. Правиленъ ли такой взглядъ? Дѣйствительно ли онъ былъ западникомъ тридцатыхъ и сороковыхъ

годовъ? Это не простая ученая справка, а вопросъ, отъ котораго зависитъ какъ историческое, такъ и принципиальное значеніе Бѣлинскаго. Во-первыхъ, это вопросъ о степени его независимости. Во-вторыхъ, это вопросъ о томъ, насколько его идеи могутъ выдержать испытаніе времени, этого „великаго критика“, какъ онъ самъ выражался ²⁾, насколько ихъ содержаніе является не временнымъ и преходящимъ, а длительнымъ и даже, можетъ быть, вѣчнымъ. Наконецъ, это вопросъ о томъ, насколько Бѣлинскій является писателемъ общерусскимъ. Славянофильство и западничество давно уже перестали быть безобидными, утопическими, кабинетными доктринами, которыя, какъ писалъ Хомяковъ въ 1844 г., „не мѣшаютъ какому-то добродушному русскому единству“. Это враждебныя партіи, которыя ведутъ уже не философскіе споры другъ съ другомъ, а ожесточенную гражданскую борьбу, лишній разъ подтверждающую старое Аристотелево замѣчаніе, что тяжки войны между братьями. Если Бѣлинскій былъ западникомъ и только западникомъ, то не приходится ли считать его духовнымъ вождемъ только одной партіи, одного толка русскаго общества? Вотъ почему я и позволю себѣ остановиться на вопросѣ, дѣйствительно ли Бѣлинскій былъ западникомъ и, если да, то въ какомъ именно смыслѣ.

Вопросъ этотъ далеко не такъ простъ, какъ это можетъ казаться. Такъ, Бѣлинскій обвинялъ своихъ противниковъ изъ славянофильскаго лагеря въ томъ, что они „высосали“ ³⁾ свою доктрину у французскихъ социалистовъ, иными словами, обвинялъ ихъ въ западничествѣ. Далѣе, онъ находилъ у славянофиловъ много пріемлемаго и даже привлекательнаго. Наконецъ, нѣкоторые изъ его собственныхъ взглядовъ сильно напоминаютъ славянофильскія ученія. Какъ Тургеневъ, описывая наружность Бѣлинскаго, говорилъ о его голубыхъ глазахъ, а Кавелинъ—о сѣрыхъ, такъ и объ убѣжденіяхъ Бѣлинскаго можно какъ будто утверждать и то, что онъ былъ

западникомъ, и то, что онъ былъ славянофиломъ. Очевидно, одно изъ двухъ: или Бѣлинскій совсѣмъ не былъ западникомъ, или же онъ былъ западникомъ въ особомъ, высшемъ смыслѣ.

Что же такое западничество вообще и въ частности то западничество, которое исповѣдовалъ Бѣлинскій?

Западничество можно понимать въ троякомъ смыслѣ. Во-первыхъ, какъ западничество бытовое, какъ сознательное предпочтеніе русскому быту быта или всѣхъ вообще западноевропейскихъ народовъ или преимущественно одного изъ нихъ. Такого рода западничество возникло еще въ XVIII вѣкѣ. Имъ были одержимы всѣ тѣ, которые, какъ извѣстный фонвизинскій герой, скорбѣли о томъ, что тѣло ихъ принадлежитъ Россіи, зато утѣшались тѣмъ, что душа ихъ всецѣло принадлежитъ коронѣ французской. Не считаясь съ предостереженіемъ Фонвизина „кто самъ въ себѣ ресурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ, какъ въ Угличѣ“, они мечтали о жизни на западѣ, какъ о высшемъ счастьи. Они подставляли внѣшнимъ впечатлѣніямъ западной жизни свою нерѣдко пустую душу какъ *tabulam rasam*, чистую неисписанную доску. Жизнь въ Россіи они понимали и допускали только какъ насажденіе въ ней французскаго по преимуществу быта, т. е. напудренныхъ петиметровъ, дамъ въ роброндахъ и съ мушками, французскаго языка, вкуса и стиля. Русскую литературу они или совсѣмъ не признавали или же допускали только въ видѣ слѣпого, рабскаго подражанія литературѣ французской. Поскольку, какъ выразился Бѣлинскій, въ Россіи XVIII вѣка не было общества, а былъ дворъ, постольку это, при относительной бѣдности идейнаго содержанія, давало съ внѣшней стороны блестящую картину — настолько блестящую, что въ настоящее время иные художники и писатели ищутъ и находятъ въ ней источникъ своего вдохновенія. Поскольку же западничество такого рода все-таки проникало и въ общество, постольку

оно давало нерѣдко довольно уродливые результаты. Плодомъ его была та среда, которая окружала дѣтство Герцена. „Иностранцы дома,—писалъ онъ о ней—иностранцы въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными предразсудками, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ” ⁴⁾. Въ XIX вѣкѣ представителемъ такого бытового западничества былъ Чаадаевъ съ его идеализаціею католичества и всей вообще западной культуры, доходившею до того, что даже элементарныя нравственныя понятія — о долгѣ, чести, обязанности—онъ склоненъ былъ считать исключительною принадлежностью западнаго человѣка, его психологіею, болѣе того, его физиологіею ⁵⁾. Такого рода западничествомъ страдалъ нѣкоторое время также и Герценъ. Онъ съ восторгомъ покидалъ Россію. Ему казалось, что онъ навѣки разстается съ тяжелымъ, гнетущимъ кошмаромъ и что за предѣлами Россіи его ожидаютъ новое небо, новая земля, новая жизнь. И все это рисовалось ему какъ какой-то волшебный сонъ. Но потомъ онъ отказался отъ такой мечты. Внѣшняя сторона западной жизни стала наводить на него скуку: „въ Парижѣ — писалъ онъ ⁶⁾ — весело-скучно, въ Лондонѣ—безопасно-скучно, въ Римѣ—величаво-скучно, въ Мадридѣ—душная скука, въ Вѣнѣ—скука душная”. Внутренняя сторона западной жизни стала ужасать его тѣмъ, что въ ней какъ будто уже все закончено, нѣтъ болѣе проблемъ, вопросовъ, зато есть отвѣты рѣшительно на все; и главный, окончательный отвѣтъ—мелкое, самодовольное, ограниченное мѣщанство, угрожающее превращеніемъ всего человѣчества въ что-то вродѣ прессованной паюсной икры, въ безконечную массу равныхъ и подобныхъ другъ другу сѣрыхъ индивидовъ. Это зрѣлище дѣйствовало угнетающе на Герцена. И всѣ его мечты обратились на потерянное

и не возвращенное отечество. „Съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуясь, что я русскій“, писалъ онъ въ 1857 г. ⁷⁾. „Сердце замираетъ при мысли вѣчной разлуки“, писалъ онъ „Съ того берега“: „будто я не увижу эти улицы, по которымъ я такъ часто ходилъ полный юношескихъ мечтаній; эти дома такъ сроднившіеся съ воспоминаніямъ, наши русскія деревни, нашихъ крестьянъ, которыхъ я вспоминалъ съ любовью на самомъ югѣ Италіи“ ⁸⁾.

Вторая форма западничества — это западничество интеллектуальное, самоподчиненіе русскихъ умовъ тѣмъ или инымъ философскимъ, научнымъ или социальнымъ доктринамъ западнаго происхожденія, какъ сущей истинѣ. Такого рода западничествомъ страдали русскіе шеллингянцы и гегельянцы, которыми, какъ писалъ Герценъ, „всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней“ ⁹⁾. Сюда же въ значительной степени относилась и „такъ называемая западная профессорская партія“ въ Московскомъ университетѣ, какъ выражается въ своихъ запискахъ ¹⁰⁾ историкъ С. М. Соловьевъ. Западничествомъ подобнаго рода страдаютъ и до настоящаго времени всѣ умы догматическаго склада, предпочитающіе вѣровать, чѣмъ изслѣдовать, предпочитающіе чтеніе размышленію и видящіе готовый отвѣтъ на любой вопросъ въ мнѣніяхъ и утвержденіяхъ того или иного западнаго автора.

Есть, наконецъ, третья форма западничества, именно западничество не бытовое и не интеллектуальное, а, если можно такъ выразиться, міровое. Это не столько любовь къ западу, какъ таковому, сколько особая форма любви къ Россіи. Это желаніе, чтобы она не только стала на высоту всего лучшаго, что выработано западомъ, но еще и превзошла все это и заняла міровое

мѣсто во всѣхъ сферахъ жизни какъ духовной, такъ и соціальной. Въ такомъ смыслѣ лучшіе русскіе люди были и будутъ западниками.

Въ какомъ же смыслѣ былъ западникомъ Бѣлинскій? Менѣе всего увлекался онъ бытовымъ западничествомъ. „Я—натура русская”, писалъ онъ въ 1847 г. ¹¹⁾. „Не хочу быть даже французомъ, хотя эту націю люблю и уважаю больше другихъ”. И дѣйствительно ему никогда не приходило въ голову желаніе перестать быть Бѣлинскимъ и стать какимъ-нибудь Бланшаромъ, Уайтомъ или Блейхманомъ. Не стремился онъ и на западъ. Въ 1843 г. ему представилась возможность поѣхать за границу—и онъ отказался. „Если бы—писалъ онъ — Европа сама пріѣхала ко мнѣ въ гости, я бы не принялъ ее теперь” ¹²⁾. Что же его удерживало? „Рассейская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею”, энергично объявлялъ Бѣлинскій. При этомъ онъ не хвастался и не рисовался, а, напротивъ, даже извинялся и оправдывался: „другой—писалъ онъ ¹³⁾ на моемъ мѣстѣ, чтобы только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ киргизскія степи, а я... отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и пр., отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи и можетъ быть еще чего-нибудь большаго. Такова ужъ моя натура”. Только въ 1847 г. Бѣлинскій ѣдетъ за границу, но со спеціальною цѣлью лѣчиться отъ чахотки или, какъ онъ выражается ¹⁴⁾, „закрѣпить готовый развязаться и разползтись узелъ жизни”. И вотъ тогда-то и обнаружилось, какъ онъ былъ далекъ отъ бытового западничества. Тургеневъ, который, какъ признавался самъ Бѣлинскій, былъ за границею его нянькою, безъ которой онъ никакъ не могъ бы обойтись, пишетъ слѣдующее: „онъ изнывалъ за границей отъ скуки, его такъ и тянуло назадъ, въ Россію. Ужъ очень онъ былъ русскій чело-вѣкъ, и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ. Помню, въ Парижѣ онъ въ первый разъ увидалъ пло-

щадь Согласія, и тотчасъ спросилъ меня: Не правда ли? вѣдь это одна изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?— И на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: Ну, и отлично; такъ ужъ я и буду знать, — и въ сторону, и баста! и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что, на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XVI; онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а!—и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ „Тарасѣ Бульбѣ” ¹⁵⁾. Въ Зальцбруннѣ Бѣлинскій писалъ ¹⁶⁾: „я раскисъ и изнемогъ душевно, насилу отчитался Мертвыми Душами”. Оттуда же онъ написалъ свое знаменитое письмо Гоголю. Въ Дрезденѣ, передъ Сикстинскою Мадонною онъ вспоминаетъ—Пушкина: „я невольно вспомнилъ Пушкина—писалъ онъ: то же благородство, та же грація выраженія, при той же вѣрности и строгости очертаній” ¹⁷⁾. Мы видимъ, что Бѣлинскій продолжаетъ и за границею главнымъ образомъ и даже исключительно интересоваться Россіею и русскою литературою. Ко всему специфически западному онъ, къ ужасу своихъ друзей, проявлялъ полное равнодушіе. Красоты Саксонской Швейцаріи его нисколько не поразили: „я видѣлъ чудную природу— писалъ онъ ¹⁸⁾ —прекрасныя и грандіозныя мѣстоположенія.. но все это скоро надоѣло мнѣ. У меня ужасная способность скоро привыкать къ новости. И потому, мнѣ въ тотъ же день показалось, что я лѣтъ сто сряду видѣлъ всѣ эти дива дивныя, и они давно мнѣ наскучили какъ горькая рѣдка”. Такое же равнодушіе проявилъ онъ и къ Рейну и къ Кельну: „я холодно смотрѣлъ на удивительныя мѣстоположенія, на виноградники, на средневѣковые замки.. Вечеромъ прибыли въ Кельнъ. Когда я сказалъ Анненкову, что рѣшительно не намѣренъ терять цѣлый день, чтобы полчаса посмотрѣть на Кельнскій соборъ, — съ нимъ чуть не сдѣлался ударъ” ¹⁹⁾. „Въ другой разъ — писалъ Бѣлинскій—меня и калачемъ не выманишь изъ дому... Еслибъ не желаніе основательно вылѣчиться,

я въ августѣ махнулъ бы домой, не жалѣя, что я не видѣлъ того и этого" ²⁰). Такимъ образомъ западъ Европы, эта „страна святыхъ чудесъ", какъ ее называли даже иные славянофилы, мало привлекалъ къ себѣ Бѣлинскаго. Едва ли можно, какъ это дѣлалъ Тургеневъ, объяснять и оправдывать это тѣмъ, что „онъ уже усталъ и охладѣлъ", такъ какъ „ему всего оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ" ²¹). Болѣзнь нисколько не помѣшала ему по возвращеніи въ Россію со свойственнымъ ему воодушевленіемъ писать и спорить о Россіи и о русской литературѣ; она не помѣшала ему написать двѣ большія и блестящія статьи: „Отвѣтъ Москвитяину" и „Взглядъ на русскую литературу 1847 года". Причина иная—безучастіе Бѣлинскаго къ западному быту, какъ таковому, и та „мучительная, злая любовь къ Россіи", которая такъ поразила Герцена во время прогулки по Парижскимъ Елисейскимъ полямъ съ Бѣлинскимъ наканунѣ его отъѣзда. „Я люблю русскаго человѣка—писалъ Бѣлинскій по возвращеніи изъ заграницы ²²)—и вѣрю великой будущности Россіи". И какъ писала Тургеневу свидѣтельница его послѣднихъ минутъ, онъ „передъ самой смертію говорилъ два часа, не переставая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращаясь къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова".

Такимъ образомъ, хотя даже Достоевскій въ припадкѣ раздраженія увѣрялъ, что если бы Бѣлинскій прожилъ дольше, онъ „разучился бы говорить по - русски, не выучившись все таки по - нѣмецки" ²³), эмигрировалъ бы за границу „и скитался бы теперь маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ гдѣ-нибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи" ²⁴), однако въ дѣйствительности Бѣлинскій всегда былъ далекъ отъ такого бытового западничества.

Не отличался ли онъ зато западничествомъ второго рода, именно западничествомъ интеллектуальнымъ? Вра-

ги и друзья, западники и даже славянофилы постоянно толкали его на этотъ путь. Такъ, Сенковскій писалъ въ 1846 г., что Бѣлинскому непременно слѣдуетъ прочесть книгу Мундта о нѣмецкомъ романтизмѣ, „если—прибавлялъ онъ ядовито — онъ знаетъ нѣмецкій языкъ” ²⁵). К. Аксаковъ совѣтовалъ ему непременно прочесть „Объ эстетическомъ воспитаніи” Шиллера „хоть во французскомъ переводѣ” ²⁶). Въ 1838 г. Бакунинъ, К. Аксаковъ и Боткинъ заявили Бѣлинскому, что ему нельзя писать и печататься по недостатку „объективнаго наполненія” ²⁷). Для пополненія этого пробѣла считалось необходимымъ, чтобы онъ прочелъ побольше иностранныхъ книгъ: „какъ живешь? что читаешь?—писалъ ему Грановскій. — Читай, читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно будетъ писать” ²⁸). При этомъ имѣлось въ виду чтеніе не творческое, пробуждающее въ читателѣ его собственныя мысли, а подражательное, имѣющее цѣлью просто „себѣ присвоить умъ чужой”.

Виссаріонъ въ значительной степени поддавался этимъ совѣтамъ и старался, какъ могъ, въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ. Онъ отдалъ дань и Шеллингу, и Гегелю, и Фейербаху, и Пьеру Леру, или Петру Рыжему, какъ съ конспиративнымъ видомъ переписывались о немъ его друзья, и цѣлому ряду иныхъ иностранныхъ авторовъ. Онъ излагалъ и даже иногда проповѣдовалъ ихъ взгляды, причемъ дѣло не обходилось безъ недоразумѣній, вызывавшихъ въ его ученикахъ недоумѣніе, въ друзьяхъ — добродушную иронию, а во врагахъ — злорадство. Такъ, Кольцовъ, котораго онъ пытался посвятить въ тайны нѣмецкой философіи, простодушно признавался ему: „субъектъ и объектъ я немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки” ²⁹). Тургеневъ ³⁰) писалъ о Бѣлинскомъ: „онъ смѣшивалъ старшаго Питта (лорда Чатама) съ его сыномъ, В. Питтомъ — что за бѣда! Мы всѣ учились понемногу, чему -нибудь и какъ -нибудь”. „Бѣдный Бѣлинскій — писалъ

онъ же — не имѣлъ понятія, что за птица былъ господинъ Менцель”³¹⁾, когда писалъ свою знаменитую статью „Менцель, критикъ Гете”. Погодинъ вышучивалъ попадавшіяся въ статьяхъ Бѣлинскаго „варварскія фразы изъ нѣмецкихъ и французскихъ журналовъ”³²⁾. А Шевыревъ находилъ у него „самое наивное невѣжество”³³⁾.

Все это было бы очень прискорбно, если бы дѣйствительно Бѣлинскій былъ тѣмъ интеллектуальнымъ западникомъ, какимъ хотѣли его сдѣлать друзья и какимъ его считали враги, увѣрявшіе, какъ Загоскинъ, что онъ будто бы „выучилъ наизусть всю ученую нѣмецкую терминологію”³⁴⁾ или что онъ, какъ иронизировалъ Ушаковъ, „намѣренъ былъ получить степень доктора этико - политико - математико - археологико - физико - философико - филологическихъ наукъ—не менѣе”³⁵⁾. Но дѣло въ томъ, что Бѣлинскій былъ весьма далекъ отъ притязаній такого рода. Интеллектуальное западничество только поверхностно коснулось его. Какъ совершенно основательно замѣтилъ Тургеневъ, „надо жъ было и Бѣлинскому заплатить дань своему времени”³⁶⁾. Но дань эта была вовсе не такъ значительна. „Странный я человекъ — писалъ Бѣлинскій: иное по мнѣ скользянетъ, а иное такъ зацѣпится, что я имъ только и живу”³⁷⁾. Интеллектуальное западничество скользяло по Бѣлинскому. Но не оно его зацѣпило. Это нисколько не удивительно, если имѣть въ виду, во-первыхъ, особенности его натуры, а во-вторыхъ, ту задачу, которую онъ главнымъ образомъ и даже исключительно преслѣдовалъ.

Что касается натуры Бѣлинскаго, то онъ менѣе всего напоминалъ Фаустова Вагнера, этого вѣчнаго ученика, самодовольно переходящаго

Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt,

въ увѣренности, что онъ всюду находитъ истину, гото-

вый отвѣтъ на любой вопросъ. Это былъ вѣчный искатель. Онъ въ высочайшей степени былъ одержимъ философскимъ эросомъ, наложившимъ отпечатокъ какого - то святого безпокойства какъ на его изможденное болѣзнью лицо, такъ и на его горячія, нервныя статьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно дорожилъ своею независимостью. „Каковъ бы я ни былъ—писалъ онъ ³⁸⁾, —но я самъ по себѣ... На мнѣ верхомъ ѣздить опасно — сшибу, да еще копытомъ лягну”. „Можетъ быть, тутъ проявляется дикость моей натуры,—такъ и быть: буду самъ по себѣ” ³⁹⁾. „Я не такой человѣкъ, котораго тетрадка можетъ удовлетворить” ⁴⁰⁾, пишетъ онъ въ опроверженіе слуха о вліяніи, будто бы оказанномъ на него однимъ изъ выпусковъ младогегельянскихъ *Jahrbücher*. „Къ чему философскія маски:—будь всякій тѣмъ, что есть” ⁴¹⁾. Въ другомъ письмѣ ⁴²⁾ онъ говоритъ о „гадости и пошлости духа партій”. „Неужели—спрашиваетъ онъ ⁴³⁾—талантъ писателя прежде всего не въ его натурѣ, не въ его головѣ, а всегда только въ его направленіи?”. „Я давно уже отрѣшился отъ романтизма, мистицизма и всѣхъ измовъ” ⁴⁴⁾. Соединеніе такой независимости съ засвидѣтельствованнымъ друзьями неистовствомъ приводило къ тому, что Бѣлинскій не столько поддавался чужимъ идеямъ, сколько, напротивъ, какъ выразился Герценъ ⁴⁵⁾, „падалъ, какъ ракета, выжигая кругомъ все, что попадало”. Независимость ведетъ за собою одиночество. И Бѣлинскій иногда жаловался на него: „многіе люди меня любятъ больше, чѣмъ я того стою; но, мой Боткинъ, я одинъ, одинъ, одинъ!” ⁴⁶⁾. И дѣйствительно Бѣлинскій былъ одинокъ въ главномъ дѣлѣ своей жизни, именно въ созданіи настоящей критики русской литературы. „Неужели—писалъ онъ ⁴⁷⁾—на святой Руси только одному мнѣ суждено было добратся (съ грѣхомъ пополамъ) до тайны поэзіи, и носиться съ нею среди васъ, подобно Кассандрѣ съ ея зловѣщею тайною, осуждавшею ее на отчужденіе и оди-

ночество среди ликующаго народа въ свѣтломъ Иліонѣ!" Иногда это сознаніе своего одиночества переходило у Бѣлинскаго въ сознаніе своего превосходства—по крайней мѣрѣ надъ учеными доктринерами: „мнѣ сладко думать—писалъ онъ ⁴⁸⁾, — что я, лишенный не только наукообразнаго, но и всякаго образованія, сказалъ первый нѣсколько истинъ, тогда какъ премудрый университетскій синедріонъ поролъ дичь”.

Мы подошли такимъ образомъ ко второй причинѣ того, что Бѣлинскаго, въ сущности, только поверхностно коснулось интеллектуальное западничество. Именно, цѣль его жизни выходила за предѣлы этого западничества и его спеціальныхъ цѣлей. Эти послѣднія цѣли состояли въ томъ, чтобы провести сначала въ умы, а затѣмъ и въ жизнь все то, что приобрѣтено и что требуется западною наукою и философіею. И вотъ наука, какъ таковая, да и философія какъ таковая, не влекли къ себѣ Бѣлинскаго. „Наука для меня не существуетъ—писалъ онъ,—я не такъ воспитыванъ, не такъ развивался, чтобы быть способнымъ заняться ею” ⁴⁹⁾. Въ заключеніи своихъ „Литературныхъ мечтаній” онъ писалъ: „я не говорилъ ни слова о томъ, что было выше моего понятія, и поэтому не коснулся до нашей ученой литературы” ⁵⁰⁾. Въ позднѣйшихъ обзорахъ русской литературы, какъ извѣстно, объ ученыхъ трудахъ писалъ не Бѣлинскій, а его болѣе компетентные друзья. Такое относительное равнодушіе Бѣлинскаго къ наукѣ огорчало этихъ друзей, но не его самого: „наука — писалъ онъ въ 1840 г.—еще не сдѣлала у насъ никакого успѣха, и потому не въ ней должно искать нашего міросозерцанія” ⁵¹⁾. „Наука у насъ еще слишкомъ нѣжное и слабое растеніе... наука на Руси до сихъ поръ еще что-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ,—исключительное достояніе небольшого избраннаго класса людей” ⁵²⁾.

Что же больше всего занимало Бѣлинскаго? „Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь”, писалъ

онъ ⁵³⁾. Русская литература и ея критика—такова была родная стихія Бѣлинскаго. И вотъ въ этой стихіи ему пришлось итти своимъ независимымъ путемъ. Есть два типа литературной и всякой иной критики—догматическій и конгеніальный. Догматическая критика признаетъ ту или иную доктрину непогрѣшимою истиною и критеріемъ, съ высоты котораго она подводитъ всѣ литературныя явленія подъ одинъ уровень: она одобряетъ и признаетъ только тѣ изъ нихъ, которыя соотвѣтствуютъ этому критерію; все прочее она безпощадно отвергаетъ. Она судитъ литературу съ высоты предвзятыхъ идей. Конгеніальная критика отправляется не отъ теоріи къ литературѣ, а, напротивъ, отъ литературы къ теоріи. Она стремится перевоплотиться въ данное произведеніе, пережить его, выяснить его на основаніи его собственныхъ принциповъ, договорить до конца то, что хотѣлъ сказать авторъ. Благодаря этому такая критика является критикою творческою: такъ, Гончаровъ только началъ своего Обломова; кончилъ же его критикъ Добролюбовъ въ знаменитой статьѣ „что такое обломовщина“. Подобно тому какъ, по выраженію Канта, наука, этотъ одноглазый Полифемъ, получаетъ отъ критической философіи второй глазъ и только поэтому становится вполнѣ зрячею, такъ и литература становится вполнѣ законченною только благодаря конгеніальной критикѣ. И вотъ если бы Бѣлинскій былъ критикомъ догматическимъ, то ему дѣйствительно были бы необходимы всѣ тѣ западныя руководства, которыми его такъ усердно снабжали со всѣхъ сторонъ. Но онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ такого рода критики. „Было время —писалъ онъ ⁵⁴⁾,—когда теорія искусства представлялась съ математическою точностью, такъ что для постиженія искусства не нужно было имѣть отъ природы чувства изящнаго... Стоило присѣсть на часокъ, да прочесть любую шитику—и потомъ разсуждать объ искусствѣ вдоль и поперекъ“. Эти времена для Бѣлин-

скаго миновали. И онъ совсѣмъ иначе понималъ задачу критики. „Чтобъ быть критикомъ — писалъ онъ ⁵⁵⁾, — надо родиться критикомъ, надо получить отъ природы обширное и глубокое созерцаніе, или внутреннее ясно-видѣніе всего, что составляетъ содержаніе искусства; надо получить инстинктъ и тактъ для пониманія изящнаго”. Такой критикъ не получаетъ своего критерія извнѣ, отъ какой-либо предвзятой доктрины. „Укажите мнѣ—писалъ Бѣлинскій ⁵⁶⁾ — на этотъ сводъ законовъ изящнаго, на это уложеніе искусства, котораго начала были бы вѣчны и незыблемы... котораго параграфы подходили бы подъ всѣ возможные случаи и представляли бы собою стройную систему законодательства, обнимающаго собою весь безконечный и разнообразный міръ художественной дѣятельности”! Этимъ словамъ Бѣлинскаго соотвѣтствовали и его дѣла. Если классическимъ представителемъ русской догматической критики былъ Тредьяковский, „профессоръ элоквенціи и хитростей пѣитическихъ”, то Бѣлинскій былъ классическимъ представителемъ русской конгеніальной критики, умѣвшей открывать и выяснять красоту какъ въ чистой поэзіи Пушкина, такъ и въ социальномъ романѣ Достоевскаго, какъ въ романтизмѣ Жуковскаго, такъ и въ реализмѣ Гоголя. Для того, чтобы сдѣлать все это, менѣе всего надлежало быть Тредьяковскимъ интеллектуальнаго западничества. Для этого надо было быть Бѣлинскимъ—не болѣе, но и не менѣе. И вотъ почему насъ не должно изумлять, что интеллектуальное западничество—литературное, философское и политическое—мало его коснулось,—не болѣе, чѣмъ игра въ преферансъ, которою онъ, какъ извѣстно, увлекался одно время.

Это слѣдуетъ сказать прежде всего относительно литературнаго западничества. Не у западныхъ авторитетовъ учился Бѣлинскій писать о русской литературѣ. Объ этомъ онъ не сокрушался, ибо печальнымъ образомъ критика, прошедшаго западную школу такого рода

былъ для него не кто иной какъ Тредьяковскій. „Тредьяковскій — приводитъ онъ слова Карамзина — учился во Франціи у славнаго Роллена; зналъ древніе и новыя языки; читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ... не имѣлъ способности писать” ⁵⁷). „Я не подѣ закономъ, а подѣ благодатію”, писалъ Бѣлинскій, констатируя свою эмансипацію отъ Шиллера ⁵⁸). „Аллахъ, Аллахъ, зачѣмъ ты сотворилъ нѣмцевъ?... умолкаю” ⁵⁹), писалъ онъ, разочаровавшись въ Гете. Не русскіе писатели исчезали у него въ лучахъ славы западныхъ авторовъ, а наоборотъ. „По нашему такъ Шиллеру до Пушкина — далеко кулику до Петрова дня”, писалъ онъ: „нѣтъ, пріятель, убирайтесь къ чорту съ вашими нѣмцами — тутъ пахнетъ Шекспиромъ новаго міра” ⁶⁰). Даже о Соллогубѣ онъ писалъ: „это поглубже всѣхъ Бальзаковъ и Гюговъ” ⁶¹).

Другимъ видомъ интеллектуальнаго западничества было западничество философское. Оно тоже не слишкомъ глубоко задѣло Бѣлинскаго. Это относится какъ къ философіи романтиковъ, такъ и къ гегельянству. Относительно первой весьма характерно слѣдующее замѣчаніе Бѣлинскаго: „у меня нѣтъ ни Entsagung, ни Resignation, — и я не хочу ни того, ни другого, не видя въ нихъ нужды” ⁶²). „Петръ Великій — который былъ очень плохой философъ — понималъ дѣйствительность больше и лучше, нежели Фихте”, увѣрялъ онъ въ другомъ письмѣ ⁶³). Гегель его не удовлетворялъ тѣмъ, что онъ, какъ писалъ Бѣлинскій, „изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни, сцѣпившіяся костяными руками и пляшущія на воздухѣ, надъ кладбищемъ”. „Дитя, — писалъ онъ Боткину — полно тебѣ играть въ понятія, какъ въ куклы” ⁶⁴). Онъ иронически „кланяется философскому колпаку” Гегеля ⁶⁵) и вмѣсто опроверженія его взглядовъ приводитъ фразу изъ Гоголя: „брешетъ, собачій сынъ” ⁶⁶). Еще болѣе непочтителенъ онъ по отношенію къ гегельянцамъ: „пигмеи всѣ эти гегелята!” ⁶⁷). Можно ли послѣ

этого считать Бѣлинскаго гегельянцемъ? Типичнымъ, и даже, пожалуй, единственнымъ правовѣрнымъ гегельянцемъ на Руси былъ вѣчно одинокій, замкнувшійся въ холодномъ умозрѣніи и апріорныхъ схемахъ Б. Н. Чичеринъ. И вотъ, достаточно сопоставить величавую неподвижность и академическій, абстрактный идеализмъ Чичерина съ кипучею натурою Бѣлинскаго, и станетъ яснымъ, какъ далекъ былъ нашъ критикъ отъ дѣйствительнаго гегельянства.

Третьимъ видомъ интеллектуальнаго западничества было западничество политическое. Бѣлинскій далеко не восхищался русскими порядками тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. И онъ мечталъ о раскрытіи русскаго общества въ особенности объ освобожденіи печати и крестьянъ. Но все это онъ дѣлалъ не по Роттеку или Велькеру, не по Пьеру Леру или Фейербаху. Онъ не составлялъ плановъ государственнаго переустройства Россіи по указаніямъ западной науки И, какъ Герценъ, онъ хотѣлъ видѣть въ освобожденіи крестьянъ съ землею не столько повтореніе того, что происходило на западѣ, сколько, напротивъ, новое слово, которое скажетъ Россія и съ которымъ также и для запада откроется новая эра. Поэтому его также трудно признать политическимъ западникомъ, какъ и литературнымъ или философскимъ.

Такимъ образомъ Бѣлинскаго едва ли можно считать западникомъ—по крайней мѣрѣ въ смыслѣ бытовомъ и интеллектуальномъ. Если онъ и былъ западникомъ, то только въ смыслѣ того третьяго, мірового западничества, которое роднитъ его съ лучшими русскими людьми всѣхъ временъ, но которое, собственно говоря, уже не является западничествомъ, какъ таковымъ.

Въ чемъ же оно у него проявлялось? Прежде всего въ необыкновенной широтѣ духовнаго кругозора. Шевыревъ вышучивалъ пристрастіе Бѣлинскаго къ „гро-

мадному", „міровому", „всесірному" ⁶⁸). Но во всемъ этомъ не было рѣшительно ничего ни смѣшного ни предосудительнаго. „Кто причастенъ общему — писалъ Бѣлинскій,—для того личныя выгоды и потребности житейскія — интересы второстепенныя, а природа и человѣчество — главнѣйшіе интересы" ⁶⁹). Во имя этихъ интересовъ, во имя „человѣчества и вѣчности" ⁷⁰) онъ безпощадно нападалъ на все мелкое, ограниченное, самодовольное, какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ своей невѣстѣ: „я слово человѣкъ употребляю какъ антитезъ москвичу" ⁷¹). Въ этомъ смыслѣ онъ не признавалъ литературнаго провинціализма, хотя бы онъ носилъ славянскій или даже всеславянскій характеръ: „чехи — писалъ онъ, напримѣръ, — до сихъ поръ Славяне... но и не совсѣмъ Европейцы" ⁷²). Въ этомъ же смыслѣ осуждалъ онъ и нѣмцевъ: „они — писалъ онъ — до тридцати лѣтъ бываютъ буршами, а остальную—и большую — половину жизни—филистерами, и поэтому не имѣютъ времени быть людьми" ⁷³). „И нѣмцамъ — увѣрялъ онъ—предстоитъ возможность сдѣлаться людьми, человѣками, и перестать быть нѣмцами" ⁷⁴).

Съ такою широтою духовнаго горизонта у Бѣлинскаго соединялась другая особенность, именно та „всесірная отзывчивость", о которой говорилъ Достоевскій ⁷⁵) по поводу Пушкина. Бѣлинскій плохо зналъ французскій языкъ, совсѣмъ не зналъ языка нѣмецкаго. Какъ мы видѣли, онъ плохо разбирался въ специфическихъ особенностяхъ западной жизни и мысли. Но въ то же время путемъ какого-то особаго инстинкта онъ отлично угадывалъ и понималъ все дѣйствительно великое и общечеловѣческое на западѣ. „Бѣденъ и нищъ,—писалъ онъ ⁷⁶)—кто, нося на себѣ образъ человѣческій, чуждъ всему человѣческому,—бѣденъ и нищъ, хотя бы онъ былъ богаче Креза, могущественнѣе Чингисъ - Хана! Богатъ и могущъ, кто все понимаетъ, всему

сочувствуетъ, — богатъ и могущъ, хотя бы онъ былъ бѣднѣ Ира и назывался владѣльцемъ только собственной души своей!” Въ этомъ смыслѣ богатство Бѣлинскаго было неисчерпаемо. Инстинктивная воспріимчивость его была поразительна. „Въ Германіи нечего смотрѣть”, писалъ Герценъ: „Германію надобно читать, обдумывать, играть на фортепіанахъ“ ⁷⁷⁾. Вотъ эту идеальную и идейную Германію, которой можно и не замѣтить, несмотря на передвиженіе по ея дорогамъ, на ночлегъ въ ея гостиницахъ, на скитаніе съ путеводителемъ въ рукахъ по ея музеямъ, Бѣлинскій, помимо поѣздки и еще до поѣздки за границу понималъ такъ вѣрно, что его друзьямъ, часто бывавшимъ въ ней и специально поучавшимся у нея, оставалось только изумляться. „Бѣлинскій—писалъ кн. Одоевскій ⁷⁸⁾—былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, какія я когда-либо встрѣчалъ въ жизни. Въ немъ было сопряженіе Канта, Шеллинга и Гегеля, сопряженіе вполне органическое, ибо онъ никого изъ нихъ не читалъ.... нѣкоторые ихъ положенія перешли къ нему по наслышкѣ.... но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ изъ поверхностнаго знанія принциповъ натуральной философіи развивалъ цѣлый органическій философическій міръ—*sui generis*”. По свидѣтельству Кавелина Герценъ изумлялся, какъ это Бѣлинскій „только изъ отрывочныхъ разговоровъ друзей познакомившись съ системой Гегеля, тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло и суть его, и самъ, безъ чьей-либо помощи, вывелъ всѣ послѣдствія изъ гегельянской философіи, которыя выведены изъ нея позднѣ либеральной и радикальной фракціей гегелевыхъ послѣдователей” ⁷⁹⁾. И дѣйствительно, если Бѣлинскій плохо разбирался въ догматической и схоластической сторонѣ Гегелевой діалектики и отзывался о ней безъ особеннаго восхищенія, то онъ зато чрезвычайно глубоко продумалъ и прочувствовалъ тотъ драматизмъ мірозданія, который она по настоящему должна была выражать. Подобнымъ же обра-

зомъ Бѣлинскій не щадила ни Шиллера ни Гете, поскольку онъ усматривалъ даже у нихъ черты специфически нѣмецкаго филистерства ⁸⁰⁾. Но тѣмъ болѣе онъ цѣнилъ въ нихъ элементы міровые. И поэтому онъ имѣлъ полное основаніе безъ всякаго хвастовства писать: „я понимаю Гете и Шиллера лучше тѣхъ, которые знаютъ ихъ наизусть, а не знаю по-нѣмецки” ⁸¹⁾. Бѣлинскій нѣсколько разъ проводилъ параллель между „созерцательностью” нѣмецкой культуры того времени и „соціальностью” культуры французской. И параллель эта поразительно вѣрна и проникновенна.

„Вѣчность—увѣрялъ Бѣлинскій ⁸²⁾—выносить на своихъ волнахъ только одно обще міровое и обще человѣческое, никогда не переходящее, но вѣчно юное, и топить въ бездонной пропасти своей все частное и ограниченное условіями обстоятельствъ и требованіями мѣстности и современности”. Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій весьма разборчивъ по отношенію къ западу: „пора намъ—писалъ онъ—перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно человѣческое, и на этомъ основаніи все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергією, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго” ⁸³⁾. Съ этой же точки зрѣнія Бѣлинскій весьма разборчивъ также и по отношенію къ своему отечеству.

Это и послужило основаніемъ для обвиненія его въ томъ, что онъ отвергаетъ, отрицаетъ все русское. „Мы не могли—писалъ, на примѣръ, Погодинъ, ⁸⁴⁾—простить Бѣлинскому дерзкихъ и невѣжественныхъ выходокъ... противъ началъ русской жизни”. Даже Достоевскій въ письмѣ къ Страхову ⁸⁵⁾ увѣрялъ, что Бѣлинскому доставляло удовольствіе „бить по щекамъ свою мать (Россію)” и что онъ „проклялъ ее”. Обвиненія шли еще дальше. Увѣряли, что Бѣлинскій отрицалъ не только все русское,

но и всякіе принципы, всякую нравственность, вообще все святое на землѣ. Бѣлинскій дѣйствительно отрицалъ многое. И отрицалъ какъ-то странно: не только безъ сожалѣнія, но и съ восторгомъ. Одно время онъ отрицалъ литературу въ Россіи—и радовался. Онъ отрицалъ религію у русскаго народа—и тоже радовался: „У насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ”, увѣрялъ онъ въ своей первой же критической статьѣ ⁸⁶⁾. „Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности”, писалъ онъ о русскомъ народѣ Гоголю ⁸⁷⁾. Чѣмъ объяснить тотъ восторгъ, тотъ паѳосъ, съ которымъ Бѣлинскій высказывалъ эти, казалось бы, крайне безотрадные мысли? Это не паѳосъ злорадства, это паѳосъ надежды. Бѣлинскій отрицалъ не какъ скептикъ, потерявшій вѣру и на этомъ успокоившійся, а какъ еще не нашедшій ея искатель. Такъ, онъ мучительно искалъ Бога. Его обвиняли въ атеизмѣ, а между тѣмъ онъ писалъ: „знаете ли вы, что такое ревность по Господѣ, снѣдающая человѣка? Что человѣкъ безъ Бога?—Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ”. „Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога—сказалъ онъ однажды Тургеневу съ горькимъ упрекомъ ⁸⁸⁾,—а вы хотите ѣсть!” Мы видимъ, что Бѣлинскій былъ весьма далекъ отъ самодовольнаго атеизма, считающаго своимъ превосходствомъ свое нежеланіе или неумѣніе дать положительный отвѣтъ на одну изъ величайшихъ міровыхъ проблемъ. Онъ потерялъ Бога, но только для того, чтобы Его опять найти. Какъ Шатовъ у Достоевскаго, онъ вѣрилъ, что онъ будетъ вѣрить. Какъ тутъ не вспомнить мысль одной неизданной главы Достоевскаго: „совершенный атеистъ стоитъ на предпоследней верхней ступени до совершеннѣйшей вѣры”, а также замѣчаніе Шербюлье: *le bon*

Dieu aime mieux ceux qui le renient que ceux qui le compromettent.

Въ такомъ же смыслѣ отрицалъ Бѣлинскій и русскую литературу: „у насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ” ⁸⁹). Какъ Ломоносовъ мечталъ о будущихъ русскихъ „Платонахъ и Невтонахъ”, такъ и Бѣлинскій мечталъ о будущихъ русскихъ Шекспирахъ, Шиллерахъ и Гете. Только такого рода великую, міровую литературу считалъ онъ достойною названія русской литературы. Во имя этого идеала онъ и утверждалъ, что „благородная нищета лучше мечтательнаго богатства” ⁹⁰), что „наша литература и теперь еще на пути стремленія, а не достиженія” ⁹¹). Во имя этого же идеала онъ разрушалъ самообольщеніе тѣхъ, которые уже въ литературѣ, предшествовавшей Пушкину, находили „нашихъ Гомеровъ, Шекспировъ, Гете, Вальтеръ-Скоттовъ, Байроновъ, Шиллеровъ, Бальзаковъ, Корнелей, Мольеровъ, Аристофановъ” ⁹²), которые были убѣждены, что „Ломоносовъ нашихъ странъ Малербъ и Пиндару подобенъ, что Херасковъ—нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани, Россіи торжество, паденіе Казани, что Сумароковъ въ притчахъ побѣдилъ Лафонтена, а въ трагедіяхъ далеко оставилъ за собою Корнеля, и Расина, и господина Вольтера, и что съ этими тремя поэтами кончился цвѣтущій вѣкъ російской словесности” ⁹³). „Смѣшно—писалъ Бѣлинскій—было прошлое добродушное самохвальство русской литературы, которая такъ смѣло мѣрялась силами съ любою европейскою литературою, и на французскую даже смотрѣла съ презрѣніемъ, живя и дыша въ то же время, займами у нея” ⁹⁴). Но тутъ же онъ прибавляетъ: „также смѣшно можетъ быть и отчаяніе за русскую литературу”. Бѣлинскій признавалъ только міровую русскую литературу и вѣрилъ въ ея появленіе. „И тогда—писалъ онъ—мы явимся не подражателями, а соперниками европейцевъ” ⁹⁵). И зѣра его оправ-

далась. Онъ не только имѣлъ мужество отвергнуть предшествовавшую Пушкину литературу, какъ не стоящую на высотѣ мірового призванія Россіи. Онъ имѣлъ еще счастье дожить до настоящей міровой русской литературы. И съ какимъ восторгомъ онъ дѣлаетъ это открытіе! Какъ его радуетъ то, что Пушкинъ, „Поэтъ Русскій по преимуществу” ⁹⁶⁾, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительно „классическимъ” ⁹⁷⁾ поэтомъ, „явленіемъ міровымъ и великимъ” ⁹⁸⁾. И именно въ этомъ смыслѣ онъ его называетъ поэтомъ европейскимъ. Перечисляя лучшія произведенія Пушкина, онъ писалъ: „все это созданія великія, міровыя и чисто европейскія; какому народу, какому вѣку принадлежатъ они?— Человѣчеству и вѣчности!” ⁹⁹⁾ Какъ онъ восхищался Лермонтовымъ: „о, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго!” ¹⁰⁰⁾ „Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гете, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него современемъ вышелъ Байронъ, Гете или Пушкинъ, ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—Лермонтовъ” ¹⁰¹⁾. И Лермонтова и Гоголя онъ цѣнитъ главнымъ образомъ за міровые элементы ихъ творчества. Въ поискахъ за этими элементами онъ шелъ такъ далеко, что, напримѣръ, находилъ міровое значеніе даже въ томъ гусакѣ, который фигурируетъ въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ”: „великая, безконечно великая черта художческаго генія этотъ гусакъ!” писалъ онъ ¹⁰²⁾. Такимъ образомъ если Бѣлинскій и отрицалъ русскую литературу, то во имя русской же литературы, по принципу *le plus grand ennemi du bon est le meilleur*.

Въ такомъ же смыслѣ „отрицалъ” онъ и Россію. „Терпѣть не могу я восторженныхъ патріотовъ, выѣзжающихъ вѣчно на междометіяхъ или на квасу да кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ 1000 разъ лучше, ибо ненависть иногда бываетъ только особенною фор-

мою любви; но, признаюсь, жалки и неприятны мнѣ спокойные скептики, абстрактные чловѣки, безпаспортные бродяги въ чловѣчествѣ. ...Петръ Великій имѣлъ бы больше, чѣмъ кто-нибудь, право презирать Россію, но онъ

Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье" ¹⁰³).

Съ точки зрѣнія великаго будущаго Россіи Бѣлинскій не хотѣлъ и не могъ восхищаться ея настоящимъ. Онъ это дѣлалъ тѣмъ сознательнѣе, что, какъ онъ увѣрялъ, „высокою способностію самоотрицанія обладаютъ только великіе люди и великіе народы, и ею-то русское племя возвысилось надъ всѣми славянскими племенами" ¹⁰⁴). „Любовь моя къ родному, къ русскому — писалъ онъ въ 1840 г.—стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство" ¹⁰⁵). Дѣло въ томъ, что, какъ онъ выражается въ терминахъ нѣмецкой философіи, „все субстанціальное въ нашемъ народѣ, велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло" ¹⁰⁶). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ эту же мысль мягче: „русскій народъ.... похожъ на геніальнаго ребенка: его физіономія уже значительна и общаетъ много въ будущемъ, но дѣтскимъ чертамъ его лица еще недостаетъ опредѣленности" ¹⁰⁷).

Итакъ, субстанція великой русской культуры уже на лицо. Остается только „опредѣлить" ее. Бѣлинскій вѣрилъ и надѣялся, что это опредѣленіе не посрамитъ Россіи передъ чловѣчествомъ и вѣчностью. „Русская личность —писалъ онъ—пока—эмбрионъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбриона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость.... Русакъ пока еще дѣйствительно ничего; но посмотри, какъ онъ требователенъ, не хочетъ того, не дивится этому, отрицаетъ все, а между тѣмъ чего-то хочетъ, къ чему-то стремится" ¹⁰⁸). Грядущее „опредѣленіе" міровой русской „субстанціи",

думалъ Бѣлинскій, не можетъ обойтись безъ заимствованій съ запада. Но при этомъ заимствованію подлѣжитъ лучшее, что выработано западомъ, а, кромѣ того, это лучшее должно перевоплотиться въ національно-русское. Залогъ успѣха такого именно заимствованія Бѣлинскій видѣлъ въ необычайной воспріимчивости и отзывчивости русской натуры. „И теперь еще—писалъ онъ—такъ трудно для Француза понять Нѣмца, а для Нѣмца—понять Француза. Русскій легко понимаетъ обоихъ ихъ и легко понимаетъ отчего такъ трудно имъ понять другъ друга; но самъ отъ этого не дѣлается ни Французомъ, ни Нѣмцемъ. Короче: русскій человѣкъ еще не живетъ, а только запасается средствами на жизнь, беря ихъ вездѣ и всюду, гдѣ ни встрѣтитъ, — и, видно, богата должна быть его жизнь въ будущемъ, если для нея ему нуженъ такой огромный запасъ! ¹⁰⁹⁾ „Разумѣется, — писалъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ—что намъ также не къ лицу идетъ быть нѣмцами, какъ и французами, потому что у насъ есть своя національная жизнь—глубокая, могучая, оригинальная; но назначеніе Россіи есть—принять въ себя всѣ элементы не только европейской, но міровой жизни” ¹¹⁰⁾. И дѣйствительно „русскому равно доступны и социальность француза, и практическая дѣятельность англичанина и туманная философія нѣмца” ¹¹¹⁾. Но, предупреждаетъ Бѣлинскій, „перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы тѣ же, да не тѣ, и требуютъ другого рѣшенія” ¹¹²⁾. Россія призвана не только перевоплотить въ свое національное достояніе міровые элементы западной культуры, но самостоятельно переработать ихъ и даже возвратитъ западу свое собственное новое слово мірового значенія. „Да, — увѣрялъ Бѣлинскій—мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль,—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать” ¹¹³⁾.

Всѣ эти ожиданія Бѣлинскаго въ значительной степени оправдались. Бисмаркъ не напрасно жаловался, что

нѣмецкій Karl перестаетъ уже быть нѣмцемъ, когда онъ превращается въ Карла Ивановича и даже Карлушу. Georg Wilhelm Friedrich Hegel совсѣмъ измѣнился, превратившись въ русскаго „Гегеля“, или, какъ его называлъ Бѣлинскій, въ Егора Ѳеодоровича: исчезло все, специфически связанное съ берлинскою кафедрою и прусскою политикою, и сохранились только міровые элементы его философіи, съ присоединеніемъ еще ряда чисто русскихъ проблемъ. Такое проникновеніе западныхъ идей и настроеній въ русскую жизнь и претвореніе ихъ ею иногда вело къ ихъ искаженію. Такъ, романтическая *Schönseeligkeit* на русской почвѣ получила сначала своеобразный характеръ „прекраснодушія“, затѣмъ перешла въ то спеціальное „москводушіе“, надъ которымъ подтрунивалъ Бѣлинскій ¹¹⁴), потомъ, при содѣйствіи мечтателей вродѣ Гоголевскаго Тентетникова, переродилась въ маниловщину и, наконецъ, выродилась въ специфически русскую „обломовщину“. Но нерѣдко, пройдя черезъ русское сознаніе, западныя идеи до того расширялись и углублялись, что когда онѣ при посредствѣ русской литературы возвращались назадъ на западъ, онѣ принимались какъ новое слово, какъ откровеніе, идущее съ востока. Таково хотя бы впечатлѣніе, произведенное на западѣ Достоевскимъ, хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что на него оказали сильное вліяніе именно западные авторы—Жоржъ Зандъ, Викторъ Гюго, Евгений Сю.

Вотъ въ такомъ дѣйствительно міровомъ смыслѣ Бѣлинскій дѣйствительно и былъ и хотѣлъ быть западникомъ. Но при этомъ онъ поднимался на такую высоту, куда уже не доходятъ мелкія партійныя перегородки. И съ этой высоты онъ протягивалъ руку всему лучшему не только въ западничествѣ, но также и въ славянофильствѣ.

Бѣлинскій вовсе не былъ рѣшительнымъ и принципиальнымъ противникомъ славянофильства, какъ такового.

Онъ былъ противникомъ только искаженій въ своемъ родѣ великой славянофильской идеи. Первымъ такимъ искаженіемъ было славянофильство официальное. Насаждалъ его знаменитый Уваровъ, который, какъ возмущался С. М. Соловьевъ, проповѣдовалъ „народность — не прочитавъ въ свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-нѣмецки” ¹¹⁵). Такого славянофильства Бѣлинскій рѣшительно не признавалъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ еще студентомъ предпочиталъ голодать, чѣмъ быть въ зависимости отъ „кавторжнаго, проклятаго, адскаго казеннаго кошта” ¹¹⁶), онъ — въ отличіе отъ многихъ русскихъ писателей его времени — оставался существомъ во всѣхъ отношеніяхъ своекоштнымъ. Онъ оставался таковымъ даже и тогда, когда прославлялъ официальную Россію въ „Бородинской годовщинѣ”, и тогда, когда, въ 1847 г., въ надеждѣ на близкое освобожденіе крестьянъ съ высоты престола, лихорадочно и любовно слѣдилъ за придворными извѣстіями и протестовалъ противъ малѣйшихъ намековъ на оппозицію въ русской литературѣ. Официальный міръ никогда не видѣлъ его у себя. И официальное народничество Уварова нисколько его не увлекало.

Вторымъ искаженіемъ славянофильской идеи было славянофильство полуофициальное. Сюда относились такіе люди, какъ Самаринъ, „человѣкъ, какъ его характеризовалъ С. М. Соловьевъ ¹¹⁷), замѣчательно умный, но холодный, ... сдѣлавшійся сначала славянофиломъ по недостатку ученаго образованія, особенно въ исторіи, потомъ укрѣпившійся въ славянофильствѣ по самолюбію”. Сюда относился Шевыревъ и Погодинъ. Сюда же относились, наконецъ, такія личности, какъ Гречъ и Булгаринъ. Не признавалъ Бѣлинскій и такого славянофильства. Вершины его представлялись ему просто барскою затѣею, совсѣмъ не продуманною и не прочувствованною: такъ, Самарина онъ считалъ „баричемъ, который изучалъ народъ черезъ своего камердинера и

думаетъ, что любить его больше другихъ, потому что сочинилъ или принялъ на вѣру готовую о немъ мистическую теорію" ¹¹⁸). Низменности такого славянофильства не брезгали доносами и ренегатствомъ. Могъ ли Бѣлинскій увлекаться Булгаринымъ, этимъ „патріотическимъ предателемъ“, нѣкогда шедшимъ въ Наполеоновскихъ рядахъ противъ Россіи, а затѣмъ обвинявшимъ Бѣлинскаго, что онъ „не знаетъ вовсе Россіи“ и что онъ — „ренегатъ“ ¹¹⁹). „Нѣтъ, М. Г.,—возражалъ ему Бѣлинскій съ глубочайшимъ возмущеніемъ—на святой Руси не было, нѣтъ и не будетъ ренегатовъ“. Середину такого славянофильства составляла хвастливая заносчивость по отношенію къ западу. Западъ, молъ, гніетъ и обреченъ на гибель. Слабость его Шевыревъ доказывалъ между прочимъ такими соображеніями: „еслибы Волгу, Днѣпръ да Уралъ скатить въ три потока съ Альповъ на Италію — куда бы дѣлись отъ нихъ итальянцы?“ ¹²⁰). Недовольные западомъ, полуоффиціальныя славянофилы и въ Россіи признавали настоящимъ русскимъ только то, что соответствовало ихъ партійнымъ тенденціямъ.

Все это совсѣмъ не восхищало Бѣлинскаго. „Чувство,—какъ выражается Толстой въ „Севастополѣ“ — рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждого, — любовь къ родинѣ“ давало ему безошибочный критерій для оцѣнки этихъ славянофиловъ. „Что такое патріотизмъ и патріоты — писалъ онъ—всякій знаетъ; но не всякій знаетъ, что патріоты раздѣляются на два разряда. Одни получаютъ имя патріотовъ за свои заслуги, отъ общества и отъ исторіи, какъ получили его Мининъ, Пожарскій, Сусанинъ и другіе.. Другіе сами себя провозглашаютъ патріотами, потому что громче другихъ говорятъ о любви и ревности ко всему отечественному“ ¹²¹). Утвержденія о гніеніи запада отчасти забавляли, отчасти возмущали его: „неужели — писалъ онъ—согласиться, что Европа

того и гляди прикажетъ долго жить, а мы, Славяне, напечемъ блиновъ на весь міръ, да и давай поминки творить по покойницѣ?... Подобная мысль, еслибъ о ея существованіи узнала Европа, никого не ужаснула бы тамъ. Мы предвидимъ наше великое будущее; но хотимъ непременно имѣть его на счетъ смерти Европы: какой истинѣ братскій взглядъ на вещи! Не лучше ли, не человѣчнѣе ли, не гуманичѣе ли разсуждать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развитіе, великіе успѣхи въ будущемъ, но и развитіе Европы и ея успѣхи пойдутъ своимъ чередомъ? Неужели для счастья одного брата непременно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная и не христіанская мысль!" ¹²²). Еще болѣе возмущало Бѣлинскаго то, что славянофилы этого рода имѣли свой особый взглядъ на величіе Россіи, и что подъ этотъ взглядъ не подходило многое дѣйствительно великое на Руси, на примѣръ, Пушкинъ: „одинъ журналъ,—писалъ онъ въ 1843 г.—издающійся въ монгольско - китайскомъ духѣ, находя языкъ Пушкина не русскимъ, вознамѣрился перевести всего Пушкина по-русски!!!" ¹²³). Надо ли удивляться, что Бѣлинскій не только не примкнулъ къ этимъ своеобразнымъ „вितязямъ прошедшаго и обожателямъ настоящаго" ¹²⁴), или, какъ онъ выражался, не хотѣлъ сѣсть за одинъ столъ съ филистимлянами, но даже тяготился необходимостью спорить съ ними: „бой мелочной,—оправдывался онъ—но все же бой, война съ лягушками, но все же не миръ съ баранами" ¹²⁵).

Такимъ образомъ Бѣлинскій дѣйствительно чуждался славянофильства оффиціального и полуоффиціального, представлявшаго искаженіе настоящей славянофильской идеи. Но что касается третьяго рода славянофильства, именно славянофильства независимаго, исповѣдовавшагося братьями Аксаковыми, Кирѣевскимъ, Хомяковымъ и другими, и наравнѣ съ западничествомъ состоявшаго въ подозрѣніи у оффиціальныхъ сферъ, то отношеніе

его было уже совершенно иное. Даже Герценъ, какъ извѣстно, не отрицалъ своего духовнаго сродства съ такими славянофилами: „у нихъ и у насъ—писалъ онъ—запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, фізіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ сердце билось одно”¹²⁶⁾ Съ такимъ славянофильствомъ и у Бѣлинскаго было много общаго. Онъ сходилъ съ нимъ, когда возставалъ противъ подражательнаго европеизма, или, какъ онъ выражался, противъ нашихъ „пустоголовыхъ Европейцевъ, которые съ восхищеніемъ говорятъ о послѣдней фельетонной сказкѣ выписавшагося французскаго беллетриста, или съ амфазомъ поютъ новый водевильный куплетъ, давно забытый Парижанами”¹²⁷⁾. „Пошлите—писалъ онъ—всѣхъ этихъ господъ пожить—англомановъ въ Англію, галломановъ—во Францію, германомановъ—въ Германію, да и посмотрите, такъ ли охотно, какъ вы, поспѣшатъ Англичане, Французы и Нѣмцы признать своими соотечественниками нашихъ англомановъ, галломановъ и германомановъ ... Нѣтъ, не попадутъ они въ соотечественники этимъ народамъ, а только развѣ прослывуть между ними притчею во языцѣхъ, сдѣлаются предметомъ всеобщаго оскорбительнаго вниманія и удивленія”¹²⁸⁾. Сходилъ со славянофилами Бѣлинскій и тогда, когда онъ мыслилъ человѣчество не какъ соединеніе „безпаспортныхъ бродягъ”¹²⁹⁾, а какъ рядъ народностей. „Человѣкъ—великое слово, великое дѣло,—писалъ онъ, — но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій”¹³⁰⁾. „Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу я ско-

рѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ"¹³¹). Наконецъ, Бѣлинскій сходилъ со славянофилами и въ вѣрѣ въ міровое предназначеніе Россіи. Расходился онъ съ ними въ деталяхъ. Ихъ программа казалась ему ограниченою какъ въ пространствѣ, такъ и во времени: въ пространствѣ потому, что ихъ идеализмъ нерѣдко ограничивался рамками только Россіи или же славянства, во времени потому, что они склонны были идеализировать прошлое и смотрѣть съ недовѣріемъ на будущее. Но эти разногласія не мѣшали Бѣлинскому дружить съ К. Аксаковымъ и чувствовать симпатію къ Ив. Аксакову: „славный юноша!—писалъ онъ о немъ—славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!"¹³²). Мало того. Случалось, что Бѣлинскій въ спорахъ съ западниками отстаивалъ славянофильскія идеи. Такъ, по свидѣтельству Кавелина, „въ одномъ разговорѣ съ Грановскимъ.... Бѣлинскій даже выражалъ славянофильскую мысль, что Россія лучше сѣумѣетъ разрѣшить соціальный вопросъ и покончить съ капиталами и собственностью, чѣмъ Европа"¹³³).

Вслѣдствіе всего этого насъ нисколько не должно удивлять, что Погодинъ увѣрялъ, будто Бѣлинскій былъ послѣдователемъ и восточниковъ и западниковъ¹³⁴), что Аполлонъ Григорьевъ допускалъ возможность перехода Бѣлинскаго къ славянофиламъ, если бы ему суждено было дольше жить, что, по мнѣнію Достоевскаго, „славянофилы могли бы счесть его своимъ самымъ лучшимъ другомъ"¹³⁵) и что, наконецъ, Ивановъ-Разумникъ утверждаетъ даже, что Бѣлинскій „по справедливости можетъ считаться однимъ изъ родоначальниковъ славяно-

фильства" ¹³⁶). И мы видимъ, какъ трудно назвать Бѣлинскаго чистымъ и типичнымъ западникомъ.

Причина этого ясна. Бѣлинскій былъ не ученикомъ, а учителемъ. Онъ не воспринималъ. Онъ творилъ. Онъ не продолжалъ. Онъ начиналъ. Не онъ былъ послѣдователемъ кого бы то ни было, а у него были послѣдователи, среди которыхъ были и западники и славянофилы. И какъ совершенно справедливо замѣтилъ Тургеневъ, это была „центральная натура, всѣмъ существомъ своимъ близко стоявшая къ сердцевинѣ своего народа" ¹³⁷). Какъ выражался Кольцовъ на своемъ наивномъ языкѣ, „толпа людей любитъ имъ безусловно". Вотъ эта толпа и образуетъ партію Бѣлинскаго — не ту, къ которой онъ принадлежалъ, а ту, которую онъ образовалъ и для которой совсѣмъ не такъ уже типично то или иное ея отношеніе къ западу. Чѣмъ же отличается эта партія? Прежде всего тѣмъ, что она стремится къ правдѣ въ жизни. „Много я ѣздилъ по Россіи—писалъ славянофилъ Ив. Аксаковъ: — имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждающему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. ...Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ, говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціяхъ... И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу, — ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго" ¹³⁸). Далѣе, партія Бѣлинскаго ищетъ красоты въ литературѣ какъ чисто эстетической, такъ и реалистической и умѣетъ отличать въ искусствѣ вѣчное отъ моднаго и преходящаго. Наконецъ, партія Бѣлинскаго — это всѣ тѣ, которые вообще живутъ міровыми вопросами и въ этомъ именно направленіи стремятся къ разрѣшенію той великой загадки, которой имя—Россія.

Е. Спекторскій.

Примѣчанія.

¹⁾ Текстъ рѣчи, произнесенной (въ сокращенномъ видѣ) 23 октября 1911 года въ посвященномъ памяти Бѣлинскаго собраніи Императорскаго Варшавскаго университета совмѣстно съ состоящимъ при немъ Обществомъ исторіи, филологіи и права. ²⁾ Собраніе сочиненій, юбилейное изданіе подъ редакціею Иванова-Разумника, томъ, II стр. 284. ³⁾ А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, Спб., 1876, II, 325. ⁴⁾ Былое и думы, ч. I, гл. V, стр. 99 тома VI женевского изданія сочиненій. ⁵⁾ *Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, publiées par la première fois par le p. Gagarin de la compagnie de Jésus, Paris-Leipzig, 1862, стр. 22.* ⁶⁾ Сочиненія, IV, 143. ⁷⁾ X, 292. ⁸⁾ V, 15. ⁹⁾ VII, 121. ¹⁰⁾ Вѣстникъ Европы, 1907, V, 29. ¹¹⁾ Пыпинъ, II, 281. ¹²⁾ Собраніе сочиненій, I, XCIX. ¹³⁾ I, XCVIII. ¹⁴⁾ I, CVII. ¹⁵⁾ Сочиненія, изд. Маркса, XII, 50. ¹⁶⁾ Пыпинъ, II, 288. ¹⁷⁾ Пыпинъ, II, 297. ¹⁸⁾ Пыпинъ, II, 286. ¹⁹⁾ Пыпинъ, II, 294. ²⁰⁾ Пыпинъ, II, 287. ²¹⁾ Сочиненія, XII, 51. ²²⁾ Пыпинъ, II, 307. ²³⁾ С. Ашевскій, Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ, Спб., 1911, стр. 194. ²⁴⁾ Дневникъ писателя за 1873 г., II (Сочиненія, изданіе Маркса, IX, 174). ²⁵⁾ Ашевскій, 10. ²⁶⁾ Ашевскій, 58. ²⁷⁾ Собраніе сочиненій, I, XXVII. ²⁸⁾ Пыпинъ, II, 151. ²⁹⁾ Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова, академическое изданіе 1911 г., стр. 192; см. еще стр. 187. ³⁰⁾ Тургеневъ, XII, 27. ³¹⁾ Тамъ же, 43. ³²⁾ Ашевскій, 45. ³³⁾ Ашевскій, 39. ³⁴⁾ Ашевскій, 177. ³⁵⁾ Ашевскій, 173. ³⁶⁾ XII, 44. ³⁷⁾ Пыпинъ, II, 140. ³⁸⁾ Пыпинъ, I, 286. ³⁹⁾ Пыпинъ, I, 287. ⁴⁰⁾ Пыпинъ, II, 242. ⁴¹⁾ Пыпинъ, I, 285. ⁴²⁾ Пыпинъ, II, 271. ⁴³⁾ III, 896. ⁴⁴⁾ Пыпинъ, II, 162. ⁴⁵⁾ VII, 293. ⁴⁶⁾ I, LXXII. ⁴⁷⁾ Пыпинъ, II, 28. ⁴⁸⁾ I, XXXI. ⁴⁹⁾ Пыпинъ, II, 270. ⁵⁰⁾ I, 102. ⁵¹⁾ I, 1011. ⁵²⁾ II, 624. ⁵³⁾ I, CI. ⁵⁴⁾ I, 589. ⁵⁵⁾ I, 583. ⁵⁶⁾ I, 169.

- ⁵⁷⁾ III, 59. ⁵⁸⁾ Пыпинъ, I, 287. ⁵⁹⁾ III, 954. ⁶⁰⁾ Пыпинъ, I, 292.
⁶¹⁾ Пыпинъ, II, 32. ⁶²⁾ Пыпинъ, II, 113. ⁶³⁾ Пыпинъ, I, 235. ⁶⁴⁾ II,
319. ⁶⁵⁾ Пыпинъ, II, 105. ⁶⁶⁾ Пыпинъ, II, 28. ⁶⁷⁾ Пыпинъ, II, 119.
⁶⁸⁾ Ашевскій, 40. ⁶⁹⁾ I, 905. ⁷⁰⁾ I, 1014. ⁷¹⁾ I, LI. ⁷²⁾ III, 359.
⁷³⁾ II, 104, см. еще 702. ⁷⁴⁾ Пыпинъ, II, 106. ⁷⁵⁾ Сочиненія, изд.
Маркса. XI, 467. ⁷⁶⁾ II, 206. ⁷⁷⁾ Женевское изданіе, IV, 129.
⁷⁸⁾ Пыпинъ, II, 216. ⁷⁹⁾ Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ, Со-
браніе сочиненій К. Д. Кавелина, III, 1097. ⁸⁰⁾ Пыпинъ, I, 287,
298, 299, II, 28, 87, 185. ⁸¹⁾ Пыпинъ, II, 115. ⁸²⁾ I, 713. ⁸³⁾ III,
755. ⁸⁴⁾ Ашевскій, 46. ⁸⁵⁾ Ашевскій, 195. ⁸⁶⁾ I, 100. ⁸⁷⁾ III, 824.
⁸⁸⁾ Тургеневъ, XII, 24. ⁸⁹⁾ I, 100. ⁹⁰⁾ I, 100. ⁹¹⁾ III, 958. ⁹²⁾ I,
12. ⁹³⁾ II, 542. ⁹⁴⁾ II, 829. ⁹⁵⁾ I, 101. ⁹⁶⁾ I, 10. ⁹⁷⁾ III, 492. ⁹⁸⁾
I, 1015. ⁹⁹⁾ I, 1014. ¹⁰⁰⁾ Пыпинъ, II, 38. ¹⁰¹⁾ I, 959. ¹⁰²⁾ I, 616.
¹⁰³⁾ Пыпинъ, II, 307. ¹⁰⁴⁾ II, 704. ¹⁰⁵⁾ Пыпинъ, II, 49. ¹⁰⁶⁾ Пы-
пинъ, II, 49, ср. I, 9. ¹⁰⁷⁾ II, 132. ¹⁰⁸⁾ Пыпинъ II, 281. ¹⁰⁹⁾ II,
134. ¹¹⁰⁾ I, 448. ¹¹¹⁾ III, 756. ¹¹²⁾ III, 770. ¹¹³⁾ III, 757. ¹¹⁴⁾ Пы-
пинъ, II, 47. ¹¹⁵⁾ Записки С. М. Соловьева, Вѣстникъ Европы,
1907, IV, стр. 453. ¹¹⁶⁾ Пыпинъ, I, 45. ¹¹⁷⁾ Вѣстникъ Европы,
1907, V, 32. ¹¹⁸⁾ III, 889. ¹¹⁹⁾ Ашевскій, 15. ¹²⁰⁾ II, 390. ¹²¹⁾
II, 597. ¹²²⁾ II, 881. ¹²³⁾ II, 780. ¹²⁴⁾ Пыпинъ, II, 281. ¹²⁵⁾ Пы-
пинъ, II, 166. ¹²⁶⁾ Герценъ, VII, 316. ¹²⁷⁾ III, 504. ¹²⁸⁾ III, 358. ¹²⁹⁾
Пыпинъ, II, 307. ¹³⁰⁾ Пыпинъ, II, 122. ¹³¹⁾ III, 766. ¹³²⁾ Пыпинъ, II,
262. ¹³³⁾ Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ, Собрание сочиненій
К. Д. Кавелина, III, 1091. ¹³⁴⁾ Ашевскій, 54. ¹³⁵⁾ Дневникъ пи-
сателя, Мой парадоксъ, Сочиненія, X, 219. ¹³⁶⁾ I, 497. ¹³⁷⁾ Сочине-
нія Тургенева, XII, 25. ¹³⁸⁾ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его пись-
махъ, томъ III, Москва, 1892, стр. 290 и слѣд.

Наполеонъ въ Варшавѣ въ 1812 году¹⁾.

Поляки надѣялись, что Наполеонъ, начиная въ 1812 году кампанію противъ Россіи, явится предварительно въ Варшаву. Но онъ рѣшилъ этого не дѣлать. Помимо того, что Варшава не лежала на его пути къ арміи, двинувшейся въ Россію, весьма возможно также и то, что онъ совершенно сознательно не хотѣлъ пріѣхать теперь въ столицу герцогства Варшавскаго. Онъ опасался, что поляки разными политическими и патріотическими манифестаціями свяжутъ его въ будущихъ дѣйствіяхъ, и что предстоящему походу противъ Россіи будетъ приданъ характеръ войны, которая ведется исключительно съ цѣлью возстановленія Польши. Между тѣмъ, Наполеонъ при извѣстныхъ уступкахъ со стороны императора Александра I непрочь былъ на соглашеніе съ нимъ. Еще въ маѣ мѣсяцѣ, незадолго до наступленія на Россію, Наполеономъ былъ отправленъ графъ Нарбоннъ въ Вильну для переговоровъ съ находившимся тамъ Александромъ I. Даже уже послѣ вступленія Наполеона въ Вильну, онъ, какъ извѣстно, велъ еще переговоры съ Балашовымъ,

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ 12 февраля 1912 г.

присланнымъ императоромъ Александромъ. Это нежеланіе подчеркнуть, что война ведется для восстановленія Польши, и, такимъ образомъ, создать себѣ въ будущемъ разныя затрудненія, и повело отчасти къ тому, что Варшавѣ не удалось увидѣть Наполеона въ своихъ стѣнахъ передъ началомъ русскаго похода, хотя поляки до самаго начала іюня надѣялись на это и дѣлали приготовленія къ торжественному приему его ¹⁾. Повидимому, одно время ожидали, что приѣздъ этотъ долженъ состояться 25 мая н. ст. ²⁾. По крайней мѣрѣ, такъ доносилъ своему правительству въ Берлинъ прусскій финансовый агентъ въ Варшавѣ Цербони ди Спозетти ³⁾.

Но послѣ неудачной войны съ Россіей, Наполеону, спѣшившему по возможности скорѣе возвратиться въ Парижъ, пришлось проѣхать черезъ Варшаву, и онъ остановился въ ней на короткое время. Хотя его пребываніе здѣсь продолжалось всего нѣсколько часовъ, тѣмъ не менѣе свиданіе Наполеона со своимъ посломъ въ Варшавѣ—архіепископомъ мехельнскимъ де-Прадтомъ, его разговоры съ нимъ, а также съ двумя министрами герцогства представляютъ нѣкоторый историческій интересъ и заслуживаютъ того, чтобы остановкой Наполеона въ Варшавѣ заняться. Въ это время въ головѣ Наполеона зарождались уже новые планы борьбы съ Россіей. Не смотря на то, что его громадная армія почти вся погибла, не смотря на то, что онъ потерпѣлъ небывалое до сихъ поръ пораженіе и ему приходилось почти бѣжать во Францію, тѣмъ не менѣе онъ не терялъ надежды на-

¹⁾ Falkowski. Obrazy z życia kilku ostatnich pokoleń w Polsce. T. IV, p. 20.

²⁾ Тамъ, гдѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ указана лишь одна дата, то это будетъ означать, что приведена она по новому стилю.

³⁾ MS. берлинскаго государственнаго тайнаго архива. Rep. 9. № 27—1. Warschau den 18 May 1812.

чать вскорѣ новую войну съ Россіей. Наполеонъ старался въ Варшавѣ увѣрить польскихъ министровъ, что разгромъ всѣхъ военныхъ силъ его въ Россіи не имѣетъ особеннаго значенія; онъ старался успокоить ихъ и ободрить. Для Наполеона было очень важно не дать полякамъ пасть духомъ. Онъ всячески стремился къ тому, чтобы удержать ихъ на своей сторонѣ, такъ какъ болѣе вѣрныхъ и преданныхъ союзниковъ у него не было.

Послѣ переправы черезъ Березину Наполеонъ увидѣлъ, что съ тѣми силами, которыя остались у него, какая-либо дальнѣйшая борьба съ Россіей немыслима, и онъ рѣшилъ возвратиться поскорѣе во Францію. Въ Молодечнѣ, мѣстечкѣ виленской губерніи, Наполеонъ составилъ 3 декабря (21 ноября) свой извѣстный 29-ый бюллетень о войнѣ съ Россіей ¹⁾, а затѣмъ, пріѣхавъ въ Сморгонь 5 декабря (23 ноября), онъ постановилъ покинуть ничтожные остатки своей арміи и немедленно отправиться прямо во Францію. Онъ тѣмъ болѣе спѣшилъ туда, что опасался, какъ бы извѣстія о разгромѣ его арміи не вызвали какихъ-либо волненій въ этой странѣ, а, кромѣ того, онъ боялся, чтобы Пруссія и Австрія не отпали теперь отъ союза съ нимъ ²⁾. Уѣзжая изъ Сморгони, Наполеонъ взялъ съ собою лишь нѣсколькихъ приближенныхъ: Коленкура, герцога Виченцы, генерала графа Лefевра-Денуэта, поляка полковника Вонсовича, который могъ быть ему особенно полезенъ въ настоящее время не только своимъ знаніемъ польскаго языка, но и рус-

¹⁾ Comte d'Angeberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne. 1762—1862. Paris. 1862. Стр. 579 и слѣд.

²⁾ Bourgoing. Épisodes militaires et politiques, pp. 224 sqq., 229, 230. Fain. Manuscrit de mil huit cent douze, t. II, p. 421. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Томъ III, стр. 379, пр. 200.

скаго. Въ свитѣ Наполеона находился, конечно, и всегда неотступно бывший при немъ мамелюкъ Рустанъ. Сохраняя строжайшее инкогнито, чтобы не попасться въ руки русскимъ, Наполеонъ спѣшилъ поскорѣе выбраться изъ предѣловъ Россіи. На почтовыхъ станціяхъ лошади брались на чужое имя даже и по выѣздѣ изъ границъ Россіи, и никто не зналъ, что это ѣдетъ Наполеонъ. Въ Варшаву онъ прибылъ въ четвергъ, 10 декабря (28 ноября), днемъ. Морозъ въ этотъ день достигалъ 24°, если вѣрить графинѣ Аннѣ Потоцкой ¹⁾. Чтобы не обратить на себя вниманія, а въ то же время увидѣть собственными глазами, что дѣлается въ Варшавѣ, и взглянуть на Краковское Предмѣстье, гдѣ во время своего пребыванія въ Варшавѣ въ 1807 году онъ дѣлалъ смотры ²⁾, Наполеонъ вышелъ изъ саней на Прагъ и отправился пѣшкомъ черезъ мостъ, который выходилъ на Беднарскую улицу, а отсюда по Краковскому Предмѣстью направился въ Англійскую гостиницу. Эта гостиница находилась на Вержбовой улицѣ въ томъ же домѣ, что и теперь, и принадлежала нѣкому Гонсіоровскому ³⁾.

Наполеонъ спокойно прошелъ по Варшавѣ, не будучи узнанъ. Никому изъ встрѣчныхъ и въ голову не могло придти, чтобы это лицо, закутанное въ большую шубу зеленого бархата съ золотыми шнурами и въ нахлобученной мѣховой шапкѣ на головѣ могло быть Наполеономъ. Въ Варшавѣ еще ничего не знали объ отъ-

¹⁾ Mémoires de la C-tesse Potocka (Paris. 1897. 2-me éd.), p. 331.

²⁾ Bourgoing сообщаетъ, будто Наполеонъ попросилъ, чтобы его провели въ Англійскую гостиницу по Краковскому Предмѣстью. „J'aimerais à me retrouver dans cette rue,” dit-il, „parce que j’y ai passé autrefois une grande revue”. Souvenirs d’histoire contemporaine, p. 250.

³⁾ Gołębiowski, Łukasz. Opisanie historyczno-statystyczne miasta Warszawy (Warszawa. 1827), p. 186.

ѣздѣ Наполеона изъ Россіи, а газеты скрывали истинное положеніе дѣлъ. Поляки были очень далеки отъ мысли, что французскій императоръ можетъ быть въ настоящее время среди нихъ. Имъ трудно было бы даже представить себѣ, что то лицо, которое они называли „воскресителемъ Польши“, почти тайкомъ пробиралось теперь во Францію. На это рассчитывалъ, конечно, и Наполеонъ, рѣшившись пройти по Варшавѣ въ часы, когда улицы ея наиболѣе оживлены. Не отправился онъ къ своему послу де-Прадту, вѣроятно, въ силу того же опасенія обратить на себя вниманіе. Сопровождавшій его Вонсовичъ, какъ лицо хорошо знакомое съ Варшавою, надо думать, посовѣтовалъ ему остановиться въ Англійской гостиницѣ. Какъ только ему отвели тамъ помѣщеніе, Наполеонъ отправилъ Коленкура къ де-Прадту съ приказаніемъ, чтобы онъ явился къ нему. Де-Прадтъ помѣщался въ Брюловскомъ дворцѣ—по сосѣдству съ Англійской гостиницей ¹⁾. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда узналъ, что его повелитель находится въ Варшавѣ. Онъ поспѣшилъ къ Наполеону. Было половина второго, когда онъ явился въ Англійскую гостиницу, какъ это имъ самимъ отмѣчено въ его „Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812“ ²⁾.

Это сочиненіе представляетъ, съ одной стороны, какъ бы мемуары де-Прадта о его пребываніи въ Варшавѣ, въ качествѣ посла Наполеона, а, съ другой, оправданіе собственной дѣятельности тамъ и въ то же время крити-

¹⁾ Приѣхавши въ Варшаву, де-Прадтъ помѣстился сначала въ домѣ Станислава Потоцкаго, такъ какъ Брюловскій дворецъ занималъ король Іеронимъ Вестфальскій, и только послѣ отъѣзда послѣдняго переѣхалъ туда. *Mémoires de la C-tesse Potocka*, pp. 317, 325—326.

²⁾ „Je me précipite dans la cour, dans la rue, j'arrive à l'hôtel d'Angleterre“, пишетъ онъ; „il était une heure et demie“. Pp. 178—179.

ку польской политики и дѣйствій императора и его министра иностранныхъ дѣлъ—герцога Бассано. Въ немъ мы находимъ наиболѣе подробный разсказъ о томъ, что говорилъ Наполеонъ во время свиданія въ Англійской гостиницѣ съ де-Прадтомъ и двумя польскими министрами о своемъ неудачномъ походѣ въ Россію, а также и о томъ, какіе планы онъ строилъ относительно будущаго, и какъ онъ относился къ польскому вопросу. Обыкновенно заподозриваютъ правдивость книги де-Прадта. Она была издана послѣ паденія Наполеона, и когда де-Прадтъ перешелъ уже въ лагерь Бурбоновъ. Дѣйствительно, въ этой книгѣ онъ не скрываетъ своего несочувствія къ Наполеону и, говоря о немъ, выставляетъ его часто съ очень невыгодной стороны, иронически относится къ многимъ его поступкамъ и выходкамъ, не скрываетъ несимпатичныхъ сторонъ его характера, не идеализируетъ его и безъ всякаго стѣсненія раскрываетъ нерѣдко дѣйствительный, истинный смыслъ дѣйствій императора. Понятно, что при томъ преклоненіи предъ Наполеономъ, которое существовало и существуетъ даже теперь и въ литературѣ, и въ значительной части общества, сочиненіе де-Прадта естественно должно было вызвать негодованіе, и на него смотрѣли, какъ на памфлетъ. Поэтому, ко всѣмъ сообщаемымъ имъ фактамъ, и въ особенности говорящимъ не въ пользу Наполеона, относились съ недовѣріемъ и прямо отвергали, какъ исходящіе отъ лица враждебно настроеннаго къ императору. Когда самъ Наполеонъ прочиталъ книгу де-Прадта въ 1817 году, уже находясь въ изгнаніи на островѣ св. Елены, онъ воскликнулъ: „*misérable coquin!*” На поляхъ книги онъ во многихъ мѣстахъ сдѣлалъ помѣтки; но нужно замѣтить, что эти опроверженія Наполеона разныхъ мѣстъ сочиненія де-Прадта неубѣдительны¹⁾. Даже такой поклонникъ На-

¹⁾ Napoléon et ses détracteurs par le prince Napoléon, pp 173 sqq.

полеона, какъ Бургоэнъ, когда говоритъ о страницахъ книги де-Прадта, въ которыхъ сообщается о пребываніи императора въ Варшавѣ, то порицаетъ его не за извращеніе словъ Наполеона, а лишь за то, что посолъ передаетъ „каждое слово, каждое движеніе своего суверена, призвавшаго его съ тѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ съ полнымъ довѣріемъ” ¹⁾. Графиня Анна Потоцкая, вышедшая замужъ во второмъ бракѣ за того самаго Вонсовича, который сопровождалъ теперь Наполеона, равнымъ образомъ порицаетъ де-Прадта не за извращеніе фактовъ, а за стремленіе въ смѣшномъ видѣ представить этотъ, по ея выраженію, замѣчательный разговоръ въ Англійской гостиницѣ ²⁾. Но, помимо разсказа де-Прадта, мы имѣемъ еще два непосредственныхъ свидѣтельства о томъ, что говорилъ Наполеонъ въ Англійской гостиницѣ, и они не противорѣчатъ тому, что мы читаемъ въ сочиненіи посла Наполеона. Я имѣю въ виду письмо графа Станислава Потоцкаго, президента совѣта министровъ,

¹⁾ Bourgoing, о. с., р. 251. Биньонъ, преклонявшійся предъ Наполеономъ и оставшійся ему вѣрнымъ и послѣ его паденія, пишетъ въ своихъ *Souvenirs* (р. 247), что „M. de Pradt inséra un long discours, évidemment fabriqué après coup, qu'il prétendait lui avoir été tenu en cette circonstance (въ Англійской гостиницѣ) par l'Empereur”. Такъ какъ Биньонъ былъ посломъ Наполеона въ Варшавѣ до де-Прадта, а затѣмъ назначенъ на тотъ же постъ тотчасъ послѣ отозванія послѣдняго, то казалось бы, что только что приведенныя слова его заслуживаютъ нѣкотораго вниманія. Между тѣмъ, оказывается, что Биньонъ сообщаетъ даже невѣрныя свѣдѣнія о времени пребыванія Наполеона въ Варшавѣ, такъ что очевидно, что онъ былъ плохо освѣдомленъ относительно фактовъ, сопровождавшихъ его остановку въ Англійской гостиницѣ.

²⁾ *Mémoires de la C-tesse Potocka*, р. 333. Авторъ *Żywot'a Tomasza Ostrowskiego* говоритъ, что онъ почти дословно приводитъ описаніе пребыванія Наполеона въ Варшавѣ изъ сочиненія де-Прадта, такъ какъ „ile gdy pamiętam, że takowa (пребываніе) w owym czasie, podobnie była i przez innych opisywana”. Т. II, р. 293.

къ статсъ-секретарю герцогства Варшавскаго Брезѣ въ Дрезденѣ отъ 13 декабря 1812 г. о своей аудіенціи у Наполеона 10 декабря¹⁾, а также „Extrait d'une lettre de Varsovie“, изданное Дубровинимъ, къ сожалѣнію, безъ указанія происхожденія этого письма, и кому оно принадлежитъ²⁾. Это послѣднее письмо, какъ свидѣтельству-етъ его содержаніе, было написано лицомъ хорошо освѣдомленнымъ о томъ, что говорилось въ Англійской го-стиницѣ³⁾. Тонъ и характеръ рѣчей Наполеона въ ихъ передачѣ авторами вышеуказанныхъ писемъ совпадаетъ съ тѣмъ, что рассказываетъ де-Прадтъ. Такимъ обра-зомъ, мы не имѣемъ никакого основанія не довѣрять разсказу послѣдняго. Конечно, въ подробностяхъ онъ, быть можетъ, кое-гдѣ и приукрасилъ свой разсказъ и по-старался съ свойственнымъ ему тщеславіемъ выставить

¹⁾ Это письмо напечатано, къ сожалѣнію, съ пропусками въ примѣчаніяхъ къ сочиненію Askenazy: *Książę Józef Poniatowski* (Warszawa. 1910), pp. 310—311.

²⁾ Отечественная война въ письмахъ современниковъ, стр. 419 и слѣд. (Приложеніе къ XLIII тому „Записокъ Импер. Академіи На-укъ. Санктпетербургъ. 1882).

³⁾ Въ майскомъ номерѣ „Вѣстника Европы“ за 1813 г. (часть LXIX, стр. 139 и слѣд.) напечатана „Рѣчь къ Французскому По-сланнику и Польскимъ Министрамъ, произнесенная Наполеономъ въ Варшавѣ во время бѣгства изъ Россіи“, содержаніе которой совпа-даетъ съ тѣмъ, что мы находимъ у де-Прадта и въ письмахъ По-тоцкаго, а также неизвѣстнаго, которое издано Дубровинимъ. Впро-чемъ, въ этой „Рѣчи“ есть нѣсколько фразъ, которыхъ Наполеонъ не могъ сказать въ той формѣ, какъ онѣ приведены въ ней, напр., его отзывъ о французской арміи. Эти фразы объясняются, по всей вѣроятности, тѣмъ, что редакция этой „Рѣчи“ Наполеона англійска-го происхожденія. Относительно того, откуда заимствована указан-ная рѣчь „Вѣстн. Европы“, редакция сообщаетъ слѣдующее: „Изда-тель печатаемыхъ въ Берлинѣ Россійско-Нѣмецкихъ народныхъ Вѣдомостей, Господинъ Коцебу, взялъ рѣчь сію изъ Англійскихъ листковъ“. Такимъ образомъ, „Вѣстн. Евр.“ перевелъ ее уже съ нѣмецкаго языка.

себя въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, но все существенное, передаваемое имъ, можетъ быть принято съ довѣріемъ.

Встрѣтилъ Наполеонъ своего посла весело и смѣясь, когда тотъ явился къ нему въ Англійскую гостиницу, какъ уже было сказано выше. Послѣ обмѣна нѣсколькими фразами, не имѣющими никакого значенія, де-Прадтъ приступилъ къ изложенію положенія дѣлъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. Онъ разсказалъ, что герцогство находится въ самомъ печальномъ положеніи, и поляки разорены. „Кто же разорилъ ихъ”, спросилъ Наполеонъ?— „Все, что они дѣлали въ послѣднія шесть лѣтъ, а также прошлогодній неурожай и континентальная система, которая лишила ихъ торговли”, отвѣтилъ де-Прадтъ. При послѣднихъ словахъ въ глазахъ императора вспыхнулъ огонекъ. Затѣмъ онъ поинтересовался узнать, въ какомъ положеніи находятся въ настоящее время военныя дѣйствія. Съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ оставилъ свою армію и уѣхалъ изъ Сморгони, онъ ничего не зналъ о ходѣ войны. Посолъ сообщилъ ему о послѣднихъ полученныхъ имъ извѣстіяхъ съ поля военныхъ дѣйствій. Де-Прадтъ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ довольно пессимистично и не скрылъ отъ Наполеона возможности занятія въ скоромъ времени герцогства русскими войсками. Онъ находилъ, поэтому, полезнымъ, чтобы и французское посольство и совѣтъ министровъ потихоньку оставили Варшаву до прибытія русскихъ. Сообщилъ также де-Прадтъ Наполеону, какъ мало сочувствія встрѣтили войска австрійцевъ на Волыни. Что же касается проектовъ Наполеона о томъ, какъ остановить движеніе русскаго войска на герцогство, то де-Прадтъ энергично возражалъ противъ нихъ и опровергалъ. „Нужно набрать десять тысячъ польскихъ казаковъ”, говорилъ Наполеонъ. „Достаточно будетъ пики и лошади. Этимъ остановить русскихъ”. Взгляды посла и его суверена на положеніе дѣлъ, какъ видно, сильно разошлись. Одинъ былъ пессимистомъ, а другой оптимистомъ. „Я замѣтилъ”, го-

ворить де-Прадтъ, „что я не понравился“. Этотъ разговоръ продолжался какихъ-нибудь четверть часа, и затѣмъ императоръ отпустилъ де-Прадта, приказавши ему придти послѣ обѣда съ предсѣдателемъ совѣта министровъ графомъ Ст. Потоцкимъ и министромъ финансовъ Матушевичемъ ¹⁾).

Когда указанные лица явились къ Наполеону около трехъ часовъ дня, то онъ встрѣтилъ ихъ шуткою, говоря; что находится въ Варшавѣ уже шесть дней, а они до сихъ поръ ничего объ этомъ не знаютъ; но затѣмъ, смѣясь, тотчасъ прибавилъ, что пріѣхалъ всего нѣскольکو часовъ тому назадъ. Послѣ этого разговоръ перешелъ на теперешнее положеніе дѣлъ и продолжался болѣе часа ²⁾). Наполеонъ много говорилъ о своемъ походѣ въ Россію и старался, повидимому, оправдать свои неудачи. Измученный тяжелымъ шестидневнымъ путешествіемъ безъ остановокъ и отдыха, путешествіемъ притомъ чрезвычайно рискованнымъ, такъ какъ онъ подвергался опасности попасться въ руки русскихъ, Наполеонъ чувствовалъ теперь потребность высказаться о томъ, что было у него на душѣ, среди людей, къ которымъ онъ могъ относиться съ нѣкоторымъ довѣріемъ. Этою душевною и физическою усталостью объясняется то обстоятельство, что въ бесѣдѣ о послѣднихъ событіяхъ у него нѣсколько разъ вырвались слова ироніи надъ самимъ собою. „Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas“,

¹⁾ Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812 par M. de Pradt (Paris. 1815. 6-me ed.), pp. 180—182.

²⁾ „La conversation se prolongea ainsi pendant près de trois heures.“ Ibid., p. 185. Де-Прадтъ, повидимому, имѣетъ въ виду все время, которое было проведено имъ во время второго посѣщенія Наполеона до самаго его отъѣзда изъ Варшавы. Потоцкій въ письмѣ къ Брезѣ отъ 13 дек. 1812 г. пишетъ, что Наполеонъ „entama une conversation, qu'il poussa au delà d'une bonne heure“. Askenazy, о. с., p. 310. Cp. Mémoires de la C-tesse Potocka, p. 332.

т. е. отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ, сказалъ онъ нѣсколько разъ, говоря о своемъ походѣ въ Россію. Этой временной усталостью объясняется отчасти и то, что въ разговорѣ съ прибывшими къ нему польскими министрами и де-Прадтомъ онъ предавался воспоминаніямъ о своихъ прежнихъ побѣдахъ и подвигахъ. Но въ то же время эти воспоминанія окрыляли его. Черезъ нѣсколько минутъ въ немъ воскресалъ прежній Наполеонъ. Онъ старался влить энергію въ своихъ собесѣдниковъ и убѣдить ихъ, что напрасно въ Варшавѣ смотрятъ мрачно на теперешнее политическое положеніе. Онъ говорилъ, что у него осталось 120000 солдатъ, что онъ постоянно разбивалъ русскихъ, что онъ приведетъ изъ Франціи новую армію въ 300 тысячъ челоѣкъ, дастъ двѣ-три битвы на Одерѣ и черезъ шесть мѣсяцевъ опять будетъ на берегахъ Нѣмана. Потомъ онъ сталъ развивать проектъ о необходимости создать корпусъ польскихъ казаковъ, которые должны были бы остановить русскую армію. Когда же польскіе министры указали на то, что край чрезвычайно истощенъ, то онъ позволилъ употребить на указанную цѣль два-три милліона пьемонтскаго биллона, лежавшаго въ Варшавѣ уже три мѣсяца, а также 3—4 милліона кредитныхъ билетовъ, полученныхъ въ видѣ контрибуціи съ Курляндіи. Эти суммы онъ давалъ герцогству въ видѣ займа. Насколько Наполеонъ не раздѣлялъ взглядовъ своего посла, что герцогству Варшавскому угрожаетъ опасность со стороны наступающаго русскаго войска, видно изъ того, что онъ сообщилъ министрамъ о томъ, что въ Варшаву вскорѣ прибѣдетъ дипломатическій корпусъ изъ Вильны. „Это шпионы“, прибавилъ онъ, „я не хотѣлъ имѣть ихъ при моей главной квартирѣ. Ихъ прислали. Это не что иное, какъ шпионы, которые исключительно заняты посылкою бюллетеней своимъ дворамъ“.

Такъ какъ де-Прадтъ неособенно симпатизировалъ полякамъ, и политическая судьба ихъ мало его интере-

совала, то этимъ, надо думать, объясняется то обстоятельство, что онъ не вспоминаетъ объ обѣщаніяхъ, данныхъ Наполеономъ польскимъ министрамъ относительно Польши. Но Потоцкій въ письмѣ къ Брезѣ сообщаетъ ему, что Наполеонъ будто бы сказалъ: „Если окажется возможнымъ заключить почетный миръ, я его заключу. Я васъ (поляковъ) не забуду,—даю вамъ мое слово. Вы можете это сказать всѣмъ. Я желаю возстановить Польшу: это дѣло трудное, но не невозможное..... Но что бы ни случилось, я могу васъ увѣрить, что никогда не оставлю герцогство Варшавское, и оно будетъ существовать, пока я буду существовать”..... Здѣсь слѣдуетъ многоточіе у издателя этого письма ¹⁾. Между тѣмъ оказывается, что Наполеонъ, говоря о герцогствѣ Варшавскомъ, сказалъ нѣсколько словъ, въ высшей степени задѣвшихъ его вѣрнѣйшаго союзника въ Германіи—Фридриха-Августа, короля саксонскаго, бывшаго въ то же время и герцогомъ варшавскимъ. Въ мемуарахъ Зенфта, саксонскаго министра иностранныхъ дѣлъ, мы читаемъ слѣдующее: „Содержаніе этого разговора (Наполеона съ польскими министрами).... дошло до Дрездена путемъ переписки графа Потоцкаго съ г. Брезою и г. Матушевича съ графомъ де-Зенфтъ. Этотъ послѣдній узналъ, будучи частнымъ образомъ увѣдомленъ своимъ другомъ, что императоръ, стараясь вызвать новыя усилія со стороны поляковъ, сказалъ слѣдующія слова: „польскій вопросъ становится очень труднымъ; но герцогство Варшавское останется, будетъ ли оно принадлежать королю саксонскому или кому-либо другому!” Эти послѣднія слова, обращенныя къ двумъ чиновникамъ, состоящимъ на службѣ его величества, обнаруживали такую возмутительную неделикатность, что Фридрихъ-Августъ, которому г. де-Зенфтъ объ этомъ доложилъ, былъ сильно пораженъ. Слова эти,

¹⁾ Askenazy, о. с., pp. 310—311.

подтвержденные потомъ свидѣтельствомъ г. Нѣмцевича, который ихъ слышалъ отъ самого графа Станислава (Потоцкаго) болѣе всего посодѣйствовали тому, что поколебали чувства его величества къ Франціи" ¹⁾.

Бесѣда Наполеона въ Англійской гостиницѣ, однако, сдѣлала свое дѣло. Надежды поляковъ на его помощь были вновь подогрѣты. Вѣсть о проѣздѣ Наполеона тотчасъ распространилась по Варшавѣ, и объ его оригинальномъ разговорѣ передавали на ухо другъ другу ²⁾. Несомнѣнно, что при этомъ случаѣ не упускали сообщать о томъ, что Наполеонъ отправился за трехсоттысячной арміей, и что онъ говорилъ о возстановленіи Польши. Если интересовались тѣмъ, чѣмъ накормили его въ Англійской гостиницѣ ³⁾, если жадно ловили всякія мелочи, касающіяся его пребыванія въ Варшавѣ ⁴⁾, то тѣмъ болѣе говорили, конечно, о его планахъ относительно будущей судьбы поляковъ. Опять была дана пища для новыхъ иллюзій. Зато Наполеонъ достигъ своей цѣли, и почва для объявленія созванія народнаго ополченія была имъ подготовлена. Впрочемъ, вслѣдъ за новыми иллюзіями очень скоро должно было наступить теперь и новое разочарованіе.

Отдохнувши нѣсколько часовъ въ Варшавѣ, Наполеонъ вечеромъ отправился въ дальнѣйшій путь. Чтобы соблюсти инкогнито, лошади для него были потребова-

¹⁾ Mémoires du comte de Senft (Leipzig. 1863) p. 190.

²⁾ Żywot Tomasza Ostrowskiego, t. II, p. 297.

³⁾ Такъ Niemcewicz считаетъ нужнымъ сообщить, что Наполеону „dano na obiad zrazów z kartoflami”. Pamiętniki czasów moich (Lipsk. 1868), p. 300.

⁴⁾ См., напр., Pamiętniki Kajetana Koźmiana, t. II, p. 382. Нужно замѣтить, однако, что свѣдѣнія, сообщаемыя этимъ авторомъ о пребываніи Наполеона въ Варшавѣ, отличаются большою неточностью.

ны на почтѣ на имя Коленкура ¹⁾. Уѣзжая, Наполеонъ приказалъ, чтобы о проѣздѣ его черезъ Варшаву было опубликовано только черезъ сутки. И хотя вѣсть о томъ, что Наполеонъ былъ въ Варшавѣ, разнеслась, конечно, очень скоро, тѣмъ не менѣе сообщеніе объ этомъ появилось въ мѣстной газетѣ—*Gazeta Warszawska*—лишь 19 декабря. Оно было чрезвычайно лаконично. Было сказано всего, что 10 декабря черезъ Варшаву „проѣхалъ императоръ французовъ, король итальянскій, въ полномъ здоровьи (*w najlepszym zdrowiu*) и, проведши нѣсколько часовъ здѣсь, отправился дальше въ Парижъ”.

Но кратковременное пребываніе Наполеона въ Варшавѣ для де-Прадта не прошло даромъ. Ему тотчасъ пришлось испытать на себѣ, насколько небезопасно расходиться въ мнѣніяхъ съ своимъ повелителемъ. Наполеонъ остался очень недоволенъ своимъ посломъ и на другой же день, послѣ разговоровъ съ де-Прадтомъ, отправилъ министру иностранныхъ дѣлъ—герцогу Бассано приказаніе немедленно отозвать его изъ Варшавы и отправить въ мехельнскую епархію ²⁾.

Дальнѣйшія событія показали, однако, что де-Прадтъ болѣе вѣрно смотрѣлъ на исходъ войны съ Россіей, нежели Наполеонъ.

¹⁾ Mémoires de la C-tesse Potocka, p. 335.

²⁾ Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie par M. de Pradt, p. 189. Napoléon et ses détracteurs par le prince Napoléon, pp. 192, 193.

Этнографическое изученіе Волыни и важнѣйшіе вопросы ея этнографіи въ настоящее время.

I.

Поѣздки по Волынскому Полѣстью, предпринятія мною лѣтомъ 1910 и 1911 года по порученію Императорской Академіи Наукъ для изученія мѣстныхъ народныхъ говоровъ, дали мнѣ возможность ознакомиться не только съ вопросами, имѣющими прямую связь съ задачами моей командировки, но и съ постановкой этнографическаго изученія Волыни вообще, а также въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, какъ шло изученіе ея этнографіи до послѣдняго времени. Изложеніе результатовъ моихъ наблюденій въ этой области составляетъ предметъ настоящей статьи ¹⁾, задача которой дать картину послѣдовательнаго изученія этнографіи Волыни, установить нѣкоторые важнѣйшіе вопросы ея въ настоящее время и наконецъ остановить особенное вниманіе на одномъ изъ этихъ вопросовъ, а именно на похоронныхъ обрядахъ и похоронныхъ причитаніяхъ.

¹⁾ Эта статья была предметомъ двухъ докладовъ, прочитанныхъ въ засѣданіи „Общества исторіи филологіи и права при Варшавскомъ Университетѣ” 12 марта и 12 ноября 1911 года.

Волинь, заселенная въ древности племенами древлянъ, дулебовъ, бужанъ, волинянъ (вельнянъ), какъ извѣстно, ближе всего стояла къ центру древней политической Руси-Кіеву. Принимая близкое и непосредственное участіе во всѣхъ почти событіяхъ нашей древнѣйшей исторіи, она вмѣстѣ съ Кіевской землей является колыбелью русской исторической жизни и складывавшагося въ ней государственнаго порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и колыбелью христіанства. Уже въ лѣтописи подъ 884 и 888 г.г. упоминается о Владимірѣ-Волинскомъ, какъ о городѣ могущественномъ и богатомъ. Затѣмъ всѣмъ извѣстная въ лѣтописи попытка древлянъ занять первенствующее среди племенъ русскихъ славянъ мѣсто въ связи съ отношеніями къ нимъ Ольги и другихъ князей, наконецъ, исторія древнѣйшихъ памятниковъ Волини—ея православныхъ храмовъ—во Владимірѣ-Волинскомъ и Овручѣ, которые являются самыми древними не только на Волини, но и во всей Россіи, краснорѣчиво подтверждаетъ высказанную выше мысль. Развертывавшіяся историческія событія, начиная съ X вѣка, опредѣленно вполне установили положеніе Волинской земли въ томъ конгломератѣ, который составилъ древне-русское государство, назначивъ для нея не первое мѣсто. И это положеніе Волини не измѣнилось вплоть до наступленія татарской эпохи, или половины XIII вѣка. Тѣмъ не менѣе богатство земли этого края, здоровый климатъ, обильная водой и удобная для сообщенія рѣки, хорошо устроенные города, какими были: Владиміръ, Коростень, Луцкъ, Овручъ, Дубно привлекаютъ къ этому краю не только вниманіе, но и симпатіи князей, вполне удовлетворяющихся этимъ удѣломъ, который однако довольно нерѣдко поэтому является и яблокомъ раздора между князьями.

Съ другой стороны особыя условія княжескаго владѣнія русской землей, когда установился очередной порядокъ владѣнія и когда для князей-изгоевъ участіе въ

этой очереди сдѣлалось недоступнымъ, при постоянномъ и настойчивомъ желаніи ихъ владѣть удѣлами, привели къ тому, что Волынь является среди другихъ той областью, на которую могли только претендовать князья - изгои. Кромѣ того размноженіе княжескаго рода вызываетъ необходимость въ надѣленіи всѣхъ князей землею, а это приводитъ въ свою очередь къ дробленію. И это дробленіе испытала Волынь. Еще Владиміръ Св. дѣлилъ Волынь на двѣ части: одну прибужную съ гор. Владиміромъ (Владимірское Княжество даетъ Всеволоду), другую—по рѣкѣ Стири съ городомъ Луцкомъ (даетъ Позвизду). Ярославъ Мудрый передъ смертью отдаетъ Волынь съ Галиціей сыну Игорю, а затѣмъ идетъ борьба между наслѣдниками; Давидъ Игоревичъ, получивши Волынь (съ г. г. Владиміромъ и Луцкомъ), лишается этого княжества, и оно переходитъ въ родъ Владиміра Мономаха. Такимъ образомъ, уже на зарѣ русской государственной жизни Волынь то объединяется, то раздробляется на части, являясь въ тоже время ареной борьбы, вызываемой причинами, для этой земли совершенно посторонними, вытекавшими только изъ личныхъ интересовъ князей—наслѣдниковъ. Но до начала второй половины XII вѣка связь Волыни съ Кіевомъ самая тѣсная. Со второй же половины XII в. Волынская область обособляется отъ Кіевского Княжества, дробясь въ тоже время между членами княжеской линіи. Такъ, напр., отецъ Романа князь Мстиславъ II дѣлитъ ее со своимъ братомъ Ярославомъ и своими дядями Владиміромъ Андреевичемъ и Владиміромъ Мстиславичемъ; кромѣ того князь Романъ дѣлитъ ее не только со своимъ братомъ Всеволодомъ Бельзскимъ, но и съ двоюродными братьями и племянниками. Тѣмъ не менѣе князей, которые не ограничивались узко-эгоистичными личными интересами, а простирали свой взоръ далеко за предѣлы, обусловливаемые этими интересами, никогда не покидала мысль объ объединеніи Волынской земли и прекращеніи того раздѣле-

нія, на которое они смотрѣли, какъ на неизбежную уступку силѣ необходимости, вызванной установившимися обычаями, а равно создавшимися обстоятельствами. Такъ именно смотрѣли на дѣло лучшіе князья, какъ, напр., Владиміръ Св., Ярославъ, Владиміръ Мономахъ, Романъ, которые, допуская дробленіе земли, при первой же возможности старались устранить его; Романъ, а затѣмъ Даниилъ достигли въ этомъ отношеніи очень успѣшныхъ результатовъ, объединивъ Волынъ и Галицію подъ своею властью. Послѣ смерти князя Романа эта богатая и цвѣтущая земля становится яблокомъ раздора не только среди князей родичей, т. е. дѣтей Романа, и князей Сѣверскихъ, которые приходились по матери внуками Ярослава Осмомысла, князя Галицкаго, но на нее предъявляютъ притязанія короли Угорскій и Польскій Андрей II и Лѣшко Бѣлый. Результаты этого—временное отдѣленіе Галиціи отъ Волыни, а затѣмъ наступаетъ объединеніе ихъ подъ властью Даниила, который присоединяетъ еще къ нимъ и Кіевскую землю. Этотъ фактъ является результатомъ 20-ти лѣтней разрушительной борьбы между приведенными выше претендентами.

Едва только закончилось это объединеніе, какъ страшныя силы татаръ проходятъ разрушительной полосой по Галицко-Волынской землѣ, причемъ нашествій этихъ лѣтопись насчитываетъ нѣсколько: (въ 1242, 1255, 1261 и 1286 г. г.). Они грабятъ и убиваютъ жителей, а въ одно изъ своихъ опустошеній по словамъ лѣтописи распространили среди жителями язву, которая погубила множество людей.

Болѣзненно сжималось сердце князя Даниила Романовича, объѣзжавшаго послѣ перваго нашествія татаръ свое княжество, которое представляло тяжелую картину разрушенія и печальные слѣды звѣрствъ татаръ. И если передъ этой страшною силой, какова была татарская, смолкала жажда мести его за оскорбленный народъ свой, за поруганныя святыни, за опустошенную землю, то кня-

жеское и національное самолюбіе удерживаетъ князя Данила отъ поѣздки въ Орду. Однако обстоятельства принуждаютъ Данила ради благополучія своей земли отправиться въ Орду и пережить здѣсь всю тяжесть тѣхъ униженій и оскорбленій, къ которымъ были непривычны свободолюбивые и независимые южные князья. Вынужденная поѣздка въ Орду и униженія тамъ внушаютъ князю твердую рѣшимость освободиться отъ ненавистнаго ига, окрыляютъ его надежду и создаютъ борьбу. Къ сожалѣнію ни надежда князя на помощь западной Европы, выразившуюся въ довольно модной тогда идеѣ крестоваго похода, который безуспѣшно проповѣдывалъ папа Иннокентій IV, ни собственныя усилія и затраты, какъ матеріальныя, такъ и духовныя не дали удовлетворенія національному самолюбію пылавшаго любовью къ своей землѣ князя и воодушевленнаго патріотическими чувствами народа: какъ всѣмъ извѣстно, кн. Данину пришлось смириться, уничтоживъ построенныя крѣпости, и ждать лучшихъ дней. Съ постепеннымъ ослабленіемъ татаръ заря лучшей жизни разгорается сильнѣе и ярче, и близко время, когда, казалось, что заря эта освѣтитъ полнымъ блескомъ жизнь края. Я разумѣю время правленія Волиныю кн. Владиміра Васильковича († 1289 г.) а затѣмъ Юрія Львовича—внуковъ Данила Романовича. Послѣдній изъ нихъ Юрій Львовичъ († 1316 г.) объединяетъ съ Волиныю Галицію и создаетъ сильное княжество, обширное своею территорією, именуя себя *королемъ Россійскимъ*. Границы этого княжества *на востокъ* соприкасаются съ Кіевскимъ и Туровскимъ; *на сѣверъ* идутъ отъ верховьевъ Случи до верховьевъ Нѣмана и далѣе по Шарѣ, Нареву до р. Бобра, *на югъ*—по р. Западн. Бугу, *на западъ* отъ р. Вепря до верховьевъ Западнаго Буда и далѣе къ р. Западному Бугу ¹⁾. Между тѣмъ уси-

¹⁾ Замысловскій Е. Учебный атласъ по русской исторіи, 13.

ливающееся молодое Литовское княжество, стремясь къ расширенію своей территоріи, отрываетъ часть за частью наслѣдіе Владиміра Св., и въ составъ этого молодого государства входитъ въ числѣ другихъ земель и Волынь, послѣ извѣстной побѣды Гедимина при Ирпени въ 1321 г. Это положеніе служить началомъ тѣхъ превратностей въ судьбѣ Волыни въ періодъ отъ 14 до 16 вѣка, которыя Люблинская, а затѣмъ и Брестская унія какъ бы санкціонировали, опредѣливъ положеніе для Волыни, какъ для части литовско - польскаго государства и притомъ части, которая находилась въ составѣ не Литвы, а Польши.

Создавшееся такимъ образомъ положеніе Волыни, гдѣ интересы православной религіи и русской народности не только не были гарантированы въ правовомъ отношеніи, но подвергались постоянному и систематическому нарушенію и оскорбленію, вызываетъ крайнюю необходимость борьбы, закончившейся, какъ извѣстно, актомъ великой исторической несправедливости: искусственнымъ раздѣленіемъ Украины въ XVII в. на правобережную и лѣвобережную. Правобережная, а съ нею и Волынь, остаются подъ властью Польши. Злосчастная судьба какъ бы выместила на этой части за тотъ актъ исторической несправедливости, которая создана была Андрусовскимъ перемиріемъ (1667 г.). Не говоря уже о томъ, что правовое положеніе народа въ его цѣломъ было самое тяжелое, что интересы русской народности и православной вѣры жестоко оскорблялись, правобережная Украина, а стало быть и Волынь является ареной всевозможныхъ столкновеній, тяжесть коихъ глубоко отражается на народѣ и на странѣ тѣмъ болѣе, что эти столкновенія являются результатомъ разнообразныхъ проблемъ, выражаютъ въ разнообразной степени тѣ эксперименты, которые могли служить средствомъ для осуществленія этихъ проблемъ. Тяжесть создавагося на Волыни положенія обуславливается еще тѣмъ, что про-

изошелъ разрывъ между интелегенціей и народомъ, который предоставленъ былъ самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ въ дѣлѣ отстаиванія своего языка, своей вѣры, своихъ обычаевъ; интелегенція измѣнила всему этому, принявъ новую вѣру, обычаи и перемѣнивъ „холопскій” языкъ, какъ некультурный, на польскій. И только 1793 годъ, когда Волынь при раздѣлѣ Польши вошла въ составъ Россіи, положилъ начало иному порядку вещей. Императрица Екатерина предоставила православнымъ жителямъ Волыни полную свободу вѣроисповѣданія и объявила имъ свою защиту и покровительство ¹⁾).

Такимъ образомъ, отъ 14 до конца 18 вѣка идетъ на Волыни непрерывная борьба народа, все болѣе обостряющаяся по мѣрѣ приближенія къ 17 и 18 в. в. Переменяющіяся, разнообразныя, культурныя, политическія и религіозныя вліянія осложняютъ эту борьбу, и дѣлаютъ ее особенно трудной для народа, которому приходится всецѣло и исключительно выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, особенно осложненной господствомъ крѣпостного права.

Въ постоянныхъ заботахъ о сохраненіи своей жизни, свободы и имущества народу некогда было заботиться о своемъ образованіи, на зато народъ этотъ является высокимъ въ своей консервативности,—стойкимъ въ дѣлѣ сохраненія и защиты своей національности, языка, религіи и стариннаго уклада своего быта. Этимъ опредѣляется его историческая роль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и историческая заслуга, тѣмъ болѣе важная, что главнымъ союзникомъ была природа съ ея дремучими вѣковыми лѣсами, которые давали возможность укрываться отъ всевозможныхъ преслѣдованій и стойко переносить не-

¹⁾ М. О. Кояловичъ. Литовская церковная унія, т. I и II 1859 г. и 1862 г.

удачи, а въ постоянномъ и близкомъ общеніи съ природой черпая силы для борьбы, воспитывать глубокій идеализмъ души, просвѣтленной православной вѣрой; эта вѣра и ея служители-духовенство поддерживали въ немъ надежду на свѣтлое будущее.

Я остановилъ нѣкоторое вниманіе на изложеніи общаго хода исторической жизни Волыни, чтобы отмѣтить то, насколько историческіе моменты въ ихъ непрерывной послѣдовательной смѣнѣ тѣсно связаны съ жизнью и интересами простого народа, переживавшаго ихъ не въ качествѣ посторонняго и пассивнаго зрителя, а въ качествѣ дѣятельнаго участника, который поэтому не могъ сохранить воспоминаній о прошломъ. Этимъ опредѣляется этнографическій интересъ изученія этого края, интересъ который является глубокимъ и неисчерпаемымъ и который характеризуется глубокой связью его съ важнѣйшими историческими моментами.

II.

Переходя къ вопросу объ этнографическомъ изученіи Волыни, я долженъ сказать, что оно началось еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, когда появляются отдѣльные сборники украинскихъ пѣсенъ, сказокъ и другихъ произведеній народнаго творчества, и на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сборникъ кн. Н. А. Церетева.

Тѣмъ не менѣе не будетъ преувеличеніемъ, если по отношенію къ Волыни піонеромъ этого дѣла назвать Зоріана - Доленгу Ходаковского (Адама Чарноцкаго), который въ 20—30 годахъ XIX ст. стоялъ, по словамъ А. Н. Пыпина, въ ряду замѣчательныхъ изслѣдователей славянской и русской народной старины¹⁾. Обладая способностью бесѣдовать съ простолюдинами, онъ посѣтилъ

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографія, т. III, стр. 38.

Волынь, и одинъ изъ центровъ ея образованности—Кременецъ, а также и др. мѣста, дѣлалъ записи народныхъ пѣсенъ, раскапывалъ могильники, словомъ пользовался всѣми данными, чтобы открыть помраченные вѣками слѣды историческаго прошлаго. Его „Проектъ ученаго путешествія по Россіи для объясненія древней славянской исторіи” представляетъ замѣчательную по своей исчерпывающей полнотѣ программу изученія народа въ историко - археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ ¹⁾. Максимовичъ и др. собиратели руководствовались этой программой, и внесли много цѣннаго матеріала въ дѣло этнографическаго изученія Малороссіи вообще, и Волыни въ частности. Впрочемъ, надо замѣтить что, значительный подъемъ этнографическое изученіе Волыни получило только по II половинѣ прошлаго столѣтія, когда готовилась крестьянская реформа, возникли губернскіе статистическіе комитеты, когда литература подготовила цѣлый рядъ дѣятелей, сочувствовавшихъ тяжелому положенію крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ идеѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Особенно пристальное изученіе малорусской этнографіи начинается съ 60 хъ годовъ XIX в., со времени появленія журнала „Основа” и открытія юго-западнаго Отдѣла географическаго общества въ Кіевѣ. Большую лепту въ это изученіе внесли Срезневскій, Бодянский и особенно Костомаровъ. Въ это же время на Волыни являются собиратели, которые обнаруживаютъ глубокій интересъ къ жизни народа, ея духовному содержанію, занимаются собираніемъ и записью пѣсенъ, сказокъ и т. п. Этимъ и было положено прочное основаніе этнографическому изученію Волыни, и я позволяю себѣ остановить вниманіе главнымъ образомъ на томъ, что сдѣлано мѣстными силами и учрежденіями. Особенная заслуга, поскольку дѣ-

¹⁾ А. Пыпинъ. Истор. русск. этногр., т. III, стр. 79.

ло касается научной постановки его, принадлежит извѣстному Н. И. Костомарову. Будучи учителемъ реального училища въ г. Ровно, онъ нашелъ здѣсь богатую почву для своего этнографическаго увлеченія. Нанявши квартиру въ малорусскомъ семействѣ, которое совсѣмъ не говорило по-русски (въ 1845 г.), а съ гостями говорило по-польски, онъ окончательно привыкъ къ малорусскому языку; по вечерамъ онъ иногда собиралъ къ себѣ бабъ и дѣвушекъ, заставлялъ ихъ пѣть пѣсни и рассказывать сказки; по деревнямъ знакомился со священниками, которые давали ему возможность записывать пѣсни и сказки... Кромѣ того посѣтилъ и осматривалъ мѣста давнихъ историческихъ событій и казацкихъ битвъ; онъ былъ въ Берестечкѣ, Кременцѣ, Радзивиловѣ, Почаевѣ, Острогѣ и др. ¹⁾ Несомнѣнно, что и здѣсь онъ дѣлалъ свои записи; весь собранный имъ матеріалъ, былъ напечатанъ въ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ” въ 1859 году Д. Мордовцева; этотъ этнографическій матеріалъ представляетъ цѣнность и въ діалектологическомъ отношеніи, и на немъ, а также и на матеріалѣ, напечатанномъ въ „Волынскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ”, строилъ свои научные выводы проф. А. И. Соболевскій въ своихъ „Очеркахъ” діалектологіи. По примѣру Костомарова вели записи его ученики.

Особенно широкую постановку получило дѣло изученія этнографіи Волыни, благодаря проекту Императорскаго Русскаго Географическаго общества объ этнографической экспедиціи въ Западно-русскій край въ 1862 г. Избранная комиссія установила предметы изслѣдованія, каковыми должны стать: 1) народности западно-русскаго края со стороны ихъ племенныхъ различій, выражающихся въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ; 2) распре-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. III, стр. 166—167.

дѣленіе ихъ по вѣроисповѣданіямъ и указанія степени религіозной и нравственной ихъ культуры; 3) хозяйственный бытъ племенъ западно-русскаго края и степень ихъ матеріальнаго благосостоянія. Область изслѣдованія экспедиціи должна была обнять 9 губерній, распредѣленныхъ по 3 группамъ; Бѣлорусской, Литовской и Украинской, причемъ въ составъ послѣдней вошла и Волынская губернія.

Однако политическая волненія 1863 г. остановили это мирное предпріятіе науки. Осуществленіе этого предпріятія вслѣдствіе неожиданныхъ событій началось только въ 1867 году; вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣненъ былъ первоначальный планъ въ томъ отношеніи, что этнографическое изученіе должно было сосредоточиться только на русскомъ населеніи. Честь выполненія выработаннаго Обществомъ плана экспедиціи принадлежитъ Чубинскому, извѣстные труды котораго выразились въ колоссальныхъ результатахъ, давши семь объемистыхъ томовъ. Въ это дѣло вложилъ свою значительную долю труда Н. И. Костомаровъ, который редактировалъ 3, 4 и 5 томы „Трудовъ” ¹⁾.

И въ настоящее время всякій этнографъ и діалектологъ, несмотря на то, что трудъ этотъ не новъ, что данныя его не вполнѣ соотвѣтствуютъ современной дѣйствительности, не можетъ работать продуктивно, не ознакомившись предварительно съ этими капитальными, обильными по матеріалу и интересными по содержанію трудами Чубинскаго, гдѣ по отношенію къ Волыни собрано значительное количество матеріала и дана интересная характеристика говоровъ (VII т.). Поэтому въ дѣлѣ изученія этнографіи Волыни труды Чубинскаго имѣютъ значеніе фундамента, на которомъ строилось зданіе мѣстной этнографіи; были намѣчены всѣ детальныя, исчерпывающіе вопросы, былъ данъ планъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по-

¹⁾ А. Н. Пышинъ. Исторія русской этнографіи т. III, стр 183.

казано было осуществленіе его, поскольку это необходимо было для иллюстраціи поставленныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію эти труды составляютъ рѣдкость, и на это необходимо было бы обратить серьезное вниманіе.

Еще до печатанія трудовъ Чубинскаго одновременно съ возбужденіемъ вопроса объ осуществленіи экспедиціи, но несомнѣнно подъ вліяніемъ событій 1863 г., возникаетъ задача выяснить исторически судьбы православія и русской народности на Волыни. И выполненію этой задачи служить основанный въ гор. Кременцѣ журналъ „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости“, который началъ выходить съ 1 сентября 1867 года. Несмотря на кажущуюся на 1-й взглядъ узость задачи, журналъ этотъ ставитъ своей цѣлью „сообщать: а) извѣстія о лѣтописцахъ и историкахъ, повѣствовавшихъ о судьбахъ православной церкви на Волыни съ выпискою и разборомъ подлинныхъ изъ нихъ отрывковъ, извлеченія изъ археографическихъ актовъ, изъ архивовъ и библіотекъ, собранія древнихъ грамотъ, эрекцій и другихъ примѣчательныхъ документовъ—вообще, подготовка матеріала для исторической разработки событій Волынской Епархіи (№ 1 журнала); б) давать опытъ самостоятельнаго изложенія событій, имѣя задачей выяснить, что Волынь была искони страной православной и составляла одну изъ земель, входившихъ въ составъ княжества Св. Владиміра“. Далѣе, задача журнала расширяется: онъ начинаетъ помѣщать историко-статистическія свѣдѣнія о православныхъ церквяхъ Волыни, могущихъ дать матеріалъ для историко-статистическаго описанія епархіи. На протяженіи одного десятка лѣтъ появляется цѣлый рядъ статей: прот. Андрея Хойнацкаго, Николая Уводскаго, Свящ. А. Сендульскаго и друг.; изъ нихъ статьи послѣдняго представляютъ выдающійся интересъ и по новизнѣ матеріала и по прекрасной обработкѣ его, создавшей широкую извѣстность автору. Къ концу 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія всѣ лучшія преподавательскія силы духов-

ной семинаріи энергично работаютъ въ духѣ той задачи, какая поставлена журналомъ, при чемъ собирается матеріалъ не только историко-статистическій, но и этнографическій, хотя послѣднему отводится второе мѣсто. Безъ преувеличенія можно сказать, что если труды Чубинскаго имѣютъ широкое значеніе, указавъ путь и планъ для систематической и планомѣрной работы этнографа вообще, если они дали сильный толчекъ пробужденію и развитію интереса и любви къ вопросамъ мѣстной этнографіи, а стало быть и этнографіи Волыни, то „Волын. Епарх. Вѣд.“, особенно въ первые 10 — 15 лѣтъ ихъ существованія, принадлежитъ та заслуга, что они опредѣленно поставили и выяснили важнѣйшіе вопросы мѣстной исторіи, а также археологіи, давъ статьи и матеріалы по мѣстной этнографіи; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что постановка этихъ вопросовъ имѣла серьезное значеніе въ той задачѣ, какую ставили и ставятъ археологическіе съѣзды въ дѣлѣ изученія нашей родной старины. Это значеніе по отношенію къ Волыни станетъ яснымъ, если, напр., мы сравнимъ результаты занятій III съѣзда (Кіевъ 1874) съ занятіями XI (въ 1899 г.). На послѣднемъ Волынь была представлена цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій по исторіи, археологіи и этнографіи. Такія имена, какъ проф. Самоквасовъ, Каманинъ, Бѣляшевскій, Фотинскій, Мельникъ, Коробко, Гамченко, Лященко, Левицкій и др. тѣсно связаны съ обстоятельными и прекрасными изслѣдованіями, явившимися результатомъ продолжительнаго и кропотливаго труда.

Параллельно съ этимъ были собираемы всѣ данныя и матеріалы для основанія церковно-археологическаго общества Волыни, которое возникло въ 90-хъ годахъ и которое, если и не ставило этнографію прямой задачей своихъ изслѣдованій, тѣмъ не менѣе не могло обходить вопросовъ этнографіи, съ которыми сталкивалось на каждомъ шагѣ.

Болѣе прямое и непосредственное значеніе въ дѣлѣ изученія этнографіи Волыни имѣлъ Губернскій Статисти-

ческий Комитетъ, который въ 60 и въ началѣ 70-хъ годовъ служилъ идеѣ всесторонняго изученія Волыни, связаннаго съ реформами Императора Александра II. Между другими матеріалами немало было собрано и этнографическаго матеріала. Губ. Статистич. Комитетъ высказалъ и взлелѣялъ мысль объ историко-статистическомъ описаніи Волынскихъ церквей и приходовъ. Эта мысль послѣ нѣкоторыхъ превратностей приходитъ только къ своему осуществленію позже и выполняется однимъ изъ безкорыстныхъ тружениковъ, преподавателемъ Волынской Духовной Семинаріи Н. И. Теодоровичемъ. Трудъ этотъ, начатый въ 1888 г., заканчивается въ 1898 году; онъ даетъ не мало и этнографическаго матеріала. Однако недостатки I тома, на которые указала критика, и которые состояли въ преобладаніи почти исключительно свѣдѣній историческаго и статистическаго характера, побуждаютъ автора описанія Волыни расширить задачу. Составляется въ 1892 году обстоятельная программа, по которой должна быть составлена лѣтопись каждаго прихода, причемъ ставятся, напр., такіе вопросы: 1) *Религіозный бытъ прихожанъ*. Сколько въ приходѣ православныхъ, магометанъ, раскольниковъ, сектантовъ? Нѣтъ ли смѣшанныхъ супружествъ и сколько именно, и какое ихъ вліяніе на семью и сосѣда? Какія отношенія существуютъ между православными, неправославными и иновѣрцами, и въ чемъ выражаются? Дѣлаетъ ли народъ различіе между христіанами другихъ исповѣданій и нехристіанами? Въ чемъ проявляется религіозность прихожанъ. 2) *Сувѣрія*. Что рассказываютъ крестьяне про духовъ, живущихъ въ лѣсахъ, болотахъ, поляхъ, долинахъ, горахъ, рѣкахъ, оврагахъ и т. п.? 3) *Обычаи и обряды*. Какіе домашніе обряды соблюдаются при рожденіи и крестинахъ ребенка? 4) *Нравственность крестьянъ*. 5) *Умственное развитіе прихожанъ*. 6) *Народная медицина*. 7) *Отличительныя одежды и обувь крестьянъ*: лапти, сапоги, рубахи, шаровары, халаты, кафтаны, полушубки, тулупы, шапки, шляпы и др.

уборы и ихъ народныя названія. 8) *Ихъ экономическій бытъ*. Къ какимъ занятіямъ болѣе склонны прихожане и какія работы ими болѣе уважаются? Раздѣленіе прихожанъ по занятіямъ. Какъ великъ земельный надѣлъ у крестьянъ? 9) *Соціально-юридическій бытъ крестьянъ*. Какіе юридическіе обычаи и понятія существуютъ въ народѣ, опредѣляющіе личныя, семейныя и общественныя отношенія,—на раздѣлъ земли на права наслѣдства. Каковы права старшаго въ семьѣ?

Судя по нѣкоторымъ, приведеннымъ выше выдержкамъ, надо сказать, что эта программа имѣетъ исчерпывающій для своей задачи характеръ, и должна заинтересовать не только этнографа, но и юриста. Выполненіе этой программы вмѣнено было въ обязанность сельскимъ священникамъ, для коихъ это дѣло однако нельзя признать легкимъ. Тѣмъ не менѣе на основаніи своего личного знакомства съ описаніями (я ихъ просмотрѣлъ въ общей сложности до 400 ¹⁾) я долженъ сказать, что священники выполнили свою задачу добросовѣстно, давъ для изслѣдователей не мало интереснаго, сырого матеріала. И „Историко-статистическое описаніе Волыни“ Н. И. Теодоровича, благодаря этому матеріалу, разрослось въ своемъ объемѣ.

Такимъ образомъ, къ 90 годамъ прошлаго столѣтія накапливается достаточно этнографическаго матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и археологическаго. Является забота о его сохраненіи, а также и о томъ, чтобы этимъ обезпечить возможность изслѣдованій въ указанныхъ областяхъ. Возникаетъ мысль объ основаніи древлехранилища, которая получаетъ свое осуществленіе въ 1890 годахъ прошлаго столѣтія. Основанное въ г. Житомирѣ, оно представляетъ въ настоящее время богатую сокро-

¹⁾ Благодаря любезности О. А. Фотинскаго, Завѣдывающаго древлехранищемъ, гдѣ хранятся всѣ эти описанія.

вищницу предметовъ древности, имѣющихъ отношеніе къ исторіи, археологіи и этнографіи Волыни.

Заслуги этого древлехранилища чрезвычайно цѣнны, такъ какъ оно спасало и продолжаетъ спасать отъ уничтоженія памятники религіозно-церковной жизни (иконы, облаченія, книги, сосуды), группируя ихъ по рубрикамъ и по вѣкамъ. Кромѣ того оно вызвало своею дѣятельностью интересъ къ этимъ памятникамъ среди значительнаго круга лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ ихъ собиранію и сохраненію. Наконецъ, въ настоящее время древлехранилище располагаетъ настолько обильнымъ и интереснымъ матеріаломъ для изслѣдованій, что любой изслѣдователь Волыни можетъ здѣсь найти строго фактическія данныя для научныхъ выводовъ.

Въ связи съ этимъ учрежденіемъ слѣдуетъ упомянуть о музеѣ бар. Штейнгеля въ с. Городкѣ Ровенскаго у., Волынской губ. Этотъ музей по обилію матеріаловъ и прекрасной группировкѣ ихъ долженъ быть признанъ выдающимся областнымъ музеемъ, устраняющимъ тотъ пробѣлъ, какой остался бы незаполненнымъ при существованіи только музея — древлехранилища, имѣющаго цѣлью храненіе лишь памятниковъ религіозно-церковной жизни. Городецкій музей, описанный въ 1896 г. Н. Ф. Бѣляшевскимъ, состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) естественнаго, 2) географическаго, 3) антропологическаго, 4) археологическаго, 5) этнографическаго и 6) библіотеки. Устроитель музея бар. Штейнгель, говоря о мотивахъ, побудившихъ его основать музей, замѣчаетъ: „весь богатый матеріалъ, собранный для изученія Волыни, такъ разбросанъ, что пользоваться имъ является почти невозможнымъ. Объединить все это, собрать отдѣльные предметы, относящіеся къ исторіи Волыни, значительно дополнить все, что еще мало или совсѣмъ неразработано, могъ бы только областной музей Волынской губерніи. Таковаго у насъ на Волыни до сихъ поръ нѣтъ, и потому я рѣшилъ положить ему начало, что и на-

чалъ приводить въ исполненіе съ ноября 1896 г." ¹⁾. Такимъ образомъ, музей этотъ уже въ 1897 г. имѣетъ свой особый этнографическій отдѣлъ, состоящій болѣе, чѣмъ изъ 50 предметовъ. Черезъ годъ количество предметовъ музея увеличивается до 1795, при чемъ археологическій отдѣлъ на 350, а этнографическій на 18, бібліотека — на 220 предметовъ ²⁾.

Огромное значеніе этого музея не нуждается въ доказательствахъ; особенно важно отмѣтить то, что бібліотека музея, подобранная умѣлой рукой, знакомитъ съ литературой по тѣмъ отдѣламъ, которые существуютъ въ музеѣ, и которые даютъ фактическое основаніе для широкаго изученія Волыни во всѣхъ отношеніяхъ.

По мѣрѣ постепеннаго накопленія матеріаловъ, а также появленія такихъ капитальныхъ трудовъ по изслѣдованію Волыни, какъ труды: Оссовскаго, Люба - Радзминскаго и др. является сознаніе необходимости не только идти впередъ въ дѣлѣ научной разработки матеріаловъ, но въ обезпеченіи систематичности и планомѣрности самыхъ работъ, а также въ извѣстномъ объединеніи работъ по разнообразному изслѣдованію Волыни, въ установленіи общаго связывающаго начала. Такая задача ставится въ связь съ пробужденіемъ интереса къ изученію края среди мѣстной интеллигенціи.

Мысль объ этомъ, высказанная въ 1896 г. Н. И. Коробко, развита была имъ въ томъ направленіи, что такъ какъ Волынь представляетъ богатую сокровищницу, изъ которой наука можетъ черпать безъ конца самыя разнообразныя данныя, то необходимо, чтобы культурные элементы общества объединились, позаботились бы

¹⁾ Отчетъ Городецкаго музея, Волын. г., бар. О. Р. Штейнгеля за первый годъ его существованія (съ 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897 г.). Варшава 1898 г., 1—60 стр.

²⁾ Отчетъ Городецкаго музея за второй годъ существованія (съ 25 ноября 1897 г. по 25 ноября 1898 года). Кіевъ, 1899 г.

объ ея изученіи и тѣмъ выполнили бы свой долгъ передъ родиной и человечествомъ. Это единеніе представлялось Коробко возможнымъ на почвѣ научнаго общества изслѣдователей Волыни, задача котораго должна состоять: 1) въ изученіи края и въ 2) ознакомленіи съ нимъ мѣстнаго общества и пробужденіи въ послѣднемъ научныхъ интересовъ. Основываясь на томъ, что русское интелегентное общество Волыни, хотя и молодое, но уже успѣло, выдвинуть талантливыхъ и энергичныхъ дѣятелей, каковы, напр.: беллетристъ В. Г. Короленко, профессоръ Н. П. Дашкевичъ, Н. И. Коробко находилъ всѣ данныя для подтвержденія той мысли, что наступило время для открытія именно такого общества. Открытое 2 декабря 1900 г., „Общество изслѣдователей Волыни“ начинаетъ издавать свои труды съ 1902 года, а затѣмъ наступаетъ перерывъ въ жизни общества, когда дѣятельность его замолкаетъ до 1906—7 годовъ. Въ настоящее время общество функционируетъ, группируя работу по четыремъ секціямъ: 1) естественныхъ наукъ, 2) этнографической, 3) экономической и 4) исторической. Программа этнографической секціи обнимаетъ: этнографію, статистику населенія, обычное право, народную словесность, діалектологию и, поскольку можно судить на основаніи изданныхъ трудовъ (4 тома), дѣятельность общества выразилась въ слѣдующихъ трудахъ по этнографіи: „Свадьба въ с. Курозванахъ“ Кравченко, „д. Ковали“ Бѣльскаго и др. Особенной ревностью въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ по этнографіи Волыни отличается въ настоящее время одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества В. Г. Кравченко; у него за время послѣднихъ 10—15 лѣтъ собрано большое количество; распредѣленный по рубрикамъ, этотъ матеріалъ частью готовъ къ печати, но часть его уже напечатана. При „Обществѣ“ есть музей, въ которомъ особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ отличается естественный отдѣлъ. Видными работниками въ этомъ отдѣлѣ являются мѣстный директоръ народныхъ

училищъ П. А. Тутковскій и директоръ кременецкаго коммерческаго училища Я. В. Яроцкій. Такимъ образомъ, „Общество изслѣдователей Волыни“ служитъ объединяющимъ звеномъ тѣхъ трудовъ, которые являются результатомъ изученія Волыни, построеннаго и выполняемаго согласно цѣлямъ и задачамъ „Общества“. Если результаты этой работы „Общества“, по выраженію мѣстнаго историка О. А. Фстинскаго, могутъ быть названы пока очень скромными, то при содѣйствіи ученыхъ учреждений, а также силъ мѣстныхъ труженниковъ и уроженцевъ Волыни работа „Общества“, надо надѣяться, не остановится на этихъ скромныхъ результатахъ, и при наличности обилія матеріаловъ пойдетъ бодро и увѣренно впередъ.

Надежды историка „Общества“ О. А. Фотинскаго не являются утопией. Въ настоящее время музей „Общества“ представляетъ богатую сокровищницу; кромѣ того изслѣдованія, касаясь самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, группируются по четыремъ секціямъ и объединяются одной высокой цѣлью всесторонняго и широкаго изученія Волыни. Встрѣчая поддержку со стороны мѣстнаго Губернатора графа Кутайсова, выхлопотавшаго ежегодную субсидію и предоставившаго въ распоряженіе Общества (для его музея) обширное помѣщеніе, „Общество“ болѣе и менѣе обезпечено въ своемъ существованіи.

Перечисливъ въ своемъ обзорѣ лишь главнѣйшіе труды, а также указавъ мѣстныя учрежденія, имѣющія свою цѣлью этнографическое изученіе Волыни, я долженъ сказать, что къ своему сожалѣнію я лишенъ былъ возможности ознакомиться съ содержаніемъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, гдѣ печатались этнографическіе матеріалы, а также съ другими трудами. Тѣмъ не менѣе даже то, что перечислено, свидѣлствуетъ объ обиліи матеріала и его цѣнности, а также о томъ, что изученіе этнографіи Волыни тѣсно связано въ настоящее время съ изученіемъ ея исторіи, которая только и можетъ дать вполне удовлетворительное объясненіе фактовъ этногра-

фіи въ широкомъ смыслѣ сего слова. Эта параллельная работа, объединенная сперва музеемъ бар. Штейнгеля, болѣе тѣсно и съ внѣшней стороны объединяется задачами и дѣятельностью „Общества изслѣдователей Волыни”.—Къ этому я долженъ добавить, что съ 1877 по 1895 г. выходило особое изданіе Краковской Академіи Наукъ: „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej”, посвященное вопросамъ этнографіи и археологіи. Въ этомъ изданіи помѣщены „пѣсни изъ Волыни”, записанныя Рокоссовской (т. VII и др.). Наконецъ, не мало этнографическаго матеріала помѣщено въ „Кіевской Старинѣ”, „Живой Старинѣ” и др.

Заканчивая этимъ обзоръ этнографическаго изученія Волыни, и ограничиваясь лишь указаніемъ главнѣйшихъ учреждений и трудовъ, я долженъ замѣтить, что нѣкоторая лепта въ дѣло изученія этнографіи Волыни внесена мною, благодаря поѣздкамъ по Волынскому Полѣстью для изученія народныхъ говоровъ.

Цѣли этихъ поѣздокъ были мною формулированы слѣдующимъ образомъ. Въ виду небольшого количества записей, характеризующихъ народные говоры *Волынскаго Полѣсся*, я поставилъ своею цѣлью: 1) сдѣлать эти записи, т. е. собрать матеріалъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ такихъ записей дѣлаемо не было, руководствуясь при собираніи матеріала интересами не количества, а главнымъ образомъ качества, т. е. стремясь записать меньше, но зато точнѣе, съ сохраненіемъ всѣхъ оттѣнковъ словъ и звуковъ со стороны ихъ произношенія въ данной мѣстности.

2) По возможности провѣрить тѣ записи, какія были сдѣланы и на которыхъ строилъ свои выводы профессоръ А. И. Соболевскій ¹⁾.

3) Уяснить на основаніи сдѣланныхъ записей осо-

¹⁾ Живая Старина 1892 г., вып. III, стр. I—30; вып. IV, стр. 1—61.

бенности современныхъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣся.

4) Сгруппировать по уѣздамъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшія особенности этихъ говоровъ.

5) Выдѣлить въ говорахъ малорусскіе элементы, особенно бѣлорусскій, и установить, *гдѣ и въ чемъ* наблюдаются переливы говоровъ малорусскаго и бѣлорусскаго.

6) Установить приблизительную границу, отдѣляющую сѣверно-малорусскій говоръ отъ южно-малорусскаго.

7) Отмѣтить наконецъ факты этнографіи, которая въ особенности въ сѣверной части Волынской губерніи является мало изслѣдованной, и факты коей должны обращать на себя невольное вниманіе при собираніи матеріала.

Результаты этихъ моихъ поѣздокъ выразились ¹⁾ въ слѣдующемъ:

1) Собранъ обильный матеріалъ на протяженіи всей территоріи Волынскаго Полѣся и преимущественно въ мѣстахъ глухихъ, удаленныхъ отъ желѣзной дороги и др. культурныхъ центровъ.

2) Уяснены главнѣйшія особенности современныхъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣся.

3) Выдѣленъ бѣлорусскій элементъ и установлены въ общихъ чертахъ переливы говоровъ малорусскаго и бѣлорусскаго.

4) Установлена приблизительная граница, отдѣляющая сѣверно-малорусскій говоръ отъ южно-малорусскаго.

5) Отмѣчены нѣкоторые факты этнографіи въ томъ отношеніи, что по извѣстнымъ вопросамъ матеріалъ от-

¹⁾ Подробности изложены въ отчетахъ, представленныхъ мною въ Академію наукъ и напечатанныхъ въ „Извѣстіяхъ“ Академіи наукъ за 1911 годъ, кн. 4, (о поѣздкѣ моей въ 1910 г.) и въ Отчетѣ о дѣятельности Отд. русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ за 1911 г. (о поѣздкѣ моей въ 1911 г.).

лчается большой полнотой и, какъ таковой, является готовымъ для научной обработки этихъ вопросовъ.

III.

Подводя итогъ своему изложенію я долженъ сказать, что несмотря на продолжительный періодъ времени, въ теченіе коего идетъ изученіе этнографіи Волини, въ настоящее время для этнографа работа въ этомъ отношеніи далеко не можетъ считаться законченной, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, кои удалены отъ желѣзной дороги и представляютъ собою захолустныя мѣста въ точномъ значеніи этого слова. Правда, что матеріалъ этнографическій, по мѣрѣ приближенія мѣстностей къ желѣзной дорогѣ и культурнымъ центрамъ, въ количественномъ отношеніи все болѣе сокращается; а въ качественномъ представляетъ значительно меньше интереса; да и въ захолустныхъ мѣстахъ его постепенное, хотя и болѣе медленное вымирание представляетъ фактъ, засвидѣтельствованный мѣстными старожилами и наблюдавшійся лично мною, о чемъ приходилось мнѣ писать ¹⁾. Вліяніе солдатчины сказывается особенно сильно на содержаніи народной пѣсни, а нивелировка этнографическихъ особенностей, выражающаяся въ искорененіи нѣкоторыхъ обычаевъ, а также въ перемѣнѣ, напр., одежды, сказывается довольно явственно. Все это создаетъ необходимость крайне интенсивной работы, лежащей на обязанности преимущественно мѣстныхъ уроженцевъ, для которыхъ болѣе удобно и легко приспособиться къ этой работѣ и при дружномъ усиліи показать тѣ результаты, какія можетъ дать любовь къ родному краю и желаніе вложить свой трудъ въ дѣло его изученія посредствомъ собиранія остатковъ богатаго когда-то этнографическаго матеріала.

¹⁾ Кіевская Старина, 1906 т., ХСII, мартъ—апрѣль, стр. 299—321.

Къ числу наименѣе изслѣдованныхъ вопросовъ этнографическаго характера принадлежатъ вопросы, связанные съ народной демонологіей (вѣра въ духовъ), а также мифологія и суевѣрія разнаго рода. Мнѣ лично при записяхъ приходилось замѣтить у крестьянъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что холера ходитъ въ образѣ человѣческомъ, и ее надо покормить, поставивши на подоконникъ сладкаго питья; это избавляетъ семью отъ потерь; что оспа ходитъ въ образѣ молодой женщины, и ее можно умиловить, приготовивъ клюквенный квасъ, который нужно тоже ставить на подоконникъ, или на заваленку избы; приходилось слышать, что душа покойника остается жить въ домѣ до похоронъ тѣла въ землѣ, и въ это время нравственная обязанность родныхъ состоитъ въ томъ, чтобы ставить на подоконникъ или на заваленку воду и хлѣбъ для ея прокормленія. Если нѣкоторые изъ этихъ сообщеній приходилось слышать въ с. Рокитно, Овруч. у., расположенномъ у станціи Кіево-Ковельской желѣзной дороги (Охотниково), то такихъ свѣдѣній можно собрать гораздо больше, если поѣхать въ глубь Полѣсья. Мало изслѣдованнымъ вопросомъ являются похоронныя причитанія, на которыя мною было обращено особенное вниманіе во время командировки. Мнѣ приходилось слышать заявленіе о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ обычай не существуетъ; тамъ же, гдѣ онъ существуетъ, онъ заслуживаетъ по моему мнѣнію самаго глубокаго и серьезнаго вниманія; въ этомъ вопросѣ важно, *какъ* причитаютъ и *что* причитаютъ; кое-гдѣ содержаніе этихъ причитаній отражаетъ современные запросы жизни и тѣ главнымъ образомъ матеріальныя лишенія, какія приносятъ смерть любимаго человѣка, но кое-гдѣ содержаніе ихъ даетъ факты народной поэтической символики и притомъ въ самыхъ яркихъ, достойныхъ серьезнаго вниманія и изученія образахъ. Равнымъ образомъ, нельзя сказать, чтобы былъ совершенно исчерпанъ матеріалъ, который является показателемъ остатковъ язычества и объясня-

емыхъ на этой почвѣ обрядовъ. Въ Новоградволинскомъ уѣздѣ, напр., въ сѣверной части, примыкающей къ Кіево-Ковельской желѣзной дорогѣ, въ обычаяхъ, сопровождающихъ празднованіе Купалы, можно съ опредѣленностью видѣть именно слѣды обрядовъ этого рода (праздникъ Ярилы). Наконецъ, самый богатый матеріалъ для этнографа можетъ дать легенда. Дѣлая записи въ с. Рокитно, Овручскаго у., я слышалъ разсказъ о провалившейся въ землю церкви, при чемъ указывали мѣсто, гдѣ она провалилась; тамъ теперь озеро; говорили, что по временамъ слышенъ колокольный звонъ. Аналогичный вполнѣ разсказъ о провалившейся церкви и о колоколѣ мнѣ приходилось слышать въ Ковенской губерніи во время моей поѣздки въ 1903 г.¹⁾ Возможно, что источникъ этихъ легендъ одинъ и тотъ же. Но здѣсь можетъ представить интересъ и вопросъ о распространеніи легенды тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось устанавливать также сходство и пѣсеннаго матеріала²⁾. Еще менѣе изслѣдованы въ области этнографіи вопросы обычнаго права и тѣ основанія, на коихъ оно сложилось и зиждется.

Ограничиваясь перечисленіемъ лишь указанныхъ вопросовъ, которые не исчерпываютъ во всей полнотѣ даже важнѣйшихъ вопросовъ, я считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе на собраніе этнографическаго матеріала, какъ на неотложную надобность, связанную съ успѣхами изученія этнографіи Волини.

До настоящаго времени его собрано и напечатано въ общемъ довольно много, и если для этнографіи онъ цѣликомъ представляетъ интересъ, то для діалектологіи онъ далеко не весь представляетъ одинаковую цѣнность и значеніе. А. И. Соболевскій въ своихъ „Очеркахъ мало-

¹⁾ Филологическія Записки, 1910 г., моя статья: „Бѣлоруссы“, стр. 9.

²⁾ Одну и ту же пѣсню мнѣ пришлось записать въ с. Копицахъ, Овручск. у., Волин. губ. и въ м. Слободкѣ, Новоалекс. у. Ковен. губ.

русской діалектологіи” съ большою осторожностью строить выводы на собранномъ матеріалѣ, отдавая преимущество матеріалу, записанному Костомаровымъ и Чубинскимъ. Много матеріала помѣщено и въ трудѣ Теодоровича¹⁾; но, при всѣхъ достоинствахъ этого труда, записи сдѣланы здѣсь довольно разнообразно: звуковыя особенности переданы довольно неточно и непослѣдовательно, а потому строить діалектологическіе выводы на основаніи этихъ записей можно лишь съ большою осторожностью, а въ большинствѣ случаевъ приходится отказываться отъ всякихъ выводовъ. Поэтому я полагалъ бы въ настоящее время наиболѣе цѣлесообразнымъ и необходимымъ, установивъ однообразную орфографію, какая, напр., установлена Академіей Наукъ, сдѣлать ее обязательной и для этнографовъ, чтобы такимъ образомъ интересы этнографіи и діалектологіи были строго согласованы и объединены. Это условіе, при отсутствіи полной характеристики современныхъ намъ Волынскихъ говоровъ, отличающихся разнообразіемъ не только въ деталяхъ особенностей, но и въ главныхъ своихъ чертахъ, является одной изъ главныхъ задачъ, создаваемыхъ самою необходимостью, поскольку можетъ быть обезпечиваемо успѣшное развитіе этнографіи и діалектологіи.

Такимъ образомъ, задача этнографическаго изученія Волыни въ настоящее время сводится къ собиранію матеріала, касающагося преимущественно отмѣченныхъ мною вопросовъ, а главное къ научной разработкѣ и научному объясненію какъ уже собраннаго матеріала, такъ и того, который еще подлежитъ собиранію и который необходимъ для полнаго и всесторонняго выясненія важнѣйшихъ вопросовъ этнографіи Волыни.

IV.

Похоронные обряды и похоронныя причитанія.

Въ числѣ фактовъ этнографическаго характера, на

¹⁾ См. выше, стр. 15.

изученіи которыхъ я остановилъ свое особенное вниманіе во время своихъ поѣздокъ по Волынскому Полѣсью въ 1910 и 1911 годахъ, были похоронные обряды и, какъ одна изъ важныхъ принадлежностей этихъ обрядовъ, похоронныя причитанія. Эта сфера моихъ наблюденій была вызвана отчасти случайными обстоятельствами ¹⁾, но главнымъ образомъ желаніемъ внести нѣкоторую лепту въ дѣло изученія этого вопроса, мало изслѣдованнаго какъ въ отношеніи имѣющагося матеріала, такъ въ особенности въ отношеніи его изученія и объясненія, поскольку дѣло касается южной Руси вообще, и Волынскаго Полѣсья, въ частности. Мнѣ былъ извѣстенъ призывъ, съ которымъ С. Н. Браиловскій обратился къ любителямъ—этнографамъ еще въ 1884 году ²⁾, прося притти ему на помощь въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ для составленія по образцу сборника Барсова: „Причитанія сѣвернаго края” подобнаго же сборника, въ который бы вошли причитанія южнаго края—причитанія, которыя, по замѣчанію Барсова, имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ дѣловые акты, хроники и договоры, такъ какъ здѣсь выражается душа народа, правда его. И если сборникъ Барсова: „Причитанія сѣвернаго края” открывалъ душу населенія сѣверной части Руси, то, поскольку дѣло касается южной Руси, здѣсь остается пробѣлъ, такъ какъ попытка Браиловскаго не осуществилась и до сихъ поръ. Вполнѣ сочувствуя задачѣ, поставленной Браиловскимъ, и вынеся изъ своихъ неоднократныхъ наблюденій надъ жизнью Волыни убѣжденіе въ томъ, что въ похоронныхъ обрядахъ и въ причитаніяхъ, составляющихъ характер-

¹⁾ Обращаясь къ нѣкоторымъ крестьянкамъ съ просьбой пропѣть пѣсни, я получалъ отказъ, при чемъ отказывавшіяся говорили, что имъ не до пѣсни, такъ какъ они пережили тяжкое горе, потерявъ—кто сына (с. Рокитно), кто дочь (с. Залазье) и т. п. Естественнымъ переходомъ въ разговоръ была просьба моя разсказать о томъ, какъ его хоронили, какъ по немъ причитали и т. д.

²⁾ Русскій Фил. Вѣст., 1884 г., т. XII, стр. 179.

ную особенность не только Волынского Полѣсья, но всей Волыни, наиболѣе ярко отражаются вѣрованія, касающіяся важнѣйшихъ вопросовъ и устанавливающія связь ихъ съ древностью, я имѣлъ всѣ данныя, чтобы наблюденіямъ своимъ надъ этими особенностями удѣлить предпочтительно передъ другими больше вниманія. Мое вниманіе выразилось въ томъ, что я сдѣлалъ записи похоронныхъ причитаній, а также нѣкоторыхъ похоронныхъ обрядовъ.

Но прежде чѣмъ излагать содержаніе похоронныхъ причитаній Волынского Полѣсья, а также давать описаніе обрядовъ, позволю себѣ остановить вниманіе на ихъ древности. Фюстель-де-Куланжъ въ своемъ сочиненіи: „Древняя гражданская община” (*La Cité Antique*), изд. 1895 г., говоритъ, что „мы нигдѣ не отыщемъ свидѣтельства, что было когда-то время, когда индо-европейская раса вѣровала, что все кончено для человѣка послѣ этой краткой земной жизни. Эта раса смотрѣла всегда на смерть не какъ на уничтоженіе жизни, но какъ на простую перемѣну бытія. вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ онъ, существовало вѣрованіе, что въ это второе существованіе душа оставалась связанною съ тѣломъ и продолжала жить подъ землею” ¹⁾. Обряды погребенія, свѣдѣнія о коихъ сохранились у различныхъ писателей древности, каковы: Вергилій, Овидій, Плиній Младшій, Оукидидъ, Павзаній, Эврипидъ, Гомеръ и др. показываютъ, что древніе, опуская тѣло въ могилу, вѣрили, что вмѣстѣ съ нимъ хоронятъ нѣчто живое. Яркимъ доказательствомъ этого вѣрованія служитъ пожеланіе счастливой жизни подъ землею: „Пусть будетъ тебѣ легко подъ землею” ²⁾ — пожеланіе, которое находимъ у многихъ другихъ писателей

¹⁾ Фюстель де-Куланжъ. Древняя Гражданская Община, изд. 1895 г., стр. 4.

²⁾ Илиада, XXIII, 221; Эврипидъ, „Альцеста”, 479; Катуллъ, С 10 (*Ave atque vale*). Ювеналь VII, 207 (*Sit tibi terra levis; tenuem et sine pondere terram*). Цитировано по Ф. де-Куланжу, стр. 6.

классической древности. Это вѣрованіе и послужило главнымъ основаніемъ необходимости погребенія и связанныхъ съ нимъ обрядовъ. Если покой души и вообще благосостояніе существа почившаго были предметомъ пожеланій, а для исполненія послѣдняго была необходима обстановка — могила и выраженіе извѣстнаго отношенія къ существу со стороны живущихъ, то въ этомъ заключается объясненіе того вѣрованія, которое Ф. де-Куланжъ формулируетъ такъ: вся древность была убѣждена въ томъ, что безъ погребенія душа несчастна, и что черезъ обрядъ похоронъ она навсегда дѣлается счастливой. И погребальныя обряды совершались не столько для выраженія печали, сколько главнымъ образомъ для успокоенія и счастья усопшаго ¹⁾.

Такимъ образомъ, слова пожеланій усопшему вполне согласовались въ древности съ тѣми мѣрами, которыя должны были способствовать осуществленію этихъ пожеланій. Къ этимъ мѣрамъ относится не только преданіе тѣла землѣ, но и соблюденіе опредѣленныхъ издавна обрядовъ и произнесенія молитвъ и даже клятвъ. Насколько глубока и сильна была вѣра древнихъ въ необходимость соблюденія обрядовъ погребенія, доказываетъ фактъ изъ жизни афинянъ, которые предали казни „всѣхъ полководцевъ, выигравшихъ морскую битву, но не позаботившихся о погребеніи убитыхъ... Своею побѣдою они спасли Афины; своею небрежностью они погубили тысячи душъ, и родственники убитыхъ, тревожась о вѣковѣчной мукѣ этихъ душъ, требовали мщенія, явившись въ судъ” ²⁾.

Итакъ, въ связи съ древностью погребальнаго обряда стоитъ глубокое вѣрованіе въ его необходимость. Среди необходимыхъ принадлежностей погребальнаго обряда печатью глубокой древности отмѣчены слѣдующія: украше-

¹⁾ Фюстель де-Куланжъ. Древняя Гражданская Община, изд. 1895 г., стр. 7—8.

²⁾ Ibid. стр., 8—9

ніе могилы травою и цвѣтами (эмблема жизни), возліяніе молока, вина, а иногда жертвенной крови, приношеніе на могилу кушаньевъ, плодовъ и соли ¹⁾ и наконецъ похоронныя причитанія. Остановливая особенное вниманіе на послѣднихъ, необходимо сказать, что въ 24-й пѣснѣ Иліады, по поводу погребенія Гектора, упоминается объ этомъ обычаѣ, при чемъ разсказывается, что, когда пѣвцы пѣли погребальныя пѣсни, то раздавались рыданія троянцевъ и Андромахи; при этомъ упоминается о начинателяхъ плача, которымъ жены вторили стономъ (Θρήνοδον γυναικῶν). Тоже было и въ Римѣ, хотя ни эллинскіе „стоны“, ни римскіе вопли для науки, по словамъ Барсова, не сохранились. Въ Зап. Европѣ этотъ обычай причитать по умершимъ былъ всеобщимъ, но предметомъ надлежащаго изученія онъ не сдѣлался. И если бы не причитанія: 1) Корсиканцевъ: (a) *Italianiches Liederbuch von Poul Heyse*, 1846 г. b) *Les voceratrices de la Corse* и др. въ собраніи *Corsica von Ferdinand Gregorovius*; 2) Новыхъ грековъ (*Chantes populaires de la Grece Moderne*) и 3) славянъ южныхъ, именно: Сербіи, Черногоріи, Герцоговины, записанныя впрочемъ въ незначительномъ количествѣ, то матеріаловъ для научнаго изслѣдованія этого обычая совершенно не было бы.

Обычай причитать надъ покойниками на Руси нужно признать и древнимъ, и очень распространеннымъ. О характерѣ причитаній на Руси вполне опредѣленно говоритъ Барсовъ, разграничивая въ нихъ даже эпическій и лирический элементы. Письменныхъ доказательствъ древности этого обычая можно привести довольно много. Прежде всего наша лѣтопись даетъ цѣлый рядъ фактовъ существованія этого обычая, какъ существенной и необходимой части погребальнаго обряда. „Умре Олегъ и плакашеся по немъ вси людіе плачемъ великомъ и несоша и погребоша на горѣ” ¹⁾. Ольга оплаки-

¹⁾ Вергилій.

ваетъ своего мужа въ древлянской землѣ; князя Изяслава Ярославича, умершаго въ 1078 г., оплакиваетъ его сынъ Ярополкъ и весь городъ Кіевъ ¹⁾). Въ „Словѣ о полку Игоревѣ” разсказывается, что послѣ пораженія русскихъ „жены русскія восплакашеся арькучи: ужъ намъ своихъ милыхъ ладъ (мужьевъ) ни мыслию помыслити, ни думою сдумати, ни очима сглядѣти”. Въ „Задонщинѣ”, излагающей тотъ же сюжетъ, что и въ „Сл. о п. И.” есть указаніе на оплакиваніе. Послѣ разсказа о первой неудачной для русскихъ битвѣ говорится о плачѣ московскихъ боярынь: „тогда же всплакашеся жены боярыни по осподарѣхъ своихъ въ Краснѣ Градѣ Москвѣ”. Не мало можно привести свидѣтельствъ существованія этого обычая изъ житій святыхъ и другихъ литературныхъ памятниковъ, которые краснорѣчиво говорятъ о томъ, что на всемъ многовѣковомъ протяженіи русской жизни этотъ обычай неизмѣнно сохранялся и поддерживался, принимая иногда даже крайне уродливыя формы, и это вызывало рядъ ограниченій и запрещеній; о послѣднихъ мы знаемъ, напр., изъ Стоглава, изъ распоряженія царя Петра Вел. въ 1715 г., и др.

Что же составляло содержаніе плача—причети? Старинныя русскія плачи—причитанія дошли до насъ только въ отрывкахъ, и самымъ древнимъ образцомъ ихъ является извѣстный плачъ Ярославны въ „Словѣ о полку Игоревѣ”. Плачъ этотъ можетъ быть названъ типичнымъ и по эпическому складу, и по той силѣ чувства, которая здѣсь выражена. При сопоставленіи его съ современными народными причитаніями можно только поражаться сходствомъ эпическихъ приѣмовъ, каковы, напр.: образъ зегзицы(= кукушки), въ коемъ представляло сознаніе народа горюющую женщину, затѣмъ обращеніе къ вѣтрамъ, солнцу, рѣкѣ. Изъ другихъ памятниковъ слѣду-

¹⁾ Лаврентіевская Лѣтопись, изд. 1872 г., стр. 38.

²⁾ Ibid., стр. 196.

етъ назвать житіе жены Димитрія Донскаго кн. Евдокіи, которая оплакивала своего мужа; оно поражаетъ своимъ сходствомъ съ современными народными причитаніями: здѣсь мы встрѣчаемъ и обращеніе къ князю, котораго называетъ Евдокія солнцемъ пресвѣтлымъ, мѣсяцемъ прекраснымъ, звѣздой восточной, свѣтомъ, скрывающимся изъ ея очей; проситъ его обратить вниманіе на дѣтей, на нее, говоритъ о вдовьей долѣ, которая для нея самая горькая, самая тяжелая ¹⁾). Наконецъ въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1288 г., содержится сообщеніе о погребеніи вел. кн. Владиміра Васильковича, умершаго въ предѣлахъ Волынской губ., въ г. Любомль. Смерть этого князя повергла въ глубокое горе княгиню, которая, по словамъ лѣтописи, безпрестано плакала, проливая слезы, какъ воду, а наилучшіе изъ бояръ владимірскихъ причитали по немъ, говоря, зашло наше солнце; мы всѣ погружены въ глубокую печаль, что мы теперь не можемъ тебя видѣть ²⁾).

Так. обр., причитаніе надъ покойниками, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, было обычаемъ, распространеннымъ по всей Руси и сѣверной, и южной; памятники письменности не оставляютъ въ этомъ никакихъ сомнѣній, сохраняя даже отрывки содержанія причитаній. Что же касается систематическихъ записей содержанія причитаній, то они восходятъ не ранѣе, какъ къ XVI вѣку. Котляревскій говоритъ, что польскій священникъ въ Лыкѣ Іоаннъ Менецій издалъ свою эпистолу въ 1551 г. подъ заглавіемъ: „de sacrificiis et ydolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentium”. Здѣсь онъ передаетъ между прочимъ слова причитанія жены надъ мужемъ, которое гласитъ: (in lingua Rutenica sonat): „горе мнѣ! зачѣмъ ты умираешь? развѣ ты не имѣлъ чего

¹⁾ Житіе Евдокіи, рукоп. XVII в. Барсова. Причитанія сѣвернаго края.

²⁾ Ипатьевская лѣтопись, изд. археограф. ком., стр. 220.

ѣсть, или пить? И зачѣмъ ты умиралъ? развѣ не имѣлъ ты прекрасной жены? И зачѣмъ ты умиралъ?" ¹⁾). Плаксивая его, плакающіе перечисляли всѣ тѣ предметы, которые оплакивали его кончину, а именно: жену, дѣтей, овецъ, коровъ, лошадей, гусей, курицъ и т. д.; всѣ они поодионокѣ отвѣчали: „и зачѣмъ ты умеръ, когда всё это ты имѣлъ?"

Разсказъ Менеція важенъ, по словамъ Котляревскаго, потому, что представляетъ едва ли не древнѣйшее русское (точнѣе бѣлорусское) похоронное причитаніе и притомъ по подробностямъ какъ самаго погребенія, такъ и поминокъ ²⁾. Достоверность свѣдѣній Менеціей основывается на томъ, что обычаи эти онъ частью самъ видѣлъ, частью слыхалъ отъ людей, достойныхъ довѣрія (*partim ipse vidi, partim ab hominibus fide dignis audivi*). Современникъ Менеція поэтъ Клѣновичъ въ своей поэмѣ „*Roxolania*", содержащей описанія быта Червоной Руси XVI в., тоже удѣляетъ мѣсто описанію погребальныхъ обычаевъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ содержаніе причитанія, въ которомъ говорится слѣдующее: „зачѣмъ ты умеръ, мой вѣрнѣйшій супругъ? ты пойдешь въ вѣчную домовину, откуда нѣтъ возврата. Кто будетъ оберегать теперь домъ вдовы? На чѣмъ попеченіи будутъ мои дѣти? Кто будетъ теперь обрабатывать прекрасныя (живописныя) поля? Кто будетъ пасти скотъ? Кто будетъ заниматься пчеловодствомъ? Кто будетъ плести корзины и готовить посуду? Удивляюсь, зачѣмъ ты умеръ, окруженный любовью, какъ будто тебѣ не доставало многого ³⁾).

¹⁾ Въ подлинной записи читаемъ: *Procz ty mene umarl? y za ty nie miel szto yesty albo pity?* и т. д.; затѣмъ слѣланъ переводъ причитанія на латинскій языкъ.

²⁾ А. А. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, изд. 1891 г., стр. 149—153. (Сбор. Отд. Русск. яз. и слов. И. Ак. Н., 49)

³⁾ *Ibid.*, стр. 154—155.

Передавая содержаніе плача — причитанія, ни Менещій, ни Клёновичъ не имѣли въ виду ихъ поэтической стороны: они только давали сырой матеріаль, притомъ далеко не полный и неисчерпанный. И надо сказать, что вплоть до 1-й половины XIX в. этому виду народной лирики особеннаго вниманія не удѣлялось. Только Дашковъ—первый обратилъ на нихъ серьезное вниманіе. Затѣмъ Труды Рыбникова, Безсонова, Тихонравова, Срезневскаго, Метлинскаго, Даля, Кирѣевскаго и др. подготовили матеріалы для сборника Барсова: „Причитанія сѣвернаго края”. Что же касается Чубинскаго, извѣстные „Труды” котораго составили эпоху въ исторіи изученія южно-русскаго фольклора, то нужно сказать, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на южно-русскую похоронную причету. Чубинскій очень мало записалъ образцовъ похоронной причеты, руководясь довольно поспѣшно сдѣланнымъ заключеніемъ объ однообразіи „голосиння” или содержанія причитаній. Не отрицая факта однообразія сюжета причитаній и даже ихъ выраженія, надо сказать однако что здѣсь попадаются мысли, на основаніи коихъ можно судить о вѣрованіяхъ, теряющихся своимъ началомъ въ глубокой древности. Эта особенность южно-русскихъ причитаній и составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ, обусловливающихъ ихъ значеніе и интересъ.

Переходя теперь къ описанію особенностей похороннаго обряда у крестьянъ Волынскаго Полѣсья, я намѣренъ главнымъ образомъ сосредоточить свое вниманіе на похоронныхъ причитаніяхъ, какъ на главной части обряда, а затѣмъ упомянуть о другихъ особенностяхъ обряда, о коихъ мнѣ удалось узнать изъ разговоровъ съ крестьянами.

Прежде всего я долженъ сказать, что самый распространенный обычай у крестьянъ Волынскаго Полѣсья—причитаніе надъ покойниками—по убѣжденію крестьянъ, вмѣняется въ обязанность женщинъ. И если

во время похоронъ не раздается причитаній, то это ставится въ укоръ, хотя и не повсемѣстно, близкимъ роднымъ, и именно женщинамъ. Характерно при этомъ еще то, что вмѣстѣ съ укоромъ выражается самое теплое сочувствіе покойнику, который былъ погребенъ неоплаканнымъ. Нельзя не видѣть связи здѣсь съ древними вѣрованіями о необходимости извѣстныхъ погребальныхъ обрядовъ, могущихъ дать успокоеніе душѣ.

Ставя женщинѣ въ обязанность оплакивать покойниковъ, крестьяне Волынскаго Полѣсья съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ такимъ женщинамъ, которыя умѣютъ настолько хорошо причитать надъ покойниками, что вызываютъ у всѣхъ то настроеніе, какое должно соответствовать важности переживаемаго момента глубокой грусти и печали. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо сказать, что относясь съ большимъ уваженіемъ къ похоронной причети, считая причитаніе надъ покойниками обязанностью женщины и стараясь поддерживать этотъ обычай, волынскіе полѣшуки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ сожалѣніемъ говорятъ о вырожденіи этого обычая. И это сожалѣніе имѣетъ свои основанія, такъ какъ этотъ обычай, насколько мнѣ пришлось наблюдать, кое-гдѣ исчезъ, а кое-гдѣ вымираетъ. Причины этого явленія заключаются въ томъ, что населеніе этихъ мѣстъ занимается отхожими промыслами; такъ, напр., жители сѣверной и сѣверо-западной частей Ковельскаго у. отправляются на заработки въ С. Америку, именно въ каменугольные копи, расположенныя не подалеку отъ Ньюйорка, и возвратившись на родину, вносятъ то скептическое отношеніе ко всему окружающему, которое по всей вѣроятности и способствуетъ вымиранию этого обычая, а въ нѣкоторыхъ, мѣстахъ (напр. Великая Глуша) этотъ обычай почти вымеръ.

Что касается причитаній мужчинъ, то они очень рѣдки и ограничиваются случаемъ, когда умираетъ жена, оставляющая малолѣтнихъ дѣтей; тогда, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, причитаетъ мужъ (мнѣ пришлось запи-

сать только одно такое причитаніе); роль же мужчинъ во время причитаній состоитъ въ томъ, чтобы протяжно про-износить: „охъ, моя долэ гурка. (с. Копище, Рокитно, Сновидовичи, Выступовичи). Вообще же мушчины не причитають. Впрочемъ, мнѣ пришлось записать разсказъ объ одномъ причитаніи, проникнутый необычной для даннаго случая ироніей. Разсказъ этотъ передаетъ слѣдующее:

„Бувъ прѣймакъ. Вмэрла його тэца. Жунка плачѣ по матырі и кажэ чоловіеку: плачъ й ты. Вунъ начынае голосуваты. „Моя тэщынько, жуньчына матюнко! Вы бало (бывало) йістэ сырть і смэтану, а міні дастэ сыроваткі. Бало я йімъ, йімъ, дай гортылкі напыюса й сльозой-камы обольюса. Вы йілы галушкі, а міні далі сьорбонуты тэйі юшкі”. Тоді жунка кажэ: „цыть (= молчи)! чолові-йічэ, бо очэ выплачэшъ”. Этотъ разсказъ записанъ въ с. Кричильскѣ, Ровенскаго у., гдѣ обычай причитатъ вымираетъ, и не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ о немъ останется одно воспоминаніе. Характерно здѣсь ироническое отношеніе къ тому факту, который обычно будитъ состраданіе и сожалѣніе, а вмѣстѣ довольно мѣткая бытовая картина отношеній къ чужанину „прѣймаку”, вошедшему въ семью въ положеніи мужа-хозяина; не менѣе характернымъ и типичнымъ является отношеніе тещи къ зятю.

Районъ посѣщенной мною мѣстности составляетъ: *на западѣ*: полотно Кіево-Брестск. жел. дороги (отъ Бреста до Ковеля); *на сѣверѣ*: граница съ Гродненской и Минской губ.; *на востокѣ*: граница съ Кіевской губ.; *на югѣ*: линия отъ Житомира до Новоградволынска, затѣмъ до Костополя и отъ Костополя до Ковеля.

Похоронныя причитанія мною записаны въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) **Овручскаго у.**: с. Рокитно, м. Словечно, с. Копище; 4) **Луцкаго у.**: с. Яблонка; 3) **Ровенскаго у.**: с. Высоцкѣ, м. Степань, с. Кричильскѣ, м. Костополь;

2) **Ковельскаго у.:** с. Буцынъ, м. Камень-Коширскъ; с. с. Залазье, с. Леликовъ, 5) **Новоградволынскаго у.:** с. Курчичи и с. Романовка. Привожу ихъ содержаніе ниже въ соотвѣтствующей группировкѣ.

1. Село Рокитно, Овручскаго уѣзда.

а) матери надъ сыномъ.

Ой *м*уе *к*уо^ханэ дэтыночко, зарыночко! (зоря—зѳрочка) На що ты *м*ыэнэ *п*уо^кынувъ старю, быдню. Ой *м*уой любѳзны, *к*уо^ханэнькы Мыхалнычко, прыснысь мны, *м*уе дытѳтко, прыхѳды до мэнэ, потышъ *м*ынэ старю, порады *м*ынэ нужлывую (несчастную, терпящую во всемъ нужду). Хто *м*ыны заробыть, а хто *м*ыны що дасць, хто *м*ыны помѳжэ?

2. Мѣстечко Словечно, Овручскаго уѣзда.

а) дѳтей надъ отцомъ.

Ой *м*уй таточку; нѳшо ты насъ покѳнуѳ? Хто насъ бѳдэ году-вѳть, хто бѳдэ сѳно косѳть, хто бѳдэ худѳбку (домашнѳй скотъ) годувать ѳ насъ дѳтѳкъ доглядать? Хто бѳдэ за водою ходѳть? Хто бѳдэ насъ одъ ворогѳвъ оборонять? Намъ дѳткамъ шкѳда *м*уѳцно (сильно).

3. С. Копище, Овручскаго уѣзда.

а) жены надъ мужемъ.

*М*уой хазяѳнъ *к*уханый, *м*уой жадавый! На кого ты свойѳ дзеткѳ пакѳдаешъ? Кому жъ ты ѳѳхъ приказоваѳешъ? чѳѳ то дзядзьку? чѳѳ то брату? Хто ѳѳхъ буде глядзецѳ? Хто буде загодоватѳ (и загодовацѳ)? Ой *к*олѳ я прѳѳйду домѳвъ, то вѳнѳ будуць мѳне пѳѳтацѳ, гдѳе нашъ баця дзѳвався? ой що я ѳѳмъ скажѳ гѳрка (горька, горемычная) вдова? Охъ твое поле не оранэ, твоя нѳва не вубрана! Хтожъ буде ту роботу робѳць?

б) матери надъ сыномъ.

Охъ муой сыночку, муой соколику! Муой соловейку! Откуль я тебе виглядаіму? Чы прѣдзешъ зъ косовицы, чы зъ орання? Да вуойду я у сяту (святую) недзіленьку, да ўсе людзі зъ цэркві йтімуць, а я тебе выглядаіму да нігдѣ ні пабачу. А колі пойду у поле, якою ты пташэчкою до мене прылецішъ? Озовысь, муой сыну, муой соколику!

в) матери надъ дочерью.

Моя дочэчко, моя зозулечко! Откуль цібе я ждаіму? Чы то зъ ягудокъ, (ягодъ, т. е. во время сбора ягодъ, черника) чы то зъ полощця, чы то зъ жацця? Чому жъ ты ні ўстанешъ, свойіхъ дружэчокъ ні почастуешъ? Чого ты нагнівалася? Оні до цібе попрыходзілі і ты зъ німы не гуомонішъ (разговарываешъ)?

г) сестры надъ сестрой.

Охъ моя сястрыца (и сеструхно), моя порадніца! На кого ты дзеці свойі пакідаешъ? Откуль воні цібе выглядаімуць? Чы ты йцімэшъ одъ бабы, чы на полі жацімешъ? Воні будуць бэзъ цібе голодаці, пуйдучъ у людзей хліба просіці. Хто твойіхъ дзэтокъ будэ доглядаці? Чуюмъ ты такъ розгнівалася, що ты йіхъ вь людзі не вывіела, на ногі ні паставіла?

4. С. Буцынь, Ковельскаго уѣзда.

а) жены надъ мужемъ.

Ой моя дружанойко! Кого ты кедайішъ на свойому місцэ? Ой мый робітнычку ныгожаны-ныпрошаны! Ой мый косарыку, мый ратайіку! якъ ты мынэ кедайішъ ізъ дыткамы? Хто тымы стыжыйкамы буды ходыты? Хто тую роботу буды робыты? Чіемъ я буду чужіемъ кгосподарыкамъ годыты? Моя тополы былэйкая, моя дружныно вырнэйкая! Встань, подывыса на волы, на коны, на доружыйку! Хто по твэму хазяйствэ буды ходыты, хто йго буды глядіты? Попросы на свэму місцэ свойіхъ сусідойкувъ, свэйі родынойкіе щобъ твойіхъ дытокъ шкодовалы (=жалѣли). Мый гысцю коханий, мый гысцю жаданий (=желанный), чіемъ тыбэ шановаты, трахтоваты (=угощать) на доружыйку? Можэ я тобі ны вгодыла, можэ ны вслужіела? Ны гнівайся моя дружанойко. Я ны відала, що на насъ впадѣ така тучійка, що насъ такъ розлұчытъ навеігды. Послідный дыньочокъ тобы я стылыла, зъ тобою побачылася, зъ тобою нарадылася (=насовѣтовалася). Чоготы выбырайіся вь таку хатойку тымнэйкую. Мойі ручке роботящэ, мойі ножкэ проходящэ. Послідный разочокъ зъ тобою розмовляю.

б) матери надъ ребенкомъ.

Мое дѣтятко, мое кѣятко! хтожъ тыбѣ тамъ буды глядіты, якъ я тыбѣ гляділа? Хто тыбѣ буды шкодоваты бызъ свѣйі матюнке рыднѣйкійі? До кого ты тамъ прыхіелыса, якъ ты тамъ ныкого ны знайішъ? Ой яке твое высільчико ны таке, якъ чужѣе: понаходылы дружычкіѣ ныпрѣшаныі; ты й ны ходыла, ны просыла, головоіке ны клоныла. Встань, подѣкуй свойімъ тіткамъ, свойімъ дядькамъ, свойімъ сусідойкамъ, що вони до тѣбѣ прыйшлы. Моя дытыночко, моя кнѣгѣнѣчко ныпѣрная! (т. е. которая не была въ парѣ, не выдана замужъ). Ны гнѣвайса, можѣ я тобі ны вгодыла, можѣ я тыбѣ ны гляділа? Ой нащо тобі схотілося такойі хатойке тымнѣйкійі, нывыднѣйкійі, що й сонцѣ ны зогріѣ, й вытѣрь ны завѣ. Зѣвѣткѣ я тыбѣ буду дожыдѣты? чы зъ лысѣчку (= лѣса), чы зъ пысѣчку? Моя дытѣночко мылѣйка! Мызкімъ (= между кѣмъ) я тыбѣ буду познавѣты: чы мызъ старѣйкімы, чы мызъ малѣйкімы?

в) дочери надъ матерью.

Ой моя мамонько! куда ты выбырайса? Яку тобы хату тыснѣйкую зробылы. Нывжѣжъ тобы въ насъ такъ надѣйіло? Пы гнѣвайса, мамусю, можѣ я тобы чымъ ны догодыла? Ны надыласа (= не ожидала) я, що мы такъ хутко разлѣчымось. Зѣвѣткѣ васъ я буду выглядѣты? Зъ якого боку? Прѣйдѣ до насъ у гостѣнойку на Вылыкдынь (= Пасха), щобъ рѣзымъ (= вмѣстѣ) розговѣтыса.

5. М. Камень-Коширскъ, Ковельскаго уѣзда.

а) жены надъ мужемъ.

Ой моя дружѣнойко кохана! остатный дыньочокъ я тыбѣ бачыла! Ой хто жъ тыбѣ тамъ будѣ глядітыѣ якъ я тыбѣ гляділа? Ой мій дубѣчку зылѣный! Ой мій кгосподару, мій старалнычку! Ой хтожъ тыпѣрь будѣ старатыса за тыбѣ? Ой чогожъ ты до мынѣ ны одѣзвѣса ны словѣчка, якъ я тыбѣ прѣшу. Ой щѣ вчѣра говорывѣ, а тыпѣрь ны однѣго словѣчка ны одѣзвѣса за цѣлый дыньочокъ. Ой хтожъ твойіхъ дытокъ буды глядітыѣ? Ой хтожъ твѣйі худѣбыѣ будѣ доглядатыѣ? Охъ хтожъ твое мѣсцѣ щѣ заступыть, якъ у тыбѣ дѣткіѣ таке малѣньке? Остатный дыньочокъ, остатный разѣчокъ я тыбѣ бачыла. Ой порѣднычку! хтожъ мынѣ порадыть, якъ ты бувало? Ой пырыкіѣньса соловѣйкомъ, тай прылытыѣ хочъ до мынѣ въ гостыѣ. Хай я щѣ зъ тобою побачуса. Мыні дужы трудныйко зъ тобою рѣставатыса. Прѣшу я тыбѣ вызмыѣ й мынѣ зъ собою: хай я ны мучымтыса ѡдѣ (=здѣсь).

б) дочери надъ матерью.

Ой моя матусыйку, моя голубойко! Ой мое дорогейе матэ! Ой дэ я тыбэ буду шукатыэ? Ой пырыкіеньса зозулькою, тай прылытыэ въ мій садочокъ, то я думатымъ, що то моя мамуся прыйшла. Ой, съ которого боку я васъ буду выглядатыэ? Ой прыйдітыэ хочъ на годынку въ гостыэ до мэнэ! Ой шо вытэ (=вы-то) такъ нагнівалыса на мынэ? Шо я васъ такъ прошу, а вытэ ны гово́рытэ до мэнэ? Ой хтожъ васъ тамъ буды глядітыэ, хто вамъ бўдэ воды подава́тыэ, якъ вамъ я подавала? Хто васъ тамъ будэ пудво́дытыэ й накрыва́тыэ? Ой цыжъ вы хо́лоду ны бойітэса, що йдѣтэ въ ту сыры́цю (=сырую землю).

в) матери надъ ребенкомъ.

1. Ой мое дытѣтко, моя цѣпо́йко! мое ёблочко кру́глэе! Ой моя вѣшэнько чѣрвона! Ой зацьвыла, тай осыпаласа! Ой моя дытынойко, моя калы́нойко! Ой хтожъ тамъ тыбэ будэ глядітыэ? Допытайса тамъ до діда, до бабы, щобъ тыбэ тамъ гляділы. Ой куда ты выбырайіса на всю нычийку одъ мэнэ? Остѣтна розлучѣйка мыні съ тобою! Ой вжэжъ мы съ тобою былишь ны бачытымось! Ой возьмы мынэ зъ собою, то я буду тыбэ тамъ глядітыэ! Ой моя квіточко рожова, до когѣжъ ты тамъ добьеса й допытаеса! Чы вжэ тобі такъ надокучыло зо мною, що вжэ ты такъ хутѣйко забывайіса. Ой прыйды до мынэ въ госты́нойку, то я й ны знатымъ, чіемъ тыбэ шановатыэ. Дэ жъ ты тамъ матѣра свою найдэшъ? Хтожъ тыбэ тамъ такъ бўдэ глядітыэ, якъ я гляділа?

2. Моё тэ дытѣтко, мое ты роды́мое! Куды ты выбыраеса. Ны вжэжъ я тобі тутъ ны догодыла? Ны вжэжъ тобі тамъ будэ ліпшэ? Ой лышэнько мое, ой горынько мое нысчаснэе! Зъ якого жъ боку я буду тыбэ выглядатыэ? Ой моя ты рыбойко, моя голубочко, дытѣтко ріднэе, якъ тобі буды тамъ, въ тому домі буды жыцця? Встанъ хотъ на минуточку, на хвылы́нку, глянны на свою домовы́ну і на свойіхъ ровѣсныцъ, якъ вони всі грають и бігають, а ты мынэ покідášъ?

6. Село Залазье, Ковельскаго уѣзда.

а) матери надъ сыномъ.

Мій сынойку, моя дѣтынойко, мій дубочку дозрылѣйкій, мій дубочку зэлэ́нѣйкій, мій кнізю ку́ханѣйкій, мій сынойку молодѣйкій!

Зьвіткі я тыбэ буду выглядаты?

Зьвіткі я тыбэ буду вызіраты?

Мое ёблочко чѣрвѣнѣйкэ! ныдэ (=нигдѣ) я тыбэ ны побачу,

Ныдэ я тыбэ ны познаю.

б) матери надъ дочерью.

Моя ружа чырвоная! Моя дэтынойко, моя калынойко! Моя досьпілая, моя дозрілая! Ёкъ ты досьпіла? ёкъ ты дозріла? Ёкѣ твоѣ вѣсѣле смутнѣ, ны высѣла. Моя тополѣ высокая.

в) дочери надъ матерью.

Моя матюнко мыла, моя матюнко люба! Ёкъ ты мынѣ гоудовала, ночѣй ны досѣпала! Чого ты мынѣ такъ хутѣйко покінула? Ничому нѣ наўчыла. Хто мынѣ будѣ вчыты, кого я буду пытаты, ёкъ свѣйі матюнкі?

7. Село Высоцкъ, Ровенскаго уѣзда.

а) жены надъ мужемъ.

Йіваноньку, муй голубоньку, моя дружинойко! Чи ты мѣнѣ збывъ (= побилъ), чи ты мѣнѣ злайявъ? Чи ты мнѣ запрѣщивъ въ бабы йти, въ кумы йти? Йіваноньку—золото! дружинонько щіра, міла моя. Бувало ты мѣнѣ въ яму за картопльою (= картофель) нѣ пустышь. Ты мыні водѣ прінѣсѣшь, ты мыні й просо въ ступі стовчѣишь. Йіванонько, дружинонько! Ёкъ ты мынѣ кідайишь? Ёкъ мы й ны нажіліса й ны набуліса. Хтожъ мынѣ тѣперъ прыхіліть? Хто пожалуѣ? До кого я прыхілюса? Дубранучъ, дубранучъ, моя дружинойко щіра-міла.

б) матери надъ дочерью.

Доніно, рыбыно! Моя рабыно (= рябина), моя еворыно! Ёкъ тѣбѣ пудрубано? Ёкъ тѣбѣ пудсѣчано? Моя ягодо чырвоная! Шо (= зачѣмъ) въ молодыхъ літяхъ тра тобі вмыраті. Хтожъ твойихъ дытокъ сіротѣ й мынѣ будѣ доглядаті? Хто жъ йихъ будѣ й обшываті й опыраті (= стирать имъ бѣлье) На кого йихъ покідайишь такіхъ малѣнькіхъ?

8. М. Степанъ, Ровенскаго уѣзда.

а) дочери надъ матерью.

Моя мамонько, моя голубко! нашѣ ты мынѣ покінула? А шо я тыперъ буду робыѣты, шо я тыперъ така ныщаслыва осталаса. Колы я тыбѣ побачу, моя мамойко? Ёкъ зозулѣнька закуѣ, соловѣйко зашчѣѣ, то я буду думаты, шо то моя мамонька клычы. На добраночъ, моя мамонько, на добраночъ! Остатынінькій дѣньочокъ, опушній (= послѣдній) разочокъ свою мамоньку бачу. Ой скажы мыні, моя мамонько, колы ты до насъ прыйдышь въ госцы? Ны барыса (= не задерживайся), мамонько, тамъ довго, да прыйды до мѣ-

нэ. Озьмь (= возьми) мынэ за собою, бо я така молодэйкая, шо щэй нычого ны знаю. То я буду й чорна, й тэмна; зь мынэ кажнэ будэ й смыяцца й кажнэ нахпыцца. Ой моя мамойко, якужэ ты хату собі выбрала: й бызэ вконэ и бызэ двырэй; шо соныйко ны загрйе. й вітьорэ ны завйе. Бувай здорова, моя мамойко! Да ны гнівайса на мынэ, що я тобі ны вгодыла.

б) дочери надэ отцомъ.

Ой муй татойко, куда вы выбирайітыса? Вэ екую доружыйку хмурную, нывысэлую? Нашая порадойка, наша розрадойка! Хто жэ насэ будэ тыпэрыйка поражаты, (=вести порядокъ) хто жэ насэ будэ розмышляты, екэ нашого татойка ны будэ? Ой чумэ вы ны попросылы сусідойкуовэ, шобэ вашихэ волыківэ догледалы, шобэ вашого хозяйства стырэглэ. Ой будэ здоровэ, муй татойку! Да ны гнівайса на насэ, шо мы тыбэ ны доглядіелы.

9. Село Кричильскэ, Ровенскаго уѣзда.

а) жены надэ мужемъ.

Ой моя паройко щырая! нашо ты мынэ покідайішэ таку молодэйку? Екэ я буду жыті бызэ тыбэ? Чого жэ ты такэ хутко ротаеса зо мною? Я тобою й ны натішыласа, я на тыбэ й ны надывласа. Хто жэ твэйі дытынойкі будэ глядіті? Хто жэ ййіі будэ шкодоваті, екэ ты шкодовавэ (= жалѣлэ)? Хто жэ гле нэйі хлібца заробыть? Хто жэ ййіі спіднычіену купыть? Булы вона й гóла, й боса бызэ тыбэ. Будуть зэ нэйі людэ смійетыса. Заказавэ бы ты свойій родынойці, шобэ ййіі прыгорнулы і прыласкалы. Скажé мыні, моя правдойко, до кого мыні прыхілытыса, екэ мэнэ твоя родынойка выжйінэ зэ хаты; шо я буду робыті тоді ныщаслыва. Ой на добранучэ, муй міленькій. Скуль мыні тэбэ выгледаті?

10. М. Ностополь, Ровенскаго у.

а) мужа надэ женой.

Охэ моя жуночко, моя голубочко! Нашо жэ ты мынэ покінула, моя господиньочко! Екэ ты (=то) я бызэ тэбэ буду? Хтожэ мыні будэ діло робыты? Зэ кімэ я буду говорыты? Кому я буду щіру правду казаты? Куды ты одэ мэнэ забірайіса? Вэ еку доружыйку? Тільки зымні на тэбэ насыпалы! Тамэ тобі ны видно. Тамэ тобі й вітьорэ ны завйе й сонычко ны загрйе. Тыпэрэ я тыбэ й бачіты ны буду й діты тыбэ бачіты ны будуть.

12. С. Яблонка, Луцк. у.

„Встань, кгосподынько, курочки сокóчуть йістонькі хочуть, а ты йімъ ны дасы.

11. С. Курчичи, (Курчица) Новоградволын. у.

а) *дочери надъ матерью.*

Моя мамонько, мое сэрдэнько! Коло кого вжэ я тыпэръ буду? Нащо вы насъ кідастэ такіхъ малэнькіхъ? Ны баріцьця, прідіть насъ забэріть зъ собою, якъ мы майімо тутъ страждатэ. Моя мамонько, моя ягуэдунько кохана! Ручэнькы одробылы, нужэнькы одходылы, да вжэ й на спокуой ідуть.

б) *матери надъ дочерью.*

Моя доньку, моя дытынько! Вмыраешъ, а мынэ кідашъ, така молодая! Ны зхотіла мыні служыты, діла робыты, а пойшла Господу Богу служыты. Чужы діткі ягуэдкі й губкі (= грибы) носятъ, а въ мынэ ныма кому. Доньнько, моя дытынько! Прыдэ до мэнэ хочъ въ гостэ! На добранучъ, доньнько, на дубранучъ. Та ны гнівайся на насъ! Можэ чімъ ны вгодылы тобі?

в) *жены надъ мужемъ.*

Ой моя дружнынько! Вмыраешъ, а мынэ кідашъ зъ діткамы. Кто жъ намъ будэ порадокъ вэстэ, шо ты покінувъ зъ діткамы такімы малэсынькімы? Муй кгосподару, муй коханий! Якъ я буду свуй вікъ коротатэ? Якъ я буду свойіхъ дітокъ доглядаты. Добрáнучъ, добрáнучъ, кгосподару! Та ны гнівайся на мынэ! Прыйды до мэнэ зобачітэ, якъ я буду хозяйюваты.

г) *матери надъ сыномъ.*

Муй сыновьку, мое дытынько мыла! Якъ тобі Господь ны давъ віку прожыть! Хай бы я хочъ натішілася тобою. Въ людэй то й косарі, й ратайі, й грібці, а въ мынэ ныма, бо мойі дітэ Богъ забравъ. Людэ женятъ, а я Богу оддаю. Чі то мынэ Богъ такъ любыть, чі гнівайіця? Чі мое щасце таке?

13. С. Романовна, Новоградволын. у.

а) *дочери надъ отцомъ.*

Ой тату, мый голубчіку! Куда ты выбірайіся? Ой пташічкі й словейкі будуть щібытаты і зъ вірю (= изъ теплыхъ краевъ) будуть прылітаты, а нашого татойка ны будэ. Відкілэ (= откуда) тэбэ выгледаты? Ой ты ны прейдышь, ты мынэ й ны порадышь. Бу-

вало, якъ ты живѣ, якъ ты бувъ, то кого обголышъ (= побрѣешь), то що облупышъ (= съ палой скотины снимешь кожу), то всѣ хлѣбця купышъ, а тупіро і ячко лыжыть, і табачка (= ящикъ съ нюхательнымъ табакомъ) стойить, а ты ны встанэшъ, і ны прыторкнѣся.

14. С. Лелиново, Ковельскаго у.

а) матери надъ дочерью.

Охъ муе дятэнуйко, муе дівучко хуроша! кудѣ тѣ забырайіса, въ такейі хуроші уборі вбраласа? Цы то ты такъ хутко вѣсільле збырайішъ? Щѣ тубі літа ны вѣйшы, а тѣ вжѣ зубрала свую вѣйку рудѣну на высільле. Сѣ було тѣ доню ліпшѣй мынѣ пуховала, чімъ тѣ така мулудая мала (имѣла) въ сырї зымні гнѣты (= гнить). Ёкъ пужывэшъ дѣ зъ ныділю, то прыйідѣ, дятэнуйко, хочъ йідну нычку пырынучуваты до мѣнѣ.

Всѣ приведенныя выше причитанія не трудно сгруппировать по слѣдующимъ отдѣламъ. Самый обильный матеріалъ даютъ причитанія:

- I) *матери надъ дѣтьми*: а) *надъ сыномъ* (Рокитно, Копище, Курчичи, Буцынъ, Залазье, Камень-Коширскъ), б) *надъ дочерью* (Копище, Залазье, Курчичи, Буцынъ, Леликово, Высоцкъ);
- II) *жены надъ мужемъ* (Копище, Камень-Коширскъ, Кричильскъ, Буцынъ, Курчичи);
- III) *дочери*: а) *надъ матерью* (Буцынъ, Залазье, Степанъ, Курчичи) и б) *надъ отцомъ* (Степанъ, Романовка).

Менѣе обильный матеріалъ даютъ слѣдующіе виды причитаній: а) *дѣтей надъ отцомъ* (Словечно), б) *сестры надъ сестрой* (Копище), в) *тѣтки надъ племянницей*, (Копище) и г) единственное причитаніе *мужа надъ женой* (м. Костополь).

Резюмируя содержаніе записанныхъ причитаній, нужно сказать, что кромѣ грустнаго тона, обусловливаемого сознаніемъ потери любимаго, дорогого существа, въ нихъ не трудно выдѣлить всѣ главные элементы, свѣдя ихъ къ слѣдующимъ рубрикамъ: 1) сожалѣніе объ оставленіи почившими этого міра; 2) недоумѣніе и изумленіе, вызываемое фактомъ смерти почившихъ, жизнь которыхъ была обставлена хорошо; 3) тревожныя предположенія о томъ, что почившіе могутъ терпѣть въ загробной жизни лишенія разнаго рода; особенно это выражается въ причитаніяхъ надъ дѣтьми; 4) грустныя предположенія о судьбѣ тѣхъ, кто остается въ живыхъ, преимущественно дѣтей, жены и др.; 5) просьба живыхъ о томъ, чтобы покойникъ взялъ ихъ съ собою; 6) извиненіе передъ почившими въ томъ, что имъ не угодили

и просьба о томъ, чтобы они навѣщали живыхъ; 7) заботы объ удобствахъ въ загробной жизни для оплакиваемыхъ покойниковъ и 8) пожеланія: доброй ночи и счастливой жизни. Форма, въ которой заключается это содержаніе, — форма вопросовъ, совѣтовъ, просьбъ, увѣщаній и т. д.

Если мы теперь сопоставимъ данные матеріалы съ записями Менеція (XVI в.) и Клѣновича (начала XVII в.), то фактъ сходства сюжетовъ и формы выраженія въ нихъ представится со всею поражающею насъ очевидностью. Затѣмъ, идя дальше въ древность и отбросивъ въ собранныхъ нами матеріалахъ то, что существеннаго значенія имѣть не должно (разнообразныя формы выраженія печали), мы можемъ установить рядъ вѣрованій, которыя даютъ основаніе связать ихъ съ древностью, а именно: *во-первыхъ*, что жизнь челоуѣка со смертію не прекращается, а продолжается, но только въ иной формѣ: покойникъ продолжаетъ жить подъ землею въ могилѣ ¹⁾. Правда, въ вѣрованіяхъ этого рода нѣтъ надлежащей опредѣленности и ясности относительно души; въ вѣрованіяхъ, касающихся послѣдней, въ народномъ представленіи сплелись два образа: по одному изъ нихъ душа—начало матеріальное, по другому—не матеріальное. Что это такъ, достаточно сослаться на обычай, существующій почти повсемѣстно на протяженіи Волынскаго Полѣсся, ставить на окно, во время пребыванія покойника въ домѣ, воду, а также пищу; всё это необходимо для души, пребывающей въ домѣ, по однимъ версіямъ, 12 дней (м. Словечно), по другимъ, 40 дней (с. Копище). Съ другой стороны слѣдуетъ отмѣтить убѣжденіе въ томъ, что душа, пребывающая въ домѣ, невидима, хотя и можетъ становиться видимою, принимая тотъ или иной образъ ²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 27.

²⁾ А. А. Котляревскій. О погреб. обыч. язычesk. слав., стр. 210.

Во-2-хъ, вѣрованіе въ аналогичность жизни загробной съ земной.

Въ-3-хъ, глубокое вѣрованіе въ постоянную связь и общеніе между почившими и живыми. Въ этомъ сплетаются вѣрованія касательно формы общенія, необходимости общенія и наконецъ пользы, обусловливаемой этимъ общеніемъ.

Въ-4-хъ, остатки культа мертвыхъ, какъ покровителей рода.

Что жизнь загробная представляется аналогичной съ земной, это можно установить на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Могилу на всемъ Полѣсьи называютъ „домовиной“, хатой, т. е. жилымъ помѣщеніемъ, — хотя, правда, она „смутна“, „нэ вэсэла“. Но рядомъ съ этимъ выражается при прощаніи обычное между живыми пожеланіе: „на дубраночъ“. Это пожеланіе можно сопоставить съ извѣстнымъ въ древности обращеніемъ къ покойнику: *ave et vale*, которое по мнѣнію Фюстель де-Куланжа ¹⁾ служило выраженіемъ вѣрованія, что почившіе „продолжаютъ жить подъ землей и сохраняютъ въ могилѣ чувство благосостоянія и страданія“. Въ цѣляхъ устраненія послѣдняго на обязанности живущихъ лежало позаботиться объ удовлетвореніи потребностей ѣды и питья прежде всего. Съ этой цѣлью на Полѣсьи и существуетъ обычай носить на могилу „обѣдъ“ (обѣдъ), какъ одно изъ главныхъ условій благосостоянія не только земной жизни, но и загробной. Обычай этотъ нельзя назвать повсемѣстнымъ: въ восточной части Волынскаго Полѣсья онъ поддерживается, и съ этимъ обычаемъ, состоящимъ въ принесеніи на могилу каши, хлѣба, водки (Рокитно, Копище), соединяется сознаніе о томъ, что необходимо дать душѣ чѣмъ-нибудь подкрѣпиться; поэтому все это и остается на могилѣ. Въ другихъ мѣстахъ, именно среднемъ Полѣсьи, а также въ за-

¹⁾ Фюстель де-Куланжъ. Гражданская Община, стр. 6.

падной его части такого сознанія нѣтъ. Здѣсь въ поминальные дни приносятъ на могилу ѣду, но угощаются на могилѣ принесшіе, выливая на могилу только часть „колива“, часть же пищи даютъ нищимъ. — Если мы вспомнимъ о томъ, что въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и у Кадлубка¹⁾ говорится объ обычаѣ славянъ пить чашу на добрую дорогу покойнику и выражать пожеланія счастливой жизни покойнику²⁾, то невольно напрашивается связь существующихъ въ Волынскомъ Полѣсьи обычаевъ съ древностью.

Охарактеризованнымъ стремленіемъ обезпечить благосостояніе почившимъ въ загробной жизни дѣло не ограничивается: существуетъ еще на Полѣсьи обычай класть въ гробъ необходимую одежду и обувь, которыми принято пользоваться при жизни, а именно: свитку, шапку, платокъ, деньги, обувать въ лапти и сапоги. Объ этомъ же обычаѣ упоминаетъ Менецій, подробно описавшій обычаи Литовской Руси, при чемъ объясняетъ, что деньги — это плата проводнику, который переправляетъ душу черезъ воздушное пространство. Быть можетъ и платокъ имѣлъ тоже назначеніе, т. е. служить платой. Такъ думаетъ и Клѣновичъ, и за вѣрность этого предположенія говоритъ свидѣтельство Ибнъ-Даста, описавшаго обычаи русскихъ славянъ въ IX—X в. в. и упоминающаго объ этихъ атрибутахъ³⁾. Волынское Полѣсье въ настоящее время смотритъ на эти атрибуты проще: одежда нужна въ загробной жизни такъ же, какъ и здѣсь; затѣмъ она необходима на случай посѣщенія почившими живыхъ. Платокъ или полотенце необходимо, впрочемъ, для души, которая должна мыться и вытираться.

Говоря объ этихъ особенностяхъ, нельзя пройти молчаніемъ одной подробности — обычая одѣвать умер-

¹⁾ Викентій Кадлубекъ, Еп. Краковскій, род. въ 1160 г. ум. въ 1223 г. Его трудъ „Хроника Польши“ излагаетъ событія до 1203 г.

²⁾ А. А. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 220—221.

³⁾ Ibid., стр. 214—215.

шихъ дѣвушку или парня такъ, какъ обыкновенно одѣвають ихъ, отправляя къ вѣнцу, а именно: на всемъ протяженіи Волынск. Полѣсья принято класть въ гробъ умершему парню „сывую” шапку съ „квіткою”, а къ поясу прикрѣплять платокъ или полотенце—аттребуты жениха; голову дѣвушки одѣвать искусственными цвѣтами, расплетать косу, несущимъ хоругви давать подарки — платки и т. д., словомъ воспроизводить нѣкоторыя особенности свадебнаго обряда. Если къ этому прибавить то, что кромѣ описанныхъ обычаевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (у подолянъ) существуетъ повѣрье, что „умирающимъ безъ дружины” нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ, и что аналогичныя съ описанными обычаи можно наблюдать и у др. славянскихъ племенъ (у Сербовъ)¹⁾, то здѣсь нельзя не видѣть нѣкоторыхъ указаній на остатки древнаго обычая посмертной женитьбы, существовавшего, по разсказу Аль-Масуди († 956), у славянъ еще въ X в. Когда кто умираетъ, ему даютъ, говоритъ Масуди, жену по смерти, при чемъ жены пламенно желаютъ быть сожженными со своими мужьями. И не только у славянъ, но и у индусовъ существовалъ этотъ обычай²⁾. Характерно то, что въ нѣкоторыхъ причитаніяхъ похороны называются свадьбой, если оплакивается, напр., дѣвушка³⁾. Во всѣхъ этихъ вѣрованіяхъ выражается стремленіе способствовать благосостоянію покойниковъ за гробомъ, которые тамъ должны получить и то, чего не имѣли при жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ выражается живая и сильная вѣра въ жизнь послѣ смерти и ея аналогичность съ земной.

Однимъ изъ ярко выраженныхъ въ причитаніяхъ, а

¹⁾ А. А. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ у языческихъ славянъ, стр. 237.

²⁾ Ibid., стр. 58—59 и 74; 213.

³⁾ По мнѣнію проф. И. Н. Жданова это сближеніе свадьбы и похоронъ, теряясь въ глубокой древности, основывается на общемъ признакѣ разлуки и перехода отъ одной жизни къ другой.

также и въ обрядахъ является вѣрованіе о постоянномъ общеніи съ покойниками. Необходимость этого общенія представляется живущимъ со всей очевидностью, подобно тому какъ необходимо общеніе между живущими—общеніе, основанное на нравственной связи между родственниками, а также на общности разнообразныхъ интересовъ. Многочисленные рассказы о посѣщеніяхъ мертвецовъ, о чемъ мнѣ приходилось слышать въ разныхъ мѣстахъ Полѣсья, принадлежатъ къ числу такихъ, фактическое содержаніе коихъ, за нѣкоторыми исключениями, не вызываетъ сомнѣній среди крестьянъ. Эти рассказы, говоря объ общеніи покойниковъ съ живущими, указываютъ и на формы общенія: покойники являются въ большинствѣ случаевъ въ человѣческомъ образѣ на яву или во снѣ. Если же они причиняютъ зло, то являются или въ человѣческомъ образѣ, или въ томъ видѣ, въ какомъ рисуется воображенію крестьянъ діаволъ, или же будучи невидимы, производятъ беспорядокъ въ домѣ или хозяйствѣ. Похоронныя причитанія, матеріалы коихъ приведены выше, указываютъ и на другой образъ, въ которомъ могутъ являться покойники, а именно въ видѣ *птицъ*. „А колі я пуйду у поле, говорится въ причитаніи с. Копищъ: „якою пташэчкою, ты до мѣне прылецішъ” ¹⁾. Въ причитаніяхъ другихъ мѣстъ говорится: „Ой пырыкіенься соловэйкомъ, тай прылытыэ до мынэ ў гостыэ (м. Камень-Коширскъ). Кромѣ этого непосредственнаго общенія еще есть особая форма. „Колі буде зузуля куваты, я буду ейі пытати: чы ны бачыла моей матюнкі; екъ соловэйкі будуть щэбэтаті; я буду прыслуховатысь, чы ны йдэ до мэнэ моя матюнка” ²⁾.

Такимъ образомъ, въ этихъ формахъ выражается опредѣленно вѣра въ оборачиваніе, вѣра въ появленіе покойниковъ въ образѣ птицъ и наконецъ приписываетъ

¹⁾ См. выше, стр. 38.

²⁾ Ibid. стр. 36 и 40.

ся птицамъ способность приносить вѣсти изъ загробнаго міра. Сопоставляя эти вѣрованія съ представленіями многихъ славянскихъ народовъ о душѣ, которая представляется въ видѣ крылатаго существа—бабочки, птицы и т. д.¹⁾, мы можемъ, во-первыхъ, отмѣтить слѣдъ общаго славянамъ представленія о душѣ, какъ о легкомъ, окрыленномъ существѣ, могущемъ летать въ воздушной сферѣ; во-вторыхъ остатокъ вѣрованія въ вѣщихъ птицъ—вѣрованія, распространеннаго у различныхъ народовъ и дающаго основаніе утверждать о связи съ глубокой стариной, какъ это находятъ Шерцль²⁾ и Афанасьевъ³⁾.

Посѣщеніе покойниками живыхъ вызывается по вѣрованію волинскихъ полѣшукѣвъ обязанностью покойниковъ поддерживать своихъ родныхъ въ тяжелыя минуты жизни, а то просто необходимостью провѣдать иногда для того, чтобы предупредить и предохранить отъ бѣдъ; слова: „скажи, зозулѣнко, мойій матюнці, якъ мыні тошно, якъ мыні гырко“—указываютъ на необходимость нравственной поддержки. Во многихъ причитаніяхъ содержится просьба просто притти въ гости. Не только чувствуя, но и сознавая полную невозможность осуществленія просьбы, съ которой обращаются въ причитаніяхъ къ почившему, говоря: „візьмы мынѣ зъ собою“, живущіе почерпаютъ однако утѣшеніе въ надеждѣ, что почившій въ „лыху годину“ (въ тяжелую минуту жизни) не забудетъ, а придетъ и подастъ помощь. Что это не есть только предметъ надежды, а считается не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ, доказательствомъ для сознанія волинскихъ

¹⁾ А. А. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ у языческихъ славянъ, стр. 154—175.

²⁾ Начало религій и слѣды монотеизма въ язычествѣ. Правосл. Обзор., 1884 г. Октябрь.

³⁾ Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу.

полѣшукѡвъ служатъ разсказы о томѣ, что покойники дѣйствительно посѣщаютъ живыхъ, именно въ тяжелую годину. Довольно характеренъ разсказъ, слышанный мною въ разныхъ мѣстахъ (с. Рокитно, Словечно, Повурскъ) о томѣ, какъ умершая молодая мать, оставившая грудного ребенка, приходила по ночамъ и кормила его грудью, и какъ ребенокъ этотъ вскорѣ умеръ. Несмотря на печальный исходъ этого кормленія, такая забота ставится однако народнымъ сознаниемъ въ заслугу почившей.

Такимъ образомъ, главнымъ мотивомъ, вызывающимъ посѣщеніе живущихъ покойниками, по сознанию волинскихъ полѣшукѡвъ, является прежде всего необходимость восполнить по возможности всѣ тѣ лишенія матеріальнаго и нравственнаго характера, которыя для живущихъ неизбежно связаны и вызываются разлукой съ почившими, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлать то, что для живущихъ является залогомъ благополучія.

Разсматривая содержаніе причитаній, поскольку оно выясняетъ вопросъ объ общеніи между покойниками и живущими, нельзя не отмѣтить часто повторяющагося вопроса: „откуда мнѣ тебя ожидать“? Вопросъ это ясно показываетъ, что сознание волинскихъ полѣшукѡвъ не допускаетъ возможности уклоненія покойниковъ отъ ихъ прямой обязанности—посѣщенія живущихъ. Мало того это посѣщеніе должно приносить пользу для живущихъ. На это имѣютъ нравственное право живущіе въ томъ случаѣ, если они похоронили покойника съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, и тѣмъ выполнили свой долгъ по отношенію къ нему. Это подтверждается нѣсколькими, записанными мною разсказами (с. Буцынъ, Камень-Коширскъ), гдѣ говорится о посѣщеніяхъ покойниковъ, которые причиняли живущимъ вредъ. Жена одного изъ такихъ посѣтителей, обращаясь къ покойнику съ упрекомъ говоритъ: „развѣ я не похоронила тебя съ честью, какъ принято у людей. Уходи и не безпокой, а если что нужно, скажи“.

Среди особенностей содержания причитаній, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемому вопросу, слѣдуетъ отнести одинъ совѣтъ, съ которымъ обращаются матери, оплакивающія своихъ дѣтей. „Разыщи тамъ своихъ дѣда и бабу, назови себя и проси ихъ о томъ, чтобы они заботились о тебѣ такъ же, какъ и мы здѣсь о тебѣ заботились”. Этотъ совѣтъ, повторяемый въ причитаніяхъ то съ большей, то съ меньшей полнотою подтверждаетъ мысль о покровительствѣ рода, а всѣ вмѣстѣ матеріалы похоронной причети опредѣленно указываютъ на остатки у волинскихъ полѣшукѣвъ языческаго культа мертвыхъ, существованіе коего въ древности считается фактомъ неоспоримымъ. Такъ, Фюстель де-Куланжъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ, заимствованныхъ у древнѣйшихъ писателей (Плутарха, Эврипида, Гомера, Корнелія Непота и др.), въ подтвержденіе того, что мертвые въ древности считались священными существами, и каждый изъ нихъ по сознанію древнихъ былъ *богъ*, при чемъ этого обоготворенія удостоивались по сознанію древнихъ не только добродѣтельные въ жизни люди, но и злые, которые послѣ смерти становились тоже богами, сохраняя всѣ свои порочныя наклонности¹⁾. Представляясь сознанію древнихъ въ образѣ боговъ, мертвые имѣли силу и могущество, о степеняхъ коего говоритъ очень опредѣленно Эсхиль (*Хозфору*), и причиняли зло, „если о нихъ нерадѣли и пренебрегали ихъ почитаніемъ” (Эврипидъ, Альцеста)²⁾. Отсюда возникшая мысль о покровительствѣ, развиваясь постепенно, вылилась въ опредѣленные, ярко выраженные представленія о взаимоотношеніяхъ и обязательствахъ, въ основѣ коихъ по мнѣнію Котляревскаго лежитъ древняя апоѳеоза мертвыхъ, существованіе

¹⁾ Фюстель де-Куланжъ. Гражданская община, стр. 11—13.

²⁾ Ibid., стр. 14—15.

коей по его мнѣнію доказалъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ и сопоставленій Ф. де-Куланжъ ¹⁾). Вмѣстѣ съ нимъ Котляревскій, утверждая, что умершіе становились по вѣрованію древнихъ *богами*—покровителями потомковъ, говоритъ, что эту апофеозу, сохраняющуюся въ вѣрованіяхъ индо-европейскихъ племенъ, создало достоинство нравственной природы человѣка, которая не можетъ обойтись безъ любви, благодарности и признательности за прежніе подвиги предковъ и ихъ заботы ²⁾). Къ этому Котляревскій добавляетъ, что и славянскіе народы еще въ языческій періодъ ихъ жизни видѣли въ покойникахъ боговъ—покровителей, своего рода домашнихъ пенатовъ, которые блюли за благосостояніемъ семьи, родного крова и семейной собственности. Если эти данныя сопоставить съ содержаніемъ приведенныхъ мною причитаній, то связь этихъ послѣднихъ съ вѣрованіями славянъ языческой эпохи представится со всею ясностью, а затѣмъ и все то, въ чемъ выражается вѣра въ необходимость посѣщенія покойниками умершихъ и связанную съ нею пользу, получить вполне опредѣленный смыслъ и значеніе, свидѣтельствуя о сохранившихся остаткахъ древняго культа мертвыхъ, какъ покровителей рода.

Изъ похоронныхъ обрядовъ мнѣ пришлось слышать рассказы о слѣдующихъ: а) стучаніе гробомъ о косякъ двери, или о порогъ при выносѣ покойника; б) посыпаніе зерномъ (овесъ, рожь, пшеница) по тому мѣсту, гдѣ лежалъ покойникъ и по тому слѣду, гдѣ прошла похоронная процессія; 3) открытіе при выносѣ покойника изъ дома дверей во всѣхъ сараяхъ и постройкахъ и необходимость выгонять домашній скотъ изъ сараевъ при выносѣ покойника—хозяина изъ дому; 4) строгое предупрежденіе о томъ, чтобы всѣ участвующіе въ похорон-

¹⁾ А. А. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ у языч. сл., стр. 5.

²⁾ Ibid, стр. 187.

ной процессіи при выходѣ изъ дома или со двора дома не оглядывались.

Съ первымъ изъ отмѣченныхъ выше обрядовъ соединяется обычай, существующій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волынскаго Полѣсья, класть на порогъ или у порога какой-нибудь стальной предметъ (серпъ, коса, топоръ). Эти предметы по объясненію крестьянъ должны предохранить домъ, оставляемый покойникомъ, отъ всякихъ вредныхъ вліяній. Равнымъ образомъ посыпаніе зерномъ тоже дѣлается въ интересахъ предохраненія дома и живущихъ въ немъ отъ всякихъ непріятностей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ добавляли къ упомянутому объясненію этого обычая слѣдующее: ежелибы покойникъ вздумалъ сдѣлать что-либо непріятное, онъ долженъ прежде всего собрать всѣ зерна, а такъ какъ это фактически невозможно, то въ посыпаніи зерномъ заключается гарантія того, что непріятностей покойникъ причинить не будетъ въ состояніи ¹⁾).

Проводя параллель между этими обычаями съ одной стороны, и обычаемъ положенія молота, употреблявшимъ на сѣверѣ, невольно напрашивается то толкованіе, какое даетъ А. А. Котляревскій. Молотъ и топоръ по его мнѣнію символизировали молнію, небесный огонь, а потому на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на знакъ очистительной стихіи, уничтожающей все вредное, недоброе. Если къ этому прибавить, что аналогичные обычаи существуютъ у др. славянскихъ племенъ (лужичанъ, угорской Руси и др.) ²⁾ то древность общей основы этого вѣрованія не будетъ нуждаться ни въ комментаріяхъ, ни въ доказательствахъ.

Что же касается стучанія гробомъ, то оно, символизируя прощаніе покойника съ домомъ, гдѣ онъ жилъ,

¹⁾ См. мою статью: „Къ вопросу о народной демонологіи на Волыни“. Кіевск. Стар., 1906 г

²⁾ А. А. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 223—224.

должно напомнить, по объясненію крестьянъ (Ковельск. и Луцк. у.), покойнику, что онъ навсегда переходитъ за границу того владѣнія, котораго лишается со смертію. Въ связь съ этимъ слѣдуетъ поставить обычай выгонять домашній скотъ, который долженъ выразить своимъ выходомъ изъ сарая прощаніе съ хозяиномъ. Что же касается открытія дверей во всѣхъ помѣщеніяхъ, то по объясненію крестьянъ это дѣлается для того, чтобы смерть, образъ которой представляется воображенію ихъ, не оставалась въ той усадьбѣ, гдѣ она скосила свою жертву. Равнымъ образомъ предупрежденіе о томъ, чтобы никто не оглядывался во время прохожденія похоронной процессіи, толкуется такимъ образомъ: если кто оглянется, то этимъ показываетъ, что что-либо забыто. По смыслу похороннаго обряда это можетъ по сознанію крестьянъ символизировать то, что забыть кто-то изъ живущихъ, и такимъ образомъ это можетъ вызвать смерть кого-либо изъ живущихъ въ данномъ домѣ. Въ подтвержденіе правильности такого объясненія приводились факты, когда при похоронахъ такихъ-то и такихъ-то лицъ оборачиваніе участниковъ процессіи вызывало смерть кого-либо изъ живущихъ въ домѣ, изъ котораго выносили покойника.

Въ заключеніе всего изложеннаго о похоронныхъ обрядахъ и причитаніяхъ я долженъ сказать, что, не задаваясь цѣлью представить вполнѣ исчерпывающую затронутый вопросъ картину, я имѣлъ въ виду лишь сгруппировать собранный мною матеріалъ, отмѣтить нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ особенностей похоронныхъ обрядовъ, выдѣлить въ нихъ остатки древнѣйшихъ вѣрованій. Давая сильное освѣщеніе этого вопроса, я вмѣстѣ съ указаніемъ на важнѣйшіе вопросы этнографіи Волыни имѣлъ въ виду иллюстрировать то положеніе, что южно-русскія причитанія заслуживаютъ такого же серьезнаго вниманія и изученія, какъ и сѣверно-русскія.

Составляя одну изъ важныхъ принадлежностей похороннаго обряда, онѣ вмѣстѣ съ другими частями обряда открываютъ поражающее въ иныхъ случаяхъ разнообразіе тѣхъ явленій и фактовъ, коими характеризуются древнѣйшія формы народнаго быта, слѣдовъ которыхъ не могло уничтожить всеразрушающее время.

10 ноября 1911 года.

ВАРИШАВА.

Вячеславъ Каминскій.

Письма П. А. Чаадаева

изъ заграницы къ брату

(1823—1825).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящія письма П. Я. Чаадаева опубликовываются впервые. Въ рукописномъ видѣ онѣ были предоставлены М. О. Гершензону для его работы о Чаадаевѣ. Печатаются письма съ сохраненіемъ орфографіи подлинника; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ цѣляхъ удобства чтенія сдѣланы измѣненія въ знакахъ препинанія. Письма эти по смерти (1893 г.) жены Михаила Яковлевича Чаадаева Ольги Захаровны, моей крестной матери, перешли къ отцу моему, бывшему въ то время священникомъ села Хрипунова родовой—вотчинѣ Чаадаевыхъ. Отецъ мой хорошо зналъ и Михаила Яковлевича.

Письма адресованы къ брату Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

Михаилъ Яковлевичъ старше своего брата на два года; получилъ такоеже образованіе, какъ и Петръ. Въ нашемъ распоряженіи находится записанный имъ курсъ философіи Буле, читанный „на частныхъ лекціяхъ“, содержащій „умозрительную философію т. е. логику, метафизику, также Kritik der reinen Vernunft Канта, Wissenschaft-Lehre Фихте, Apodictick Бутервека, Шеллингову Философію“. Такъ-же, какъ и братъ его Петръ, Михаилъ Яковлевичъ былъ офицеромъ въ Семе-новскомъ полку.

Съ 1834 до своей смерти 1866 г. онъ прожилъ въ селѣ Хрипуновѣ Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

При раздѣлѣ родовыхъ имѣній Михаилъ Яковлевичъ былъ обязанъ выплатить Петру Яковлевичу 70 тысячъ рублей. Высылка денегъ, о которыхъ такъ часто говорится въ письмахъ, какъ разъ и касается этихъ 70 тысячъ.

Опубликовывая настоящія письма, я руководился убѣжденіемъ что все написанное такими лицами, какимъ былъ П. Я. Чаадаевъ въ исторіи нашей мысли, должно стать всеобщимъ достояніемъ. Кромѣ того, по этимъ письмамъ впервые можно точно установить, гдѣ былъ П. Я. Чаадаевъ за границую. Въ письмахъ, носящихъ повидимому дѣловой и родственныя характеръ, разбросано много интересныхъ мыслей, замѣтокъ по различнымъ поводамъ, затѣмъ онѣ рисуютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и душевное состояніе П. Я. Чаадаева. Не лишены письма и интереса, какъ образчикъ тогдашняго эпистолярнаго стиля

Прилагаемый портретъ П. Я. Чаадаева полученъ также отъ Ольги Захаровны Чаадаевой. Портретъ помѣченъ „зима 1823 г.“, т. е. какъ разъ годомъ отъѣзда П. Я. Чаадаева за границу. Повидимому объ этомъ портретѣ говоритъ Жихаревъ, авторъ біографіи П. Я. Чаадаева, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ 1871 г. Въ одномъ письмѣ къ Михаилу Яковлевичу Чаадаеву онъ заявляетъ, что ему хотѣлось-бы къ біографіи Петра Яковлевича присоединить тотъ портретъ Петра Яковлевича, который имѣется у Михаила Яковлевича „писанный въ Парижѣ, кажется въ 1821—22 году“. Но въ 1821 и въ 1822 г. Петръ Яковл. не былъ въ Парижѣ, а потому и портретъ тамъ не могъ быть писанъ съ него. Очевидно, Жихаревъ имѣетъ въ виду настоящій портретъ. Кромѣ писемъ Чаадаева, здѣсь печатается одно письмо М. Муравьева — Апостола, который провожалъ П. Я. Чаадаева за границу и сообщаетъ объ его отъѣздѣ брату Михаилу Яковлевичу.

Варшава. Августъ 1912 г.

Ал. Вилковъ.

1.

С. Петербургъ. 2 июля 1823 г.

Другъ прелюбезный, я не писалъ тебѣ; мнѣ хотелось, приѣхавши въ Любекъ, въ одно время написать о отбытіи моемъ и о щастливомъ прибытіи въ чужую, въ обѣтованную землю. Твое письмо напомнило мнѣ мое обѣщаніе извѣстить тебя объ имени корабля и капитана. Корабль зовутъ Hoffnung, а капитана Lunaу, судно Любекское. Бѣду я взавтра въ Кронштадтъ, на другой день, вѣроятно, пушусь въ путь. На 20,000 взялъ я кредитивъ у Штиглица во всѣ города свѣта; прежде нежели увижу весь свѣтъ проживу съ полтора мѣсяца въ сосѣдствѣ Гамбургѣ, въ Куксгаевѣ, гдѣ буду купаться въ морѣ; мнѣ это настоятельно предписано здѣшнимъ докторомъ Миллеромъ—великій человекъ!—онъ мнѣ объявилъ; что во мнѣ все нервическое, и даже слабость желудочная. (Я посылаю тебѣ книгу о гемороѣ; не думаю, чтобы ты ее уже получилъ; многому научился; прочти ее со вниманіемъ, увидишь въ чемъ состоитъ геморoidalный режимъ. Я воображаю себѣ съ какимъ восхищеніемъ ты увидишь что непременно должно ходить..... это по нѣмецки называется aus freyer hand. Я не имѣю времени тебѣ дать замѣтить что меня всего болѣе въ этой книгѣ фрашировало, въ отношеніи къ твоему здоровію; одно только помню, водки отнюдь не пить и особѣнно Ерофѣича, и никакихъ желудочныхъ капель, все это связываетъ и насильственно крепитъ желудокъ. Къ стати, нельзя мнѣ не сказать тебѣ любезный, что какъ ты не хвастаешь своею прозорливостію на шетъ твоего здоровья, а я признаюсь не встречалъ въ тебѣ ни одной здравой мысли объ этомъ предмѣтѣ. Прочти сдѣлай

милость со вниманіемъ эту книгу—medites cela et etudies avec plus d'aplication, si vous pouvez que les vielles gazettes. Прости мой другъ!; тороплюсь, собираюсь,—угорелый. По приѣздѣ въ Гамбургъ, отпишу тебѣ сей часъ. Писать ко мнѣ пока мѣсть и долго такимъ манеромъ. Въ Гамбургъ Его В. П. Я. Чаад. вручить тамошнему банкиру Силлемъ-Бенеке Г. (Sillem-Beneske) Адресъ можешь сдѣлать по руски на границѣ перекъдуть. Прости еще разъ мой другъ, со мною ѣдетъ въ Кронштадтъ Матвѣй Муравьевъ, я страхъ какъ ему благодаренъ. При семъ записка о тетушкиномъ дѣлѣ. Прости до Гамбурга Если имѣешь что написать то отпиши не ожидая моего письма.

Иванъ ѣдетъ со мною, онъ меня упросилъ.

Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву. Въ Ардатовъ Ниж. губ.

Для доставленія въ село Хрипуново.

2.

Кронштадтъ 5 іюля 1823 г.

Мой другъ, я сижу у моря и жду погоды. Пишу къ тебѣ для того чтобы тебѣ сказать что ѣду я не въ Гамбургъ а въ Англію. Приѣхавши сюда подрядилъ я было Любское судно, но увидавши славный англійскій корабль который идетъ прямо въ Лондонъ, не могъ утерпеть и решилъ ѣхать на немъ; благодаря моему кредитиву ѣхать мнѣ можно куды вздумается, деньги у меня есть вездѣ. Корабль мой лихой ходокъ, трехъмачтовый, имя его Kitty, а капитана Call. На Любскомъ суднѣ мнѣ бы было страхъ какъ дурно, тѣсно, нечисто и голодно, палуба вся загромождена бочками и всякой дрянью, а здѣсь напротивъ того все хорошо и удобно. Третій день живемъ мы здѣсь съ Матвѣемъ Муравьевымъ и Равевскимъ, которые приѣхали меня провожать ждемъ вѣтра; взавтра по признакамъ общають намъ моряки вѣтра. Прости прелюбезный другъ. Муравьевъ надѣется тебя увидеть зимою въ Москвѣ онъ тебѣ расскажетъ мой отъѣздъ и повесѣлитъ тебя разными разностями. Въ хлопотахъ не имѣю времени писать тетушкѣ, напиши ей вмѣсто меня, что я ѣду въ Англію. Вотъ Вамъ мой адресъ—я сей часъ спрашивалъ какъ дѣлать адреса въ чужіе края — а Monsieur, Monsieur Baring a Londres, pour remettre a M. M. de Tschaadaieff—по французски, сообщи и тетушкѣ порядочно, да не позабывай-

те: 1-ое писать на тонкой бумашкѣ и не въ двухъ пакетахъ, а въ одномъ— 2-ое отнюдь не дѣлать русскихъ пакетовъ, а печатать письма ваши такъ какъ мое запечатано, или похоже на это. Осень вѣроятно всю пробуду въ Англіи, а на зиму буду въ Парижѣ. Я прошу тебя, мой милый писать ко мнѣ въ Англію не ожидая моего письма и поразказать про твое существованіе въ Нижнемъ. Есть ли будешь писать къ Якушкину или увидишь его, нежно поклонись ему отъ меня. Прости.

Позабылъ было, ты вѣрно спросишь, чтоже ванны морскіе? да развѣ въ Англіи нѣтъ моря?

„S'il m'est permis, Monsieur, de me rappeler à votre souvenir.... et pourquoi pas! On dit que Je fais, ouplutôt, que J'écris des bêtises, ainsi donc Je vs dis, sans autre preambule, que Je suis enchanté de pouvoir vs serrer cordialement (au moins par lettre) et bien fâché que vs ne soyez pas avec nous, ce qui aurait bien pu arriver. J'aurai bien voulu que vs ayez l'idée devenir cet hiver à Moscou. Je finis parceque votre frère medit que ce sont encore des bêtises que J'écris et toujours des bêtises. Adieu.

Par amour propre

Nota Bene—le paquet est de moi.

Je fais des paquets*”.

Его Высокоблагородію

Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву.

Въ г. Ардатовъ. Ниж. губ. Для доставленія въ село Хрипуново.

2а.

St. Petersbourg le 7 Juillet 1823.

Avant-hier à 9 heures du soir Votre frère est parti pour l'Angleterre. Ns avons été obligé de demeurer trois Jours entiers à Kronstadt le vent ayant été contraire tout ce tems là. Son vaisseau est un excellent voilier, il a fait le voyage de Londres a Kronstadt en 9 Jours. Chose inomé!—Il m'a remis une lettre pour vs que vs trouverez ci incluse. Je désirerai que vs vinsiez à Moscou cet hiver ayant moi-même le projet d'y être. Serge est à Бобруйскъ avec la division qui y est rassemblée. Il m'aurait chargé de mille choses pour vs s'il avait pu présumer que Je vs

*) Строки, заключенныя въ кавычки, написаны другой рукой и принадлежать, повидимому М. Муравьеву—Апостолу, который провожалъ П. Я. Чаадаева въ Кронштадтъ.

écrirai l'amitié qu'il vs porte est la garantie de ce que je vs dis.—
Je vs serre bien cordialement la main.

M. Mouravieff-Apostol.

PS. Pour éviter les frais de poste qui sont considerables
à l'étranger votre frère m'a chargé de vs prier de lui adresser
vos lettres de cette manière:

A Messieurs

Messieurs Baring frères

à Londres,

Pour remettre à M-r de Tchadaew.

Je vs salue. L'hiver, il compte le passer à Paris:
au reste il vs en écrira.

Его Высокоблагородію

Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву,

въ г. Ардатовъ Нижегородск. губ., для доставленія въ село Хринуново.

3.

19/31 іюля. Корабль Китти, въ виду Копенгагена.

Капитанъ обѣщаетъ выпустить насъ на несколько часовъ на берегъ въ Гельзингорфъ, пользуясь этимъ случаемъ. Товарищъ мой, (за исключеніемъ трехъ сотъ бочекъ сала, насъ только двое пассажировъ), сидитъ со мною и тоже пишетъ въ матушку Россію. Это тотъ самый англичанинъ который жилъ противъ К. Д. М. и извѣстенъ подъ Девинымъ подъ именемъ пакостнаго. Онъ меня надоумелъ писать, безъ того бы не сталъ—да и что писать съ корабля?

Плывемъ мы страхъ какъ плохо, попутнаго вѣтра было только два дни; на третій набѣжалъ на насъ шквалъ и поломалъ мачты; мы принуждены были зайти въ заливъ Монтовикъ верстъ за 70 отъ Ревеля, и тамъ чиниться—до самаго Ревеля не могли добраться. Необыкновенный случай! Я стоялъ съ пакостнымъ на палубѣ, солнце сіяло прекрасно, мы бѣжали по 6-ти узловъ; вдругъ на небѣ не знаю отъ куды взялась тучка; не успѣлъ онъ мнѣ показать ее и промолвить: бѣда! какъ одинъ бортъ уже былъ подъ водою, паруса разлѣлись, а мачты съ трескомъ повалились въ море. Насъ било

не болѣе двухъ часовъ; послѣ наступила опять ясная погода,—корабль какъ будто ударило плетью.

Вотъ тебѣ, мой милый, морской розказъ; не прогнѣвайся, чѣмъ Богъ послалъ!—Хочешь ли знать что дѣлаю на кораблѣ? Во первыхъ, люблюсь на море, не налюбуюсь! Такъ велико, такъ великолепно, что нельзя выразить что чувствуешь; особѣнно въ бурную ночь не нарадуешься! подъ тобою черная пучина шумить и плещеть а на тихомъ небѣ плыветъ луна и свѣтитъ какъ будто надъ лугами и мирными долинами!—Во вторыхъ, читаю. Мнѣ попалась въ Петербургѣ необыкновенная книга, романъ *Anastaze*; это записки Грека, въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ шатается по всѣму Леванту; вообрази себѣ восточнаго Жилблаза; разумѣется что вмѣсто ошибокъ, преступленія, вмѣсто шалостей, злодѣйства, вмѣсто страстишекъ, страсти пламѣнныя; но за то и вмѣсто добродушія простаго доблести великія; вся эта картина освѣщена яркимъ восточнымъ солнцемъ; вѣрность въ описаніяхъ чрезвычайная, подробности любопытнѣйшія, однимъ словомъ славнѣйшее произведеніе; книга въ рукахъ не держится. Постарайся себѣ достать ее; впротчемъ товарищъ мой, который чрезъ два мѣсяца будетъ назадъ въ Москву, можетъ быть ее привезетъ.

Я было позабылъ спросить тебя получилъ ли книгу о *геморон*, и письмо изъ Кронштада? Такъ какъ письма мои имѣютъ непохвальную привычку затереваться, то не худо думать некоторыя вещи повторить, а имѣнно: корабль мой зовѣтся Kitty (Китти), капитанъ Cole (Коль), онъ же великая скотина—морить меня съ голоду; впротчемъ діета какъ ты самъ вѣдаешь не худое дѣло.

Меня провожалъ изъ Кронштада Мат. Муравьевъ; онъ сошелъ съ корабля почти у самой брандвахты, то есть на самой границѣ; онъ мнѣ говорилъ что провожаетъ меня за всѣхъ моихъ старыхъ друзей. Спасибо ему милому за его дружбу, я ему крайне благодаренъ. Не лѣзя не сказать, всегда старый другъ лучше новыхъ двухъ; изъ моихъ петербургскихъ пріятелей никто не пришелъ со мною и проститься; они любятъ не меня, а иной любить мою голову, другой мой видъ, третій душу, меня же бѣднаго изъ ннхъ никто не любитъ.—Прости меня мой другъ за весь этотъ *babıl*, кажется ты не жалуешь одного моего словѣстнаго болтанья, а писмѣнное тебѣ помнится непротивно.

Тетушкѣ я изъ Кронштада не писалъ а просилъ тебя

извѣстить ее что ѣду не въ Любекъ а прямо въ Англію, и вмѣстѣ послать ей мой адресъ въ Лондонѣ, Baring brothers.

Вотъ мои планы. Въ Лондонѣ пробуду съ начала не болѣе трехъ дней, чтобы успѣть въ Пригонѣ покупаться въ море съ мѣсяцъ; остальную часть осени стану ходить по Англіи а на зиму въ Парижъ. Какъ не пожалеть мой милой что мы только что умѣемъ другъ друга любить, а общихъ забавъ и утѣхъ имѣть не можемъ!

Чтобы могъ застать въ Англіи тебѣ должно писать сейчасъ по полученіи сего письма. Пиши прошу тебя; не скупись временемъ и трудомъ; помни, что не болѣе какъ разъ въ три мѣсяца можемъ имѣть другъ объ другѣ извѣстія. Въ письмахъ своихъ, подробностей о себѣ какъ можно больше: что за жилы у тебя? что ѣшь, что піешь, какъ гуляешь? Какъ ладешь съ православными и съ самимъ собою? Особѣнно-же пиши объ своемъ здоровьи. Въ книгѣ которую тебѣ послалъ увидишь что весь режимъ, состоитъ въ одномъ: ничего горячительнаго не употреблять и не дѣлать, слѣд. и сильнаго движенія; водка же и aqua-torhana при нашемъ сложеніи совѣршенно все равно. Что ни говори, ты сложенъ лучше моего, съ половиною моей умѣренности былъ бы здоровъ какъ быкъ, у себя въ деревнѣ можешь дѣлать что хочешь и жить какъ угодно, дай Богъ чтобы тебѣ хотелось дѣло и жилось бы порядочно! Хотелось бы мнѣ чтобы иногда ты вспоминалъ что независимость не есть блаженство а одно только средство къ оному.

Прости другъ; кланяйся брату Якушкину когда станешь писать къ нему; жаль что вы невмѣстѣ, письма мои могли бы вамъ быть обоимъ.

Поклонъ Ивану; моего Ивана рветъ частенько.

Заключая письмо вспомнилъ твое пифагорейское уваженіе къ числамъ: изъ Кронштада выѣхалъ 6 числа Іюля, стар. штиля, за проѣздъ съ человѣкомъ заплатилъ 775 рубл.; на кораблѣ насъ 20 человѣкъ; въ Лондонѣ (можемъ положить) буду 1-го августа ст. шт.

Я несколько разъ думалъ почему ты никогда не говорилъ мнѣ про морское свое путешествіе, impossible que les grands effets de la nature sur mer ne vous aient pas trappé, послѣ догадался, ты плыль съ полкомъ, это былъ походъ, вы везли съ собою все разсѣяніе товарищества—бури же не было—вы больше проводили времени за стаканомъ или луч-

ше сказать за бутылкой нежели какъ въ созерцаніяхъ и размышленіяхъ—c'est tout différent.

Adieu encore une fois—vale et me ama.

— Je rouvre ma lettre pour Vous dire que c'est à Elsinour que je la cachète; je viens de débarquer avec mon compagnon à 10 heures du soir; le pais est superbe, les bords de la mer sont enchanteurs, malheureusement il fait trop noir pour se promener; demain il faudra remonter à bord au point du jour —je ne vous dis adieu que pour me coucher.

4.

Сентября 12/1 1823. Сомтингъ.

Я передъ тобою виновать, мой милый другъ, пре-много; слишкомъ три недѣли какъ я въ Англіи, а къ тебѣ еще не писалъ. Можетъ быть ты прочелъ въ газетахъ какія бушевали бури въ Балтикѣ прошлаго мѣсяца и безпокоился о моей участи, тетушка тоже; j'avoue que je suis un miserable indigne de voir le jour, même le jour voilé de l'Angleterre. Дай Богъ чтобы письмо мое дошло къ вамъ прежде газетныхъ извѣстій! Повѣришь ли мой другъ? въ минуты бури самая ужасная, мысль о вашемъ горѣ есть ли погибну, всего болѣе меня ужасала!—Въ извиненіе, скажу тебѣ, что съ тѣхъ поръ какъ въ Англіи, я все въ снѣ; насъ занесло южными вѣтрами чортъ знаетъ куды, и вмѣсто Лондона я вышелъ на берегъ близъ Ярмута, въ графствѣ Норфолькскомъ, миль за 150 отъ столицы. Мы носились по морю 17 дней, около норвѣжскихъ и англійскихъ береговъ; великое наше щастіе что вѣтры застали насъ по выходѣ изъ Категата—и, что мы прежде того потеряли наши topsels ¹⁾ (какъ по руски не знаю; верхушки мачтъ); со старыми, гнилыми мачтами мы бы навѣрно погибли.—Впротчемъ, я почитаю великою милостію Бога, что онъ мнѣ далъ прожить слишкомъ полмѣсяца съ безпрестанною гибелью передъ глазами!—Vous me dispenserez de vous faire un plus ample récit de notre navigation; gardons cela pour le coin du feu.

Я пробылъ въ Лондонѣ четыре только дни; былъ въ Вестминстерѣ и взлѣзалъ на Павловской соборъ, какъ водиться.

¹⁾ Объ этой оказіи кажется я тебѣ писалъ изъ Гельзингора.

Самою разительною вещью въ Лондонѣ мнѣ показалась son imensité, à самою прекрасною парки; надобно тебѣ знать, что всѣ они рядомъ, St. James—Park, Green-Park, Hyde-Park и Kengsington's-Gardens, что составляетъ несколько сотъ дѣсятинъ зеленаго пространства; это страхъ какъ хорошо. Au reste, Londres je crois est ce qu'il a de moins curieux en Angleterre, c'est une capitale comme tant d'autres, de la boue, des echoppes, quelques belles rues, voila tout. Quand au pais c'est bien different; il s'en faut que le spirituel Simon ait epuisé la matiere; il y aje vous assure cent mille choses a dire encore qu'il n'a point dites. Ce qui frappe le plus au premier coup-d'oeil, c'est d'abord, qu'il n'y a ponit de province, ce n'est absolument que Londres et sa bonlieue; ensuite, de voir la grande quantité de monde qui court le pais, la moitié de l'Angleterre est en voiture.

La sirconstance de mon débarquement a une grande distance de la capitale m'a value l'avantage de voir près de deux cent lieux de pais anglais.—J'étais très pressé de me trouver à Brighton; je me mis donc en route aussitôt que j'eus terminé l'affaire du passeport et touché quelque argent. Arrivé, j'appris que l'on était dans la propre saison des bains de mer. Le séjour de Brighton me paru délicieux dans le commencement; mon enchantement était tel, que me promenant le long de la mer le lendemain de mon arrivée, je ne pouvais m'empêcher de m'écrier plusieurs fois, qu'ai-je douc fais pour mériter tant de plaisir; et le plaisir était si vif que je me le reprochais, quand je songeais à vous, à ma tante et à Lise, à vos peines et à vos ennuiés. Pour vous faire concevoir ce sot ravissement, il faudrait vous accabler de descriptions et de peintures, cela ne finirait pas: il faudrait vous dire, que c'est la plus jolie ville du monde, qu'elle est le rendez-vous du *fashionable world*, etc. etc. au lieu de tout cela vous n'aurez que cette petite gravure. C'est dans une de ces maisons que j'ai demeuré; ces espèces de quérites embulantes que vous voye au bord de l'eau, c'est là—dedaus que l'on va à la mer. Je me baigne presque tout les jours,—et entre nous soit dit je ne vois pas trop que cela me fasse du bien,—mais c'est une grande jouissance. Il faut que vous sachiez qu'au milieu des impressions, sensations, et reflexions qui se pressent dans mon esprit et dans mon âme rien ne peut me distraire de mon amour pour la mer.

Au moment où je vous ecris, j'habite une maison de

campagne, a Cottage, à quelques lieux de Brighton et à deux portés de fusil de la cote. Je paye 3 guinees par semaine ¹⁾, logement et pension pour moi et mon valet. Vous avouerez que c'est fort peu de chose,—surtout si l'on considere que ma maison est tapissée de lierre et de vigne, qu'elle est au milieu des montagnes et que j'ai dans mon petit jardin des cypres, des lauriers et un rosier qui s'élève à hauteur du toit et dont les fleurs se balancent dans ma fenetre.

Теперь ты спросишь, доволенъ ли я? божусь, не знаю; дай опомниться.—Признаюсь тебѣ въ-протчемъ, что завираться по прежнему въ письмахъ какъ-то боюсь; меня пугаетъ твой грозный видъ; на всякое слово отъ души мнѣ слышеться: *emphase, vanité, притворство, faiblesse!* Прости меня мой милой другъ за эту выходку, и ради Бога не принимай за выговоръ. Покойнику Руссо говорили тоже, люди не хуже тебя; онъ въ отвѣтъ озарялъ свѣтомъ генія своего и ихъ и весь родъ человѣческій,—этаго я дѣлать признаться не умѣю,—а любить умѣю. Если читая эту галиматью, мой другъ, ты улыбнешся то я виноватъ, если же наморщишься, то я правъ.

Когда то я отъ тебя получу письмо? Банкиру своему вѣлелъ я посылать ко мнѣ письма въ Брейтонъ, но еще не получалъ. Не затрудняетъ-ли тебя адресъ? очень просто: *à Monsieur Monsieur Baring à Londres, pour remettre à M. le capitaine Tschadaieff.* Второе письмо напиши такимъ же манеромъ въ Парижъ,—Ротшильду (Rotschild), о третьемъ говорить еще нечего. Если почувствую отъ морскаго купанья помощь то пробуду здѣсь или въ Брейтонѣ мѣсяца полтора, а тамъ поѣду на зиму въ Парижъ. Если же нѣтъ то уѣду прежде. Я живу здѣсь въ близи отъ острова *Вейтъ* извѣстнаго по живописнымъ своимъ видамъ; погода прелѣстная, но дни коротки, потому не знаю решусь ли съѣздить туды погулять.—Если тетушка будетъ спрашивать о моемъ адресѣ, то попроси ее доставлять къ тебѣ свои письма для отсылки, недѣля или двѣ разницы ничего не значитъ, главное дѣло чтобы доходили.—Якушкину, скажи или отпиши, чтобы онъ не сердился на меня, за то что не пишу—не повѣришь какъ скучно

¹⁾ Ce qui revient à 30 r. argent de Russie

писать тоже къ двумъ или тремъ. Когда поселюсь на несколько времени въ Парижѣ то опишу ко всѣмъ.

Прости мой милый другъ. Про здоровье свое мнѣ нечего тебѣ сказать; никакого измѣненія нѣтъ; иногда хорошо, иногда очень дурно; бурное наше плаваніе было истощило меня—но теперь я несколько поправился. Болѣзнь моя совѣршенно одна съ твоею, только что нѣтъ такихъ сильныхъ пальпитаций какъ у тебя потому что я не отравливаю себя водкою какъ ты. Когда будешь писать комнѣ объ своемъ здоровьѣ пиши по обстоятельнѣе моего, потому что пароксизмы твои тяжелѣе, отъ того что ты отравливаешь себя водкою, и несравнѣнно опаснѣе, отъ того что ты себя отравливаешь водкою. Прости мой милый.

(есть P.S.)

P.S. Не знаю написалъ ли я тебѣ все что желаешь знать про меня и про мое странствіе? есть разные подробности которыя тебя очень занимають, а меня нѣтъ. Можетъ бы хочешь знать не затрудняетъ ли меня слуга? не очень; по сихъ поръ это не вводитъ меня въ чрезвычайныя издѣрки. Впрочемъ есть тысячу средствъ прожить дешево въ Англіи, но надобно ихъ узнать, а за науку заплатить. Тѣмъ домовъ въ родѣ нашей тавернѣ, Boarding-houses, въ которыхъ чрезвычайно дешево жить. Сверхъ того, газеты наполнены объявленіями о семействахъ предлагающихъ взять къ себѣ на содержаніе одного или двухъ господъ, gentlemen. По деревнямъ, въ прекраснѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, въ самыхъ красивыхъ домикахъ, увидешь бумажки на окнѣ съ надписью: Lodgings таже съ содержаніемъ. Такимъ образомъ я нашелъ свою дачку. Пріѣхалъ погулять въ городокъ названіемъ Ворзингъ, спросилъ gig поѣздить по окрестностямъ; мальчишъ подвѣзъ мнѣ таратайку, сошелъ и подалъ бичъ, я хлестнулъ по лошади и поѣхалъ въ горы. Въ концѣ каштановой аллеи увидалъ этотъ домикъ, и—взялъ его на недѣлю.—Однимъ словомъ все что я предвидѣлъ справѣдливо.

Можетъ быть пожелаешь побольше описаній и разказовъ, этому не было бы конца мой другъ. Разумѣется всякая вещь замѣчательна, но всего не напишешь, это бы былъ journal de voyage. Къ тому же, съ тѣхъ поръ какъ живу на дачѣ, въ уѣдиненіи; первыя впечатленія по изгладились, а собирать ихъ теперь не хочется.—Разительная вещь! Безпрестанное скаканье этаго народа! Въ некоторыхъ улицахъ Лондо-

на не надивишся! Изъ всякаго трактира, ежечастью по несколько дѣсятковъ каретъ, всѣхъ возможныхъ видовъ, отправляется во всѣ части государства и въ окрестности столицы—одна другой лучше и забавнѣе.—Еще разъ мой другъ прости—*vale et me ama*.

Сдѣлай дружбу поклонись Натальѣ Дмитріевнѣ—да про себя постарайся мнѣ изъяснить *comment vous concevez votre existence à Хрипуново—et quelles espèces de jouissances y avez vous?*—Адресъ лучше писать: *a Londres, Messieurs Barinз freres et C.*—это ихъ комерческая ихъ фирма—а потомъ *pour M. le capit. Tschaad*.

5.

20 Ноября. Лондонъ.

Двѣ недѣли тому назадъ написалъ я тетускѣ что ѣду въ Парижъ и что къ тебѣ мой другъ писать болѣе не буду изъ англій, вмѣсто того простудился и остался здѣсь; потомъ когда выздоровѣлъ еще остался на несколько дней чтобы видѣть празднество Лорда-Мера, и теперь все еще здѣсь живу самъ не знаю зачѣмъ. Решительно ѣду чрезъ недѣлю. Я доволенъ что видѣлъ англію хотя не могу сказать чтобы хорошо разглядѣлъ сквозь туманъ. Объ этомъ туманѣ, кто не видалъ понятія имѣть не можетъ. Въ Лондонѣ иногда днемъ ѣздятъ съ фонарями, а когда ночью случится то народъ бѣгаетъ по улицамъ и аукаетъ какъ въ лѣсу, едва виденъ свѣтъ огней, и много народа гибнетъ. Желалъ бы тебѣ рассказать много чего, но по разнымъ притчинамъ не могу, изъ коихъ перъвая, что не умѣю; сколько ни брался за перо, ни строки не могу написать. Отгадай кто етому виновать? ты, мой другъ; ты самъ безсловѣстное животное и меня сдѣлалъ безсловѣстнымъ. Странно и смѣшно; мараю и поправляю какъ будто пишу къ любовницѣ: боюсь написать вздоръ а дѣла написать не умѣю. Не смѣшно ли на примѣръ что пишу къ тебѣ объ туманѣ какъ будто въ англій ничего нѣтъ любопытнѣе тумана! Чтобы не написать тебѣ письмо пустое и неудовлетворительное, чтобъ незавратъся, все нужное скажу разомъ. Я вскорѣ послѣ того какъ написалъ перъвое къ тебѣ письмо бросилъ свою деревушку и горы и перешелъ въ сосѣдній городъ Ворзингъ; въ деревнѣ противъ моего чаяніе здоровье мое по разстроилось; въ городѣ нашелъ я доктора который

меня воскресилъ; рецепты его сохраняю, ими живу; полагаю что и тебѣ пригодятся, болезнь наша совершенно одна. Изъ Ворзинга ѣздилъ я въ Портсмуть и на островъ Вейтъ и по другимъ живописнымъ мѣстамъ. При всѣхъ этихъ прогулкахъ разумѣется тѣма разныхъ случаевъ и подробностей любопытныхъ и забавныхъ; розсказать тебѣ ничего не умѣю и лень; мое нервическое разположеніе, *je le dis en rougissant*, всякую мысль превращаетъ въ ощущение, *si bien qu'au lieu de l'expression je ne trouve jamais q'un rire, qu'une larme ou qu'un geste*. Я по большей части разѣзжалъ по англійи одинъ, безъ Ивана, и увѣрился такимъ образомъ, что безъ труда могъ бы безъ него обойтись, онъ мнѣ дорого стоитъ, дѣлать нечего.—Я пробылъ слишкомъ мѣсяць въ Ворзингѣ и возвратился въ Лондонъ почти здоровымъ. Полтора мѣсяца какъ я въ Лондонѣ; все видѣлъ что могъ но не все что желалъ. Отправляюсь въ парижъ и признаюсь что небезъ сожаленія оставляю англійю, *ce coin de la terre est bien de mon gout*; но остаться здѣсь не возможно, надобно поселиться, безъ того и дорого и скучно.—Въ Лондонѣ получилъ я два твоихъ письма, престарые! Въ одномъ пишешь что совершенно доволенъ своимъ житьемъ въ Хрипуновѣ и что здоровъ какъ никогда не бывалъ; за эту милую новость тебѣ мой другъ спасибо, сто разъ спасибо. Тетушка думала что тебя замучатъ дѣла крестьянскія; а братъ Якушкинъ полагалъ что ты тамъ съ ума сойдешь отъ скуки, или женишься, или покрайней мѣрѣ повѣсишься; вмѣсто того, ты живешь тамъ какъ въ раю. Я этому ничуть не дивлюсь; крестьянскія дѣла не служба, долгой ящикъ при тебѣ; *daillieurs ces bonnes gens sont-ils donc si pressés de jouir de ce bonheur que vous leur preparez?* *je ne le crois pas*; но пуще всего безпредѣльная, золотая независимость! люди и связи людскія не необходимы для тебя, игрушки! въ твои же лѣта какъ не прожить безъ игрушекъ? я и самъ живу безъ нихъ, давно.

Въ другомъ письмѣ пишешь что Лихачи негодуютъ и предлагаешь свои услуги; съ Богомъ мой другъ! прими ихъ подъ свое высокое покровительство; не понимаю впротчемъ почему они мнѣ не жаловались; Степанъ не могъ имъ помѣшать, онъ зналъ что ты будешь въ Хрипуновѣ. Я посылаю тебѣ офиціальное письмо; естлиже полагаешь что нуженъ настоящий документъ, то пришли.—Оброка они платятъ 10,728 рублей, кромѣ хлебныхъ сборовъ. Что касается до лѣса, то 1) Вырученные за него деньги опредѣлены на уплату заня-

тыхъ мною въ нынешнемъ году 2500 рублей изъ рекрутской суммы; за лѣсъ примѣрно положено было получить 1764 рубли, остальные же 736 рублей дополнить фурсовскимъ билетомъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, 2) Нуждающимся вѣлено выдать потребный лѣсъ и впредь давать безъ затрудненія, и такъ кому нуженъ тотъ пусть требуетъ, отказу быть не можетъ. Впрочемъ дѣлай мой другъ что тебѣ угодно, на все имѣешь мое согласіе; я даже прошу тебя во всемъ поступать по собственному своему разсмотрѣнію; *ces détails étaient nécessaires pour vous éclairer.*

6.

Парижъ. 1 Генваря 1824 года (По руски 22 декабря).

Мой другъ, вотъ тебѣ письмо, написанное въ Лондонѣ слишкомъ мѣсяцъ тому назадъ; не спрашивай почему оно не было послано въ свое время? Не знаю, а думаю что отъ лени; никакъ не умѣлъ всего сказать, что хотелъ; всё собирався заключить и не умѣлъ. Но скажи, ты почему ко мнѣ не пишешь? Почему тетушка не пишетъ? Неужто съ августа мѣсяца вы ко мнѣ не писали? Быть не можетъ! Но гдѣ же эти письма? Всѣ Рускіе получаютъ здѣсь письма изъ дому въ 17 и 20 дней. Адресъ вамъ мой былъ извѣстенъ: М. Rotchild; и то вамъ извѣстно что писать ко мнѣ надобно въ Парижъ; однимъ словомъ, не знаю чему приписать ваше молчаніе, дивлюсь и пугаюсь. Ты можетъ стать ленишься, это не чудо, но тетушка лени не знаетъ; къ тому же я къ ней писалъ два раза изъ Лондона и послалъ къ ней картинки, въ которыхъ есть пара для тебя, не можетъ быть чтобы она не отвѣчала! Пишите ко мнѣ, мои милые, ради Христа Бога. Я въ Парижѣ первые дни бѣгалъ по городу, искалъ по улицамъ воспоминаній, не могу сказать, чтобы много нашелъ. Мнѣ даже съ начала показался Парижъ не такъ шуменъ, не такъ веселъ, какъ прежде, послѣ я догадался что не Парижъ, а я перемѣнился. Я нашелъ здѣсь стараго знакома, Мейндорфа, съ нимъ живу. Рускихъ здѣсь множество, болѣе ста, много знакомыхъ; я никого изъ нихъ не вижу, живу, какъ будто на Кисловкѣ; по улицамъ шататься теперь не вѣсело: грязь страшная. Ожидаю вѣсны съ нетерпѣніемъ. Я живу подлѣ Тюльерійскаго сада, и много общаю себѣ радости отъ его зелени и тѣни. Вѣсну всю проживу здѣсь, а въ концѣ

мая поплетусь въ Швейцарію, тамъ пробуду лѣто. Вотъ, покажѣсь мои планы. Я помню мой другъ что отпускъ мнѣ данъ только на годъ, но въ годъ не успѣю всего сдѣлать. Пришлите мнѣ отсрочку на шесть мѣсяцевъ, болѣе не требую. Неужто мнѣ не видать Италіи! Здѣсь житье предешевое, я не проживаю тысячи франковъ въ мѣсяцъ, въ Англіи много лишняго издѣржалъ, здѣсь надѣюсь поправить свои финансы. Самая дорогая часть моего странствія окончена; теперь остаются однѣ дешевыя земли: Швейцарія, Италія и Германія. Сверхъ того приобрѣлъ я несколько опытности и не скажу чтобы дорого за нѣе заплатилъ. Не смотря на то, первое мое распоряженіе не годится, я признаюсь, что ошибся въ своемъ ращетѣ, я полагалъ, что проживу однимъ доходомъ, теперь вижу что придется пожертвовать десятию тысячами на эту забаву. Вотъ, мой другъ, новое мое распоряженіе. Когда получишь это письмо, въ приходѣ должно у тебя находиться моихъ денегъ до 10,000 рублей за генварскою уплатою процентовъ въ воспитательный домъ. Эти деньги отошли чрезъ комерческой банкъ въ Петербургъ къ Штиглицу *) и въ тоже время напиши къ нему что такіе то деньги къ нему посланныя просишь переслать къ брату твоему въ Парижъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ заплати долгъ Перфильеву и проценты Кобылиной, въ слѣдующемъ же Генварѣ выплоти весь долгъ Кобылиной. Фонъ-Визинскій долгъ которому срокъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ возьми мой другъ на себя, этими деньгами я принужденъ пожертвовать на свое путешествіе. Какъ быть! Не дивись мой другъ что издѣржалъ я болѣе нежели какъ располагалъ и не осуждай меня. Въ ращетѣ нашемъ мы не включили моего здоровья. Я полагаю, что ты теперь въ Москвѣ, слѣдственно письмо мое получишь въ половинѣ января мѣсяца. Мой другъ, естли ты не писалъ ко мнѣ прежде этаго, то сдѣлай милость отвѣчай на это письмо, не мѣдя и не ожидая посылки денегъ, онѣ мнѣ не нужны прежде августа, время терпитъ и торопиться тебѣ нечего. Не позабудь что мнѣ не объ одномъ тебѣ нужно знать: объ тетушкѣ, объ К. Лизаветѣ, объ Шаховской, объ К. Иванѣ, о братѣ Якушкинѣ и объ Облеуховѣ. Всѣмъ кого изъ нихъ увидишь поклонись, а

*) Штиглицъ, на англійской набѣрежной въ собственномъ домѣ; написать можешь по руски;—или можешь отослать деньги къ Степану Иванову крестьян. К. Д. М. а онъ ихъ отнесетъ къ Штиглицу.

въ письмѣ своемъ разскажи подробно всё, что до нихъ касается. Когда увидишь Якушкина попроси его напомнить обо мнѣ Надѣж. Ник. и его женѣ. Тетушку поздравь съ новымъ годомъ; писать ей буду я на будущей недѣлѣ. Прости мой милый другъ. Не сердись на меня за то что рѣдко пишу къ тебѣ и можетъ быть не такъ, какъ бы тебѣ хотелось.

Твой братъ Петръ.

Внизу помѣтка рукою Мих. Як.:

Отвѣтъ на это письмо посланъ 30 ян. изъ Хрипунова. Письмо это получено 26 го Генваря.

7.

15/3 февраля. Парижъ.

Скажи мой милый что съ вами сдѣлалось? никто ко мнѣ не пишетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я за границею ни на одно письмо свое не получаю отвѣта. Первое написалъ изъ Йельзингора въ Юль мѣсяцѣ; этому слишкомъ пять мѣсяцевъ. Изъ Англіи написалъ я къ вамъ четыре письма, два изъ деревни и два изъ Лондона, наконецъ изъ Парижа—перваго Генваря н. шт.—два письма. Ни на одно нѣтъ отвѣта. Во всё время получилъ я отъ васъ три письма, два твоихъ и одно тетускино, всё три отъ августа мѣсяца. Четыре мѣсяца какъ я получилъ эти письма; съ тѣхъ поръ ни слова!

Пишу безъ всякой надѣжды. Всѣ ращеты и всѣ разсужденія истощилъ, ничего удовлетворительнаго выдумать не могу. Списокъ моихъ банкировъ у васъ есть, свѣрхъ того во всякомъ своемъ письмѣ писалъ я куды и какъ ко мнѣ писать. Предположить, что письма наши задѣрживаютъ невозможно. За чѣмъ? Чтобы вы ко мнѣ не писали также не могу предположить; что письма ваши ко мнѣ еще не дошли быть не можетъ болѣе мѣсяца письма изъ Россіи не бываютъ въ пути. Въ домѣ въ которомъ я живу три Рускихъ всё во время получаютъ письма.

Нечего говорить вамъ про мою печаль; разумѣется вы знаете каково жить въ чужой землѣ безъ всякаго извѣстія объ своихъ родныхъ. Можетъ быть вы также ко мнѣ пишете, пишете, а отвѣта не получаете и также горюете, какъ и я. Pour moi, ma peine est si grande que litteralement je ne saurai l'exprimer. Les idées les plus noires me passent par la

tête. Si par hasard il n'y avait que de la negligence de votre part, mon ami, tachez, de faire un effort et écrivez moi. Une seule idée me console; impossible qu'il vous soit arrivé quelque grave malheur ne m'en aurait on pas fait part!.. Письма свои обыкновенно адресую въ домъ К. Д. М. на Дмитровкѣ. Можетъ статься Акимъ не принимаетъ ихъ. Плата за заграничные письма довольно значительна, а, отъ васъ, можетъ быть не имѣетъ препорученія. Можетъ быть также и то, что принимаетъ однѣ письма на имя тетушкино. За это письмо заплачу впередъ.

Прости мой милый другъ. Изъ Лондона послалъ я къ тетушкѣ большой пукъ картинъ; получили ихъ? Къ тебѣ писалъ въ одномъ письмѣ объ дѣлахъ деревнѣскихъ, въ другомъ объ деньгахъ, обстоятельно и съ полнымъ рачетомъ. Повторять всё это не вижу нужды, да и признаться не имѣю духа говорить объ этихъ пустякахъ одно скажу: съ имѣніемъ дѣлай что хочешь; объ моей пользѣ не думай, а объ крестьянской. Если въ мартѣ не получу отъ васъ писемъ, сяду на корабль въ Гаврѣ или Марселѣ и отправлюсь домой.

Когда станешь писать, скажи сколько писемъ получилъ и сколько написалъ, и какъ къ тебѣ писать? Ты вѣлелъ письма мои адресовать въ Хрипуново, это глупо, надобно въ Москву. Всего лучше въ домъ К. Д. М. подъ Дѣвичьемъ, а тамъ препоручи получать письма и дай на это деньги. Твоему Марки не годиться; онъ можетъ перемѣнить квартиру, умерѣть.

Я слава Богу здоровъ; вы каковы, Богъ знаетъ!

Твой братъ Петръ.

Вотъ, тебѣ другой адресъ, попробуй, не будетъ ли лучше? Два пакета, на одномъ:

Madame, Madame Raimond.

Rue du Dauphin № 6. Hotel de Sully.

На другомъ

Pour Monsieur le capitaine de Chadaieff.

Изъ почтамта можно вытребовать непринятые письма. Если вы писали въ Англію, судно почтовое могло погибнуть; впрочемъ помнится мнѣ, что я, въ одномъ изъ своихъ писемъ, не вѣлелъ вамъ туды писать, а въ Парижъ. Отвѣтъ на письмо мое изъ Парижа, 1-ое Генваря написанное ожидаю въ первыхъ числахъ марта н. ст., an plus tard.

Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву.

Chere tante! Voici une lettre pour Michel que je vous prie de vouloir bien lui envoyer. Je me porte à merveille et me trouve très bien a Paris. Ma seule peine, c'est de ne pas avoir de vos nouvelles depuis plus de 5 mois. Je vous écrirai demain.

8.

1 Апрелья н. ст. Парижъ.

Наконецъ мой милый другъ получилъ я отъ тебя письмо; нѣсколько дней прежде получилъ отъ тетушки два радомъ, потомъ еще одно отъ нѣя же и наконецъ отъ княж. Лизаветы. Вы всѣ слава Богу живы и здоровы. Какова была моя радость сказать тебѣ не умѣю. Тетушка такъ растрогалась моими жалобами что я не радъ и жизни что жаловался; въ послѣднемъ своемъ письмѣ особѣнно пишетъ прежалобныя вещи и съ обыкновенною своею добротою бранить себя и обвиняетъ непростительнымъ образомъ. Но скажи, какъ мнѣ было не жаловаться? Целыхъ пять мѣсяцевъ не имѣлъ объ васъ никакого извѣстія! Она пишетъ что собирается ѣхать съ княжною въ Витебскъ. Эта добрая тетушка всегда готова служить своимъ роднымъ; шутка ли въ ее лѣта, съ ее нездоровьемъ, и въ эту пору пуститься за пять сотъ верстъ! Я съ нетерпѣніемъ стану ожидать дальнѣйшаго извѣстія объ этой поѣздкѣ.

На твое прелюбезное и преогромное письмо отвѣчать не бездѣлица. Во первыхъ, Шаликовъ тебя напугалъ напрасно; переѣздъ мой изъ Довра въ Кале былъ самый благополучный и пріятный, не болѣе четырехъ часовъ въ морѣ и при прекраснѣйшей погодѣ. Во вторыхъ, здоровье мое несравнѣнно лучше прежняго лѣкарствъ болѣе не принимаю; все дѣло теперь состоитъ въ одной слабости желудка; противъ этого одно средство—дѣта и правильная жизнь; когда живешь на мѣстѣ это ничего не стоитъ, въ дорогѣ другое дѣло. Ты мой другъ, про свое здоровье ничего не пишешь. Тетушкѣ сказывала княгиня П. Д. что ты потолстѣлъ: Правда ли? Я этимъ переразсказамъ не больно довѣряю. Ты, вообще ни слова не говоришь объ себѣ, хорошее ли это дѣло! Въ прежнихъ своихъ письмахъ писалъ, что совѣршенно доволенъ своимъ положеніемъ, теперь ничего болѣе не говоришь. Что это значить? То ли что ты также доволенъ, какъ

и прежде, или то что ты скучаешь, а мнѣ этого сказать не хочешь? Лѣто, полагаю, провелъ ты довольно весело, въ поляхъ и лѣсахъ, но какъ сладилъ ты съ зимою? Въ твоёмъ покоѣ чай стужа страшная, ветеръ дуетъ и бѣгаютъ тараканы.

Я тебѣ сказалъ что писавши къ тебѣ мараю и поправляю какъ будто пишу къ любовницѣ; ты надъ этимъ смѣешься и приписываешь это тщеславію; теперь повторяю тебѣ еще разъ тоже самое и увѣряю тебя, что это письмо начиналъ сто разъ, то по французски, то по русски. Не хочу тебѣ сказать ничего кромѣ необходимыхъ вещей и чувствъ самыхъ простыхъ дружбы и любви, но словъ ни на что не нахожу и съ досадою бросаю перо. Суди это какъ хочешь.

Напримѣръ, мнѣ бы хотѣлось сказать тебѣ, что обвиняешь меня въ тщеславіи напрасно, потому что безъ всякаго тщеславія можно краснеть, когда чувствуешь, что мѣлишь вздоръ, и что если ты этого не разумѣешь, то это потому, что тебя Богъ обобралъ столькимъ.

Еще хотѣлось бы мнѣ тебѣ сказать, что не надивлюсь, какъ ты чувствуешь нужды мнѣ сказать слова два про твое житье бытъ въ деревнѣ? Еще, что по пальцамъ знаю, что было въ томъ письмѣ, которое ты съ почты воротилъ, а именно: „какъ де тебѣ не стыдно шататься по свѣту и оставлять крестьянъ своихъ безъ попеченія, проживаться, а что всего хуже скучать даже путешествуя”. На все на это разумѣется желалъ бы тебѣ представить нѣкоторыя возраженія, тѣмъ болѣе, что и въ томъ письмѣ, которое получилъ en resume, тоже самое только въ другихъ словахъ, но ничего дѣльнаго сказать не умѣю и потому прошу тебя только быть по снизводительнѣе; это намъ будетъ обоимъ выгодно; *à vous parceque la tolerance est une vertu très douce à exercer, à moi parceque j'en ai besoin. Je ne vous dirai encore qu'une chose. J'avoue, quoi que je sache, que vous ne fassiez grand cas des aveux, qu' une imagination nerveuse me fait prendre souvent le change sur mes propres sensations et me fait s'apitoyer ridiculement sur mon propre etat; mais dites, quel mal cela fait—il au prochain?*

Quand a la defense que vous me faites d'aller en Italie, je suis sur que vous la revoquerez si vous y reflexissez un peu. Que ma tante me dise de revenir et cela le plutôt possible, je n'en suis guère surpris, je ne sais que trop combien mon absence la chagrine et l'idée de son ennui me fait plus de peine que je puis vous le dire. Mais pour vous, je vous croyai assez

sage pour ne pas vouloir me détourner de ce voyage. Si l'Italie n'offre rien de séduisant à votre imagination, c'est que vous êtes un Huron mais moi qui ne le suis pas pourquoi voulez vous me priver du plaisir de la voir. Comment d'ailleurs voulez vous que me trouvant en Suisse, aux portes même de l'Italie et que voyant du haut des Alpes son beau ciel, je m'abstienne de descendre sur cette terre que l'on est habitué dès l'enfance à considérer comme un pays enchanté? Songez, qu'outre les jouissances présentes qu'offre ce voyage, c'est encore une aubaine de souvenirs qui vous restent pour la vie et votre atrabilaire philosophie même conviendra je pense qu'il est bon de faire provision de souvenirs pour quiconque surtout est si rarement satisfait du présent. Encore une fois, je suis sûr que si vous y réfléchissez vous me donnerez votre consentement, mais je vous déclare, mon ami, que c'est un consentement, formel et entier que je vous demande, car je n'entends pas me charger dans ce voyage, dont je me fais une fête, de la fâcheuse pensée que vous n'y avez pas donné les mains de bon cœur. Je vous promets du reste que c'est la dernière violence que je vous fais de la vie. Quand au temps ce n'est que six mois de plus, et il faut que vous sachiez que j'en ai beaucoup devant moi, vu que le fameux Gall, le craniologue, qui a été mon médecin, m'a déclaré que je vivrai une éternité vous voyez d'après cela que j'ai tout le temps encore de mettre ordre à mes affaires avant de mourir et même de me corriger.

Изъ всѣхъ твоихъ разсужденій одно похоже на дѣло, а именно объ деньгахъ. На этотъ счетъ имѣю я тебѣ доложить слѣдующее. Я уже тебѣ признался, что въ расчетѣ своемъ ошибся, тебѣ этого мало, тебѣ желалось бы, чтобъ сверхъ того признался, что я безшестная скотина; съ большимъ удовольствіемъ. Вѣрь или не вѣрь, все произошло отъ слуги, котораго я взялъ съ собою изъ жалости; безъ того увѣряю тебя что не изстратилъ бы ни гроша сверхъ предполагаемаго. Увидевши же, что мнѣ съ нимъ нельзя прожить чемъ разщитывалъ, рѣшился покупать разныя вещи: книги картинки, бѣлье и проч. Однѣхъ книгъ купилъ на 1500 фр., картинъ на 1000. Что доходы мои поубавятся по возвращеніи моемъ, это сущая правда, но разсуди что это путешествіе послѣдняя моя шалость, что послѣ этого мнѣ нечего болѣе будетъ дѣлать, какъ быть умнымъ какъ ты и поселиться въ деревнѣ. Эту послѣднюю шалость позволь мнѣ додѣлать, какъ

можно повеселѣе и поудобнѣе. Впрочемъ, гдѣ бы я возвратившись, не поселился, въ Москвѣ ли, въ будущей подмосковной, или въ Лихачахъ, съ меня будетъ того, что останется. Этому не мудрено будетъ тебѣ повѣрить, если потрудишься вспомнить, какъ я прожилъ прошлые два года, и что хозяйства мнѣ новаго заводить не прійдется, потому что все мое добро цело.

Написавъ это, взглянулъ еще разъ на твое письмо и вижу что вы съ тетушкой не на шутку требуете, чтобы я съ полученія сего нimalo не мѣдля имѣлъ къ вамъ явиться. Естьли въ васъ Богъ! хотъ разъ въ жизни будьте разсудительны. On dirait à vous entendre qu'il n'est pas permis à un homme de sens de faire le voyage de l'Italie. Tout ce que vous dites à ce sujet après en avoir detaché la part de l'amitié, on aurait envie de la prendre pour de mauvaises plaisanteries. Vous me parlez sans cesse de la promesse que j'ai faite de revenir dans un an; croyez vous que cela soit généreux? Vous qui aimez tant à prêcher contre l'egoisme comment appelez vous ce que vous faites la? Car vous ne sauriez me persuader que vous craigniez serieusement pour moi les Carbonaris et le Vesuve; vous ne pensez pas je suppose que j'aïlle me jeter dans le crater du volcan au moment d'une irruption ou que je me fasse ensevelir sous ses cendres, comme Pline pour mieux observer le phenomene. Quand aux carbonaris, suis je donc une puissance? Je ne veux pas vous faire la guerre, mon bon ami, mais convenez qu'il y aurait de quoi. Aussi bien, chacun aime les gens a sa manière. Ma tante, par exemple, c'est pour les voir, moi, pour en être aimé en retour et vous, c'est pour les gronder et pour partager votre bien avec eux; faisons chacun ce que nous savons faire, mais tâchons cependant d'être raisonnables.

Je sais aussi, qu'outre la peine de la séparation et les craintes que mon imprudence et ma légèreté ne m'entraînent dans de folles dépenses, mon voyage vous cause encore d'autres soucis et vous accable de toutes sortes de soins; aussi croyez que ce n'est pas sans peine que je me résigne à vous donner tout cet embarras. Mais vous l'avez voulu, vous même et je compte sur votre amitié.

Ты говоришь, что мнѣ еще понадобится другія 10,000 можетъ быть, но объ деньгахъ, сдѣлай милость, не заботся и дай мнѣ это путешествіе докончить порядочно. Мнѣ бы очень хотѣлось тебѣ изъяснить, что тутъ нѣтъ никакой бѣды и что если мнѣ останется по возвращеніи моемъ 12,000 до-

ходу, то я буду страхъ какъ доволенъ. О Парижѣ я тебѣ ничего не говорю, ты самъ не вѣлелъ; скажу тебѣ только что здѣсь есть два старыхъ нашихъ знакомцевъ, Дюгаръ и Мад. Теодоръ. Оба они на лучшихъ здѣшнихъ театрахъ и очень любимы публикою, особенно М. Теодоръ. Вчера виделъ я въ первый разъ человѣка также намъ незнакомаго, Максима Ивановича Дамаса, въ видѣ министра, въ палатѣ депутатовъ; онъ взлѣзъ на кафедру и страхъ какъ заврался; мнѣ хотѣлось ему закричать: ужо тебя Криднеръ!

Прости, мой милый другъ. Люби меня какимъ хочешь манеромъ; бранись сколько тебѣ угодно, только не сердись, вовсе не за что.

8 апрѣля н. шт.

Твой братъ Петръ.

Тебя всякая вещь, мой милый, затрудняетъ; ты возишься съ адресами, не разумѣя 1-ое, что со всякимъ адресомъ письмо дойдетъ, 2-ое что Штиглицъ первый банкиръ въ Петерб., а Ротшильдъ первый въ свѣтѣ, что полагаю сказывалъ тебѣ нѣсколько разъ К. Шаликовъ. Мой адресъ все тотже: Mad. Zaimond, Rue du Dauphin N° 6 pour remettre à M. Chadaieff. Когда отъ сюды поѣду, пришлю другой; изъ Женевы же, или изъ Лозанны, не тронусь безъ вашего мои милые позволенія. Si vous faites les cruels, il faudra me resoudre à faire le tour de l'Italie au galop, ce qui pourrait bien, abimer ma santé.

За Лихачевскую просьбу премного благодаренъ; изъ нея узналъ, что крестьяне совершенно довольны; жалуются на одну только вещь пустую, не про что же другое ни слова не говорятъ. Напиши мнѣ, мой другъ, каково мѣстоположеніе Лихачей?

Деньги еще не пришли. Не худо бы тебѣ занять на всякій случай 10,000 въ восп. домѣ и держать ихъ у себя. Если же это не возможно, по притчинѣ существующаго запрещенія на Хрипуново, то надобно будетъ въ крайности попросить Лихачевскихъ крестьянъ дать изъ рекрутской суммы. На заложеніе Лихачей мнѣ нельзя прислать къ тебѣ довѣренности, потому что для этого нужно подробное описаніе имѣнія.

Ради Бога побольше пиши про себя; нельзя ли нѣсколько словъ объ крестьянскихъ дѣлахъ? Все ли идетъ по твоему желанію? Не встрѣчаешь ли какихъ-нибудь досадныхъ помѣшательствъ? Несколько подробностей про свое житіе и здоровье? Пьешь ли водку? Да, сдѣлай милость, поста-

райся меня увѣрить, что письмо мое въ тебѣ никакого не произвѣло гнѣвнаго чувства.

Je sais bien qu'il n'y a rien de répréhensible dans ce que je fais, mais il m'importe de m'assurer que je n'aggrave pas les peines de notre separation.

А тетушку извести, что прошлыя бури вовсе неопасны и что Везувій не всегда пышетъ огнемъ. Что ни говори, ни на что же похоже, что вы меня, не пускаете въ Италію! Богъ вамъ судья!

Княгинѣ мой поклонъ; попроси ее написать мнѣ сколько въ ее ребенкѣ росту; мнѣ это нужно, чтобы удобнѣе его вообразать себѣ.

C'est la sixiem page, et je ne vous ai pas dit encore la moitié des choses que j'avais à vous dire. Ce sera pour une autre fois. Vous—ai—je—dit ce que je faisais à Paris?

Это письмо посылаю къ Марку; заграничныя письма стоятъ дорого; надобно ему дать денегъ, и вѣлетъ ему взять нужныя мѣры, въ случаѣ болѣзни и перемѣны квартиры.

Якушкину поклонъ, а онъ чтобы Надеждѣ Николаевнѣ и своей женѣ поклонился.

Я позабылъ тебѣ сказать, что такъ какъ твое сложеніе одно съ моимъ, слѣд. ты проживешь столь же долго, какъ и я, съ чемъ и имѣю честь тебя поздравить!

9.

Paris 12/1 avril.

Mon cher ami, je vous ai écrit hier, aujourd'hui je vous écris encore. C'est pour vous dire un mot de l'argent que vous devez m'envoyer. Il faut que je le touche ici et non pas en Suisse comme je l'avais d'abord décidé. C'est donc vers les derniers jours du mois prochain qu'il faut qu'il arrive à Paris. Cet arrangement m'évitera bien de l'embarras et bien de la dépense. Je ne sais, si en vous disant de l'envoyer à M. Stieglitz, je vous avais dit de lui faire tenir en même temps le billet de la Banque de commerce. Mais vous n'ignoriez pas sans doute, cette formalité nécessaire et je n'avais pas besoin de vous l'indiquer. Si M. Stieglitz vous envoie une lettre de change, vous me la ferez

passer tout de suite par la poste; sinon cela ne doit point vous inquiéter.

Quelques simples que soient toutes ces affaires, elles ne laissent point pourtant j'en suis sur, de vous être très à charge. Au fond Степанъ pourrait faire tout cela aussi bien que vous. Aussi avais je dans l'idée de l'en charger au moment de mon depart vous ne l'avez pas voulu. Dites moi, mon ami, si vous ne vous en repenter pas? Il serait encore bien aise de vous débarrasser de tous ces soins. Vous n'auriez qu'à lui faire part de mes arrangements et de mon adresse. Il faudrait encore qu'il m'envoya une note détaillée de ma terre, afin que je puisse faire rédiger une créance d'hypothèque pour lui.

Je viens au moment même de recevoir encore une lettre de la chère tante Elle m'apprend que l'on n'ira pas à Vitebsk; j'en suis très content. Dans cette saison ce voyage serait affreux, au lieu que si elles vont en été, ce ne sera pour elles qu'une distraction sans peine et sans fatigue.

Le temps continue d'être froid et mauvais; à peine puis-je trouver dans la journée le moment de placer mon tour de promenade obligé; pour m'en consoler, je vous dis que l'été n'en sera que plus beau et plus long. Heureusement, que le mauvais temps n'empêche pas les spectacles d'aller leur train. C'est au théâtre français que je vais le plus souvent, non pas qu'il soit le plus amusant, mais il se trouve sans les

(Здѣсь конецъ листка письма порѣзанъ ножницами въ видѣ городковъ и нельзя разобрать).

mon diner fait, je m'y laisse entraîner, j'y retrouve toujours ma place de l'orchestre et je finis ainsi ma journée le mieux du monde.

Quand vous m'écrirez, mon ami, songez je vous prie à faire réponse aux questions que je vous ai faites et surtout donner moi des nouvelles de votre santé. Voila bientôt un an que vous êtes à Chripounovo; qu'avez-vous fait? Encore une question: croyez vous que nous puissions jamais nous réunir à ma tante et en avez vous le desir? Vale et me ama, ce qui signifie: toujours aimez moi. Une autre fois je serai plus long.

10.

Парижъ 26/14 мая.

Любезный другъ, пришли мнѣ поскорѣ денегъ. Со мною случился вовсе не предвиденный случай. Лошадь моя верховая подо мною спотыкнулась, я перелѣтелъ черезъ голову, не ушибся, но лошадь испортила себѣ ногу. Съ меня требуютъ цену лошади. Эта шутка мнѣ станетъ слишкомъ тысячу франковъ. Я писалъ къ тебѣ два раза; ты, мой другъ, не отвѣчаешь, хорошее ли это дѣло! Въ этихъ письмахъ просилъ тебя поспѣшить посылкой денегъ, для того чтобы ихъ получить здѣсь, а не въ Швейцаріи. Не знаю получилъ ли ты эти письма; оба адресованы были къ Марку; одно предлинное, другое страничка. Сдѣлай дружбу пиши и обстоятельно отвѣчай на всѣ мои запросы. Свое житье въ деревнѣ разтолкуй мнѣ хорошенько. Я своимъ однимъ воображеніемъ ничего не могу себѣ представить. Естьли крестьяне Лихачевскіе не выплатили оброковъ и денегъ нѣтъ, то не бойся меня этимъ испугать, но вышли сколько есть, чтобы было мнѣ съ чѣмъ домой прѣхать.

Я страхъ какъ не доволенъ собою за то, что тебя безжалостно обремѣняю своими хлопотами и божусь не простилъ бы себѣ этого если-бъ не надѣялся, возвратившись въ Россію, повиннымъ своимъ повѣденіемъ загладить вину. Мысль, что я гажу твоё житье, и что безъ меня ничто не нарушало бы твоего спокойствія, скорѣ всего другого меня загонить назадъ въ Россію. Желалъ бы я, чтобы ты мнѣ откровенно сказалъ до какой степени я тебѣ досаждаю? Я знаю, что вмѣсто всего этого, ты бы лучше желалъ, чтобы я сказалъ тебѣ, что живу здѣсь въ радости и весельи. Я таки здѣсь очень пріятно живу, — но нельзя же было не сказать тебѣ, что не радъ жизни, что причиняю тебѣ своимъ путешествіемъ столько заботъ. Моя радость твоя тягость. Прости, мой милый.

Твой Петръ.

Въ то время, какъ писалъ къ тебѣ, входитъ хозяинъ лошади и весьма учтиво говорить, что соглашается на мое предложеніе помириться на 600 фланковъ. Я этого вовсе не ожидалъ, вообрази мое восхищеніе! Я былъ у полицейскаго комиссара и у стряпчаго, всѣ присудили меня заплатить цену

лошади. Въмѣсто того этотъ добрый человѣхъ мирится на половинѣ. Можетъ быть по закону и того много, — но въ чужой землѣ неужто велишь судиться?

Тетушка пишетъ ко мнѣ часто не потвоу. Въ послѣднемъ письмѣ рассказываетъ, что ты былъ въ Нижнемѣ, а теперь ожидаетъ тебя къ себѣ. Всѣ эти разъѣзды по моимъ дѣламъ! Я увѣренъ, что они тебя стоятъ страшнаго труда. *C'est une indignete de ma part de troubler ainsi votre repos d'autant que c'est là tout ce qu'il vous faut; tout le reste vous n'en avez que faire.* Если прошлыя письма получилъ и по нимъ исполнилъ, то деньги должны уже быть въ пути. Выѣхать мнѣ отъ сюды безъ нихъ никакъ нельзя будетъ слѣдъ есть ли скоро не прійдутъ; то пробуду здѣсь болѣе нежели какъ предполагалъ. Сдѣлай милость, расскажи подробно все, что касается до денежныхъ распоряженій. Не встрѣтилъ ли ты какихъ нибудь затрудненій и не проклиналъ ли меня за все за это? Тетушкѣ лучше про этотъ случай не рассказывать; она приметъ это за бурю.

а Moscou (Russie)

Monsieur

Monsieur Chadaeff

Цѣховому Мастеру Марку Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ въ приходѣ Егорья Ендовы въ домѣ дьячка а его просятъ доставить немѣдлѣ Его Высокоблагородію

Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

11.

22 іюля. Парижъ.

Премилый другъ, письмо твое отъ 28 апрѣля и деньги 11,000 рублей получилъ. Не имѣю времени отвѣчать обстоятельно на твое письмо: пишу для того только чтобы тебя успокоить. Я жилъ долго безъ денегъ и перебивался безъ труда, но — до тюрьмы дѣло не доходило. Не имѣя здѣсь ни одной пріятельской души, не могъ занять, и прожилъ самъ не знаю какъ. Продавалъ старое платье, книги и разную дрянъ. По щастію погода стояла предурная все лѣто слѣдственно сидѣть дома не тяжело было, а въ Швейцарію ѣхать было незачѣмъ. Недѣли съ двѣ назадъ, встрѣтилъ я на улицѣ некотораго К. Гагарина; онъ мнѣ предложилъ, тысячу рублей. Я ожилъ, и по старой примѣтѣ, что одно добро никогда безъ другаго не приходитъ, предвидѣлъ что ско-

ро получу твое письмо и деньги. Такъ и случилось. Погода съ того времени стала прелестная и я пустился по окрестностямъ Парижа.

Твое письмо меня не нарадуетъ; ты страхъ какъ милъ и снисходителенъ, а что всего лучше здоровъ и веселъ; моими письмами доволенъ — стало быть все ладно.

Тебѣ хочеться насъ съ тетушкой переташить къ себѣ въ Хрипуново; изъ этаго заключаю, что тебѣ въ Хрипуновѣ хорошо, безъ того не сталъ бы насъ туды манить, я отъ этаго не прочь; по мнѣ, главное дѣло жить намъ вмѣстѣ. Но признаюсь за тетушку боюсь. Старость ее пустое, она здоровѣе насъ съ тобою благодаря Бога; но вотъ въ чемъ дѣло: каково ей будетъ разлучиться съ домомъ К. Д. М., къ которому, что ни говори, она очень привыкла. Чѣмъ ты замѣнишь зимою Москву, а лѣтомъ занятіи своего маленькаго хозяйства, утѣху собственности и забаву всякихъ плановъ и проектовъ. Свѣрхъ того жить ей у тебя въ гостяхъ не то что у К. Д. М. Она привыкла видеть тебя у себя въ гостяхъ, а не себя у тебя. Все это можетъ быть тебѣ покажется пустяками, но вспомни, что вся жизнь стараго человѣка состоитъ изъ пустяковъ. Впрочемъ испытай, пусть побываетъ въ Хрипуновѣ, увидимъ что скажетъ. *Encore un mot. Rappelez vous qu'il faut d'abord une certaine profusion a la campagne, parce que l'on y est sensé produire soi même ce dont on a besoin et que l'on produit, toujours un peu plus du necessaire. Ensuite que des divertions et des amusements ne suffisent pas pour remplir le temps, il faut avoir encore l'esprit occupé; or que voulez vous qui occupe ma tante à Chripounovo? Le seul moyen serait de lui livrer le ménage tout entier c'est ce que j'aurais indubitablement fait si j'avais réussi a avoir une campagne.*

Дай Богъ, чтобъ намъ удалось поселиться въ Хрипуновѣ. Заготовляй матеріалу: тѣсу кирпича на фундаменты и проч. а осенью сажай вездѣ деревца, березки, иву; дѣлай простую мебель, рамы, двери. На эти всѣ дѣла есть у тебя Степанъ. Вотъ тебѣ работа и доказательство, что я не противлюсь твоимъ планамъ. Про подмосковную говорить нечего, разумѣется, что безъ меня не купится. Ты объ денежныхъ обстоятельствахъ не пишешь ни слова, чтобы не испортить моего веселаго духа—*vive l'esprit!* мнѣ хотелось сказать тебѣ одно сло-

во, вмѣсто того заговорился и написалъ целое письмо. Прощай мой милый.

Позабылъ было сказать тебѣ, что письмо твое отъ 28 апреля получилъ въ іюлѣ 16 н. шт.; по штемпелю вижу, что границу оно перешло 4 іюля н. шт., слѣд. безъ малаго два мѣсяца таскалось по Россіи! Спрашивается зачѣмъ? Тетушкины письма приходятъ всегда въ 25 дней, твоимъ надлѣжить приходить въ 30. Или твои комиссіонеры шалятъ, или господь читательщиковъ писемъ чужихъ затрудняютъ твои тароборскія писмена. Прежнее твое письмо адресованное къ Ротшильду, получилъ также очень поздно, по винѣ скотины Ротшильда. Я полагаю, что ты въ Алексѣевскомъ, тетущкѣ скажи, что до Швейцаріи писать ей не буду. Письма ваши опять адресуйте къ Ротшильду, а имя мое пишите по прежнему: Tscheadayef, потому что первыя письма къ нему такъ были написаны; Галь меня избавилъ отъ гипохондріи, но не вылечилъ; безъ Карльсбада дѣло не обойдется, слѣд. прежде будущаго лѣта къ вамъ не буду. Когда заложишь имѣніе, припаси мнѣ 10 или 15 тысячъ, которыя пришлешь по первому слову, не такъ, какъ эти деньги. Дѣло прошлое, а онѣ много мнѣ стоили дурной крови; благодаря твоему письму, ясному солнцу и нервической моей натурѣ — все забыто. Доходы всѣ обращалъ въ уплату долговъ. Въ январѣ будешь имѣть 11 тысячъ, слѣд. всѣ частные долги заплачены будутъ. Если въ оброкѣ есть значительныя недоимки, отпиши, любезный, ко мнѣ. Тетущкѣ не сказывай, что старыя штаны продавалъ, она приметъ это за бурю. Пришли мнѣ адресъ Степана Иванова.

Monsieur Monsieur

Tschaadayef. A Moskou (Russie)

Марку Федоровичу Козлову, въ Содовникахъ въ приходѣ Егорья Ендовы въ домѣ дьячка а его просить доставить Его Высокоблагородію М. Г. Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

12.

Парижъ 1 августа. н. шт.

Я написалъ къ тебѣ, мой другъ, чтобъ письма свои адресовалъ ты по прежнему къ Ротшильду. Я воображалъ себѣ что присланъ ко мнѣ кредитивъ,—вмѣсто того получилъ векселя на разные долги, слѣд. чрезъ него писать нельзя; къ тому же онъ свинья, связываться съ нимъ не хочу. Если ты ужъ

послалъ къ нему письмо, то считай что пропало, и напиши другое. Вотъ, мой адресъ въ Швейцаріи: a Berne en Suisse, à monsieur le chevalier de Berg (Берхъ), attaché à la mission de Russie, pour être remis à M. le capitaine Chadayef. Тетушкѣ это сообщи. Ты радуешься, мой дорогой, что меня вылечили отъ гипохондріи; была ли у меня гипохондрія, или нѣтъ не знаю. Спорить объ этомъ съ тобою не стану, потому что это было по твоей части, но скажу тебѣ что извлекъ изъ своего странствія другую еще пользу, вотъ какую: увѣрился, что сколько по бѣлу свѣту не шатайся, а домой надобно. Чувствую, что и двухъ лѣтъ не въ силахъ буду прожить безъ васъ. Но вотъ бѣда! Хочу домой, а дому нѣтъ. Дай то Богъ, чтобъ вы безъ меня оба разположились въ Хрипуновѣ. Тогда, какъ прійдетъ время ѣхать назадъ, скажу, не запнувшись, пошолъ въ Хрипуново. Вотъ, еще другая бѣда! Кромѣ васъ двухъ есть еще добрые люди на свѣтѣ, какъ напимѣръ К. Лизавета, Якушкинъ, съ которыми хотелось бы также видаться. Спрашивается: изъ Хрипунова, какъ съ ними видаться? На это ты скажешь: пріѣзжать зимой въ Москву — дѣло, быть по сему!

Отпиши мнѣ, мой милый, поскорѣе, не подавшему можно ли, или нельзя, занять въ воспитательномъ домѣ 15,000 и, если можно, къ какому времени? Мѣжду тѣмъ, пришли рекрутскія деньги; ихъ было до 9,000. Не говори мнѣ, что это пакость, грабительство! Разумѣется, пакость, но надѣюсь вымолить у крестьянъ себѣ прощенье, и настоящимъ загладить прошедшее. Богъ прощаетъ грешныхъ. Неужто, ты, меня съ крестьянами не простишь! Я бы могъ тебѣ въ оправданіе представить разные непредвиденные случаи, имѣнно непредвиденные, но зачемъ? Ты скажешь, не ходитъ было на галерею? Одинъ случай съ лошадью чего стоитъ! Съ начала помирились было на 650 фр., потомъ ввели меня въ тяжбу и принудили заплатить до 800. Про другіе случаи не стану тебѣ говорить, чтобъ не испортить твоего веселаго духа. Attrape champagne!

Не худо тебѣ постараться разобрать отъ чего письмо твое и деньги такъ долго ко мнѣ не доходили. Впередъ взялъ бы лучшія мѣры. Въ Парижѣ прожилъ безъ денегъ, хотя съ трудомъ, но прожилъ; если же такая бѣда застанетъ, гдѣ нибудь въ глуши, сума сойдешь. Ты послалъ деньги почти во время 1 мая, слѣд. себя винить тебѣ не въ чемъ. Изъ Петербурга же они посланы 8 іюня. Слишкомъ пять недѣль таскались они

по Россіи. Штиглицъ ихъ не могъ у себя задержать, слѣд. который нибудь изъ твоихъ комиссіонеровъ шалить.

Вотъ, тебѣ, мой милый, глупое, преглупое письмо. Все деньги, да деньги. Снисходительность и любовь! Vale et me ama.

Когда приѣду назадъ, je me livrerai a vous, pieds et poings liés, jusque la retenez votre humeur furibonde, si cela se peut.

Твой Петръ.

Тетушка заѣхала въ свое Алексѣевское и умолкла. Ты чай тоже въ Алексѣевскомъ. Въ Женеву ѣду чрезъ недѣлю. Пишите ко мнѣ, мои милые!

Деньги посылать по прежнему къ Штиглицу—пошли къ нему мой адресъ—чтобъ послалъ ихъ въ Швейцарію.

Внизу письма сдѣлана помѣтка Мих. Як. Чаадаевымъ:

Получено 18-го августа 1824 года. Понедѣльникъ à la descente de voiture à mon arrivée de Nijnej à Chirouppovo. Слѣд: оно шло до Ардатова 28 дней.

A Monsieur Monsieur Chadayef
a Moskou (Russie)

Милостивому Государю Маркѣ Федорову Козлову. Въ Содовникахъ въ приходѣ Егорья Ендовы въ домѣ дьячка а его просить доставить Его Высокоблагородію М. Г. Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву.

13.

7 августа н. шт. Парижъ.

Отгадай, мой милый, зачемъ къ тебѣ пишу! чтобъ сказать тебѣ, что, наконецъ, я здоровъ. Я писалъ къ вамъ несколько разъ, что здоровье мое поправляется; я васъ обманывалъ, насилу жилъ! Лекарства, которые мнѣ давали, всѣ болѣе и болѣе меня разслабляли и сколько я не старался сухоѣденіемъ и самымъ строгимъ режимомъ себя поддерживать, запоры мои все усиливались до того, что, наконецъ, безъ ежедневнаго слабительнаго не могъ обойтись. Нѣсколько времени назадъ захворалъ мой Иванъ; для него послалъ я за докторомъ; онъ насъ обоихъ вылечилъ: его отъ грудной боли, а меня отъ запора. Теперь могу пуститься въ путь безъ страха; по сихъ поръ самъ не зналъ, какъ поѣду. Ёду вэвтра...

Естьли ты еще иногда страдаешь тѣмъ же, то вотъ тебѣ мое лекарство: на тошакъ три стакана сиворотки съ унціею de si-gore de violette (на всѣ три стакана); по часу разстоянія одинъ отъ другого. Главное дѣло не принимать никакого слабительнаго, кромѣ какъ въ самой крайней нуждѣ. Итакъ въ Карлсбадѣ мнѣ не зачемъ ѣхать; навѣрно могу быть у васъ весною. Сдѣлай милость, не задержи меня деньгами въ Швейцаріи. Надобно мнѣ объѣхать Италію осенью. Докторъ отпустилъ меня съ тѣмъ однимъ условіемъ, чтобъ ѣхалъ я какъ можно прохладнѣе, т. е. ночевалъ бы каждую ночь; въ противномъ случаѣ принужденъ былъ бы прибегнуть опять къ вреднымъ, убійственнымъ слабительнымъ. Поэтому долженъ былъ купить коляску. Разсплатившись здѣсь, выѣзжаю отъ сюды не съ большими деньгами, но надѣюсь, что приплешъ подмогу во время. Не знаю чисто ли написалъ тебѣ свой адресъ, вотъ другое изданіе:

A. Monsieur Monsieur de Berg, attaché à l'ambassade de Russie à Berne en Suisse, pour remettre à M. Tschaadayef (мое имя большими буквами, чтобъ ненарочно не распечаталъ). Прости, мой милый. Ожидаю отъ васъ писемъ нынче; затѣмъ на одинъ день отложилъ свой отъѣздъ.

Твой Петръ.

A Monsieur monsieur Tschaadayef

Маркѣ Федорову Козлову для доставленія Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву. Въ приходѣ Егорья Ендовы, въ Содовникахъ въ домѣ дьячка
Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

14.

Ты мнѣ написалъ жестокое письмо. Я на него не жалуясь; я это заслужилъ, я тебя вывелъ изъ терпенія. По обыкновенію твоему твое негодованіе не знаетъ мѣры. Письмо твое написано такъ, какъ будто со мною ничего болѣе не остается тебѣ дѣлать, кромѣ, какъ исполнить мои требованія Дружелюбнаго ни слова. Я это заслужилъ. Я знаю свою вину: она состоитъ въ томъ, что я непростительнымъ, гнуснымъ образомъ хотель воспользоваться твоею дружбою, чтобы возбудить въ тебѣ дѣятельность. Пакостное дѣло! Но я долженъ тебѣ сказать не въ оправданіе свое, оправдаться мнѣ ничѣмъ нельзя; а для того чтобъ тебѣ дать средство въ душѣ меня простить, — виновать я однимъ легкомыс-

ліємъ, не намѣреніємъ, то есть что я не догадался каково тебѣ милому будетъ знать, что я въ нуждѣ и не быть въ состояніи мнѣ помочь. Увѣряю тебя впротчемъ, что неприсылкою денегъ бѣды никакой быть не можетъ. Я могу прожить въ Бернѣ безъ денегъ и безъ скуки сколько времени прійдется. Постарайся меня простить и когда простишь, отпиши что простилъ. Вотъ мой адресъ, лучше прежняго: а Mon. Mon. Chadayef, aux soins obligeants de Monsieur de Berg, attaché à la legation Russe à Berne en Suisse.

Внизу рукою Мих. Як. помѣчено:

получено 3 декабря 1824 г.

На адресъ штемпелемъ: Geneve и рукою 8 Ноября 1824.

Monsieur Tschadayef A Moscou (Russie)

Маркъ Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ въ приходѣ Егорья Ендовы въ домѣ дьячка. Для доставленія

Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

15.

На твое письмо отъ 7 сентября я тебѣ отвѣчалъ. Я не хотель было писать къ тебѣ пока не получу отвѣта на мой отвѣтъ, въ которомъ просилъ у тебя прощенія. Но сейчасъ получилъ другое твое письмо, отъ 8 октября—и разумѣется, не до моего прощенія. — Возможно ли такія вещи писать! Естьли въ тебѣ жалость! Раззоренъ, замученъ, боленъ, и болѣе ни слова! Каково бы тебѣ было, естьлибъ я такія вещи тебѣ написалъ? Раззоренъ!—но какъ ты замученъ и боленъ? Естьли это старая твоя меланхолія, то сущая бѣда!—Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года ты писалъ ко мнѣ, что совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и здоровъ и веселъ; куды это все дѣвалось? Я увѣренъ былъ, что живучи на волѣ и въ свою радость, ты никогда не соскучишься въ Хрипуновѣ; вмѣсто того, что вышло? и можетъ быть всему этому я причиною. Проклятое путешествіе! Естьлибъ я былъ близко отъ моря, сейчасъ бы селъ на корабль; но въ какую сторону ни ступай, вездѣ полгода ѣзды. Естьли ѣхать не останавливаясь, можно и сухимъ путемъ поспеть мѣсяца въ полтора, много въ два, но на это здоровья у меня не станетъ; хотя впротчемъ я слава Богу довольно здоровъ.

Ты собирался ѣхать къ тетущкѣ, теперь не ѣдешь, и въ то же время посылаешь ко мнѣ 2000 руб. своихъ денегъ. Что

изъ этого долженъ заключить? что и этому я виноватъ. Не знаю куды дѣться съ моею виновною головою. Я люблю тебя разумѣться не за твою щедрость, а за любовь, которой знаки у меня такъ живы въ памяти, что никогда безъ слезы про нихъ вспомнить не могу; я геройства никогда за собою никакого не зналъ и много у тебя перебралъ въ свою жизнь денегъ, и въ этомъ себѣ не пеняю, но теперь совсѣмъ другое дѣло, — я тебя обобралъ, обокралъ, и что всего хуже — навелъ на тебя тоску.

Сто тысячъ мои целы; какимъ-же манеромъ ты раззоренъ? отъ куды взялась вся эта бѣда — не понимаю. Если все вдругъ такъ изгадилось, то какъ не написать, пріѣзжай назадъ непременно, вотъ почему и вотъ почему.

Я знаю, что не стою твоего уваженія, слѣд. и дружбы, — я себя разглядѣлъ и вижу, что никуды не годюсь, — но неучто и жалости не стою? Я написалъ тебѣ пакостное письмо, исполненное гнуснаго эгоизма, но разсуди, что я никакого понятія не имѣлъ о твоемъ положеніи и воображалъ себѣ по первымъ твоимъ письмамъ, что ты живешь въ Хрипуновѣ хорошо и весело, и что можно тебя поторопить безъ бѣды. Свѣрхъ того, я не просилъ денегъ, а хотелъ только знать, когда имѣнно могу ихъ получить, — съ этимъ увѣреніемъ могъ бы отправиться въ Италію и, какъ говорилъ, обѣхать большую часть осенью. Я получилъ твое письмо (отъ 7 сент.) въ началѣ октября, а отъ сюды до Неаполя мѣсяцъ ѣзды.

Но что тебѣ до этого и что мнѣ до этого! до Италии-ли теперь! Не знаю, что дѣлать? лететь не могу. Когда узнаю, что твоя болезнь! что твоя тоска! Еслибъ эта тоска съ тобою случилась весною, то я бы надѣялся, что лѣто, зелень и солнце тебя развеселятъ, но теперь дѣло идетъ къ зимѣ; какой тебя чортъ развеселитъ? Покой у тебя навѣрно скверный, темный, смрадный — пройтись негдѣ — живъ ли Медорка не знаю.

Выѣду отъ сюды черезъ недѣлю; прямымъ путемъ ѣхать не лзя, за дорогами; Рейнъ разлился; долженъ ѣхать черезъ Миланъ. Не знаю, какъ здоровье дозволитъ ѣхать скоро. Прости. Адресъ тотъ же. Когда имѣнно буду дома, сказать не могу, потому что это зависитъ отъ здоровья и отъ разныхъ случаевъ. Полагая меня на пути въ Россію, не вздумай по этому мнѣ написать. Прости еще разъ. Богъ милостивъ и позволить можетъ быть намъ увидаться въ радости и пожить вмѣстѣ —

впротчемъ, heureux ceux qui plurent, car ils seront consolés, сказалъ Христось.

30 ноября. Женева.

Неучто ты мнѣ не напишешь, въ чемъ имѣнно дѣло состоитъ и какія съ тобою случились бѣды? Неучто пока не доѣду до дому, ничего не узнаю ни объ твоихъ дѣлахъ, ни объ твоёмъ здоровьи?

На оборотѣ: 9 Декабря 1824 г. Печать: Bern.

Monsieur Chadayef

à Moscou en Russie.

Маркѣ Феодоровичу Козлову, въ Содовникахъ, въ приходѣ

Егорья Ендовы, въ домѣ дьячка, для доставленія

Михаилѣ Яковлевичу Чаадаеву.

16.

Миланъ. 30 декабря н. шт.

Я пріѣхалъ сюды съ намѣреніемъ черезъ Венецію пробраться въ Вѣну и отъ туды домой. Здѣсь вижу, что въ два мѣсяца могу объѣхать Италію, то есть отправившись чрезъ Геную и Ливурну въ Римъ а отъ туды въ Неаполь возвратиться чрезъ Флоренцію, и быть въ Венеціи въ началѣ марта. А здѣсь на равномъ разстояніи отъ Вѣны и отъ Рима я еще ни на что не рѣшился; собираю свѣденія; большой охоты пуститься по Италіи не имѣю, но надобно отдѣлаться чтобъ впередъ не имѣть болѣе никакой похоти. Естли поѣду, то прежде сентября не буду въ Москву.

Я здѣсь узналъ про ужасное бѣдствіе постигшее Петербургъ; — волосы у меня стали дыбомъ. — Руссо писать къ Волтеру по случаю Лисбонскаго землетрясенія, — люди всему сами виноваты; зачѣмъ живутъ они и тѣснятся въ городахъ и въ высокихъ мазанкахъ! Безумная философія! Конечно не самъ Богъ, честолюбіе и корыстолюбіе людей воздвигли Петербургъ, но какое дѣло до этого! развѣ тотъ кто сотворилъ міръ не можетъ когда захочетъ и весь его превратить въ прахъ! Конечно мы не должны себя сами губить, но перьвое наше правило должно быть не бѣды избѣгать, а не заслуживать ее — я плакалъ какъ ребенокъ читая газеты.

Можетъ быть кто нибудь изъ моихъ знакомыхъ погибъ; до тебя никогда ничего не дойдетъ, но не лзя ли отписать къ

Якушкину и велеть ему мнѣ написать что узнаеть про об-
щихъ нашихъ пріятелей, особѣнно объ Пушкинѣ, (который
говорять въ Петербургѣ) объ Тургеневѣ, Оленинѣ и Му-
равьевѣ. — Это горе, такъ велико что я было занимъ поза-
былъ свое собственное, то есть твое; но что наше горе предъ
этимъ! — Страшно подумать, — изъ этихъ тысячъ людей ко-
торыхъ болѣе нѣтъ, сколько погибло въ минуту преступныхъ
мыслей и дѣлъ! Какъ явятся они предъ Богомъ!

Прости, Ты мнѣ еще не написалъ ни слова милостиваго
можетъ быть полагаешь что все вздоръ и что напрасно хло-
почу, — пусть такъ но твое раззореніе и нездоровье не вздоръ
и объ этомъ обязанъ ты мнѣ отписать естли имѣешь въ се-
бѣ, не жалости каплю, а *смысла*.

(На оборотѣ: 3 января 1825).

Monsieur Tchadayef.

A Moscou (Russie)

Маркъ Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ въ приходѣ Егорья
Ендовы въ домѣ дьячка. Для доставленія Михайлу Яковлевичу Чаадаеву

17.

Я въ Римѣ. Слава Богу здоровъ. Ты ко мнѣ не пишешь,
напрасно; я думаю, что и для тебя, и для меня не худо бы
было намъ писать другъ къ другу по чаще. Отъ тетушки по-
лучилъ здѣсь письмо; по этому знаю, что ты живъ, а здоровъ
ли не знаю. Она пишетъ, что ты продаешь Хрипуново. Я тебя
прошу покорнѣйше повѣрить мнѣ, хотя очень знаю что этого
не достоинъ, что возвратившись въ Россію мнѣ очень можно
будетъ жить безъ твоихъ процентовъ.

Когда вздумаешь писать, то пиши сюда, такимъ образомъ:
monsieur Tchadayef, aux soins obligeant de l'embassade de
Russie à Genu. Когда какія будутъ деньги, присылай сюда
обыкновеннымъ манеромъ. Я дожидался твоего письма во
Флоренціи; отъ сюда не выѣду пока не получу. Прости, будь
счастливъ.

19/7 марта.

Послѣдній разъ писалъ къ тебѣ изъ Милана.

Внизу рукою Михаила Яковлевича:

получено въ Хрипуновѣ 30 апрѣля.

На адресъ
31 марта 1825 г.,
Monsieur Tchadayef
à Moscou (Russie)

Марку Федоровичу Козлову.

Въ Содовникахъ, въ приходѣ Егорья Ендовы, въ домѣ дьячка, для доставленія М. Я. Чаадаеву.

18.

Флоренція. Мая 25.

Я получилъ твое письмо отъ 14 генваря за несколько дней до своего отъѣзда изъ Рима; въ то время собирался я въ Неаполь, потому не отвѣчалъ тебѣ, хотель оттуда отвѣчать; вмѣсто Неаполя очутился я во Флоренціи, по какому именно случаю, pour me servir de votre expression favorite, долго тебѣ сказывать, но главное *вътѣрь* называемый *Широко*, про который ты вѣроятно слыхалъ, но того конечно объ немъ не знаешь, что для сложеній подобныхъ моему онъ убійственная вещь,—въ Римѣ испыталъ я его дѣйствіе, бѣгу отъ него на сѣверъ.

Отъ сюда чрезъ два дня ѣду въ Карлсбадъ на лечение, отъ котораго ожидаю чудеса по самымъ законнымъ притчинамъ. Съ восхищеніемъ воображало себѣ, что нахожусь наконецъ на пути въ Россію; возвращусь къ вамъ здоровый, слѣд. кромѣ забавы вамъ отъ меня ничего не будетъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени.

Твое письмо очень утѣшительно; я въ немъ разобралъ двѣ вещи, 1-е что ты точно здоровъ, 2-ое что хотя дѣла твои и въ плохомъ положеніи, но унынія въ тебѣ болѣе нѣтъ. Такъ какъ деньги мои целы, то раззореніе твое меня не очень тревожить, надѣюсь, что ихъ станетъ на поправленіе твоихъ дѣлъ.—Я получилъ отъ Якушкина письмо, не твоему чета, всякихъ премилыхъ подробностей куча, жаль, что ты такихъ писемъ писать не умѣешь! Онъ пишетъ, что ты къ нему ѣдешь, мнѣ ты этого не пишешь, почему не знаю.

Напрасно ты меня находишь правымъ; лучше бы было тебѣ сказать мнѣ, Богъ тебя простить, впередъ дряни не дѣлай; что ты точно вины моей не видалъ, этого быть не можетъ, слѣд. ты лжешь.

Прощай, мой другъ. Твое письмо очень старо, неучто ты съ генваря мѣсяца ко мнѣ не писалъ?—Надѣюсь тебя

скоро увидать (въ октярбѣ мѣсяцѣ). Не хочется ничего тебѣ рассказывать, да и времени нѣтъ.—Римъ чрезвычайная вещь—ни на что не похожая, превосходящая всякое ожиданіе и всякое воображеніе; я провелъ тамъ два пріятныхъ мѣсяца, отгадай съ кѣмъ? съ старымъ, съ добрымъ своимъ пріятелемъ Ник. Тургеневымъ.

Пиши ко мнѣ въ Карлсбадъ, — Monsieur Tchadayef, à Carlsbad zu Bohême, poste-restante. Если пошлешь деньги, то Штиглицу напиши, чтобъ прислалъ въ Карлсбадъ.

На адресѣ: 2 іюня 1825 года, штемпель Firenze.

Monsieur Tschadayef

à Moscou

Милостивому Государю Марку Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ въ приходѣ Егорья Ендовы въ домѣ дьячка для доставленія

Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву.

19.

Карлсбадъ 28/16 августа.

Я здѣсь живу, мой милый, третій мѣсяцъ. Тебѣ не писалъ не разу во все это время, все ожидалъ отъ тебя письма; ты не пишешь, надобно наконецъ тебѣ сказать, что я живъ. Итакъ, я живъ, а здоровъ, надѣюсь, скоро буду. Тетушка опять пишетъ, что ты очень не доволенъ, а чѣмъ—по обыкновенію не говоритъ. Ты конечно обстоятельно ей объ себѣ не пишешь, или пересказать не умѣешь. Здѣсь доктора запрещаютъ думать объ чемъ бы то ни было; всякая дума, говорятъ, бѣда, того и смотри желчь, а тогда все леченіе хоть брось. По этому стараюсь и объ тебѣ не думать, но какъ не думать! Что съ тобою дѣлается? По словамъ тетушки, Хрипуново тебѣ постыло, а отъ Хрипунова ты всего на свѣтѣ ожидалъ! Гдѣ ты себя теперь пріютишь? Ничего тебѣ не удалось, ничего не сбылось! Всего болѣе навѣрно я причиняю тебѣ огорченія; можетъ быть оброковъ не получаешь, не знаешь, что со мною дѣлать, бѣсишься.—Я давно тебѣ не писалъ объ деньгахъ, изъ этого тебѣ должно бы было заключить, что деньгами не нуждаюсь, и право не нуждаюсь; когда могу, занимаю, когда же не могу, живу на мѣстѣ, вотъ вся бѣда; а иногда не только что не бѣда, но и счастье, на примѣръ въ Римѣ я прожилъ по этой причинѣ лишній мѣсяцъ, и это точно прещастливый случай.

Чего, мой другъ, не хотѣлось бы мнѣ тебѣ наговорить, разсказать, пересказать, обо всемъ на свѣтѣ, и объ себѣ, и объ тебѣ, и обо всѣхъ васъ, моихъ милыхъ. Но есть-ли возможность! По полгода не пишешь! on ne s'entend plus, языкъ не ворочится! Куды это несносно? И этому притчиною—деньги! Ты ищешь вѣроятно для меня занять, не находишь, или въ банкѣ не выдаютъ, а мѣжду тѣмъ ко мнѣ не пишешь; думаешь, что ему до моихъ писемъ, не письма, а деньги ему надобны.—Вѣрь или не вѣрь, право, я не вовсе блудный сынъ, есть и во мнѣ сколько-нибудь чувства,—я въ сотый разъ тебѣ это повторяю; знаю, что все напрасно.

Вотъ тебѣ журналъ моего путешествія и разные разности. Изъ Рима кажется написалъ къ тебѣ, что убѣжалъ отъ туды отъ Широко. Во Флоренціи пробылъ двѣ недѣли, отъ туды отправился въ Венецію; я былъ тамъ въ самое то время, въ которое въ старину бывалъ тамъ карнавалъ, а выѣхалъ въ самый день, въ который Дождъ бывало пируетъ свою свадьбу съ моремъ. Изъ Венеціи поѣхалъ въ Верону, а отъ туды черезъ Тироль въ Мюнхенъ, отъ туды въ Карлсбадъ; все это путешествіе совершилъ довольно хорошо и здорово. Здѣсь живу дѣсятую недѣлю съ добрымъ пріятелемъ своимъ Тургеневымъ. Лѣчусь изо всѣй мочи; страхъ какъ хочется пріѣхать къ вамъ здоровымъ. Объ Карлсбадѣ имѣю тебѣ сказать множество чудесныхъ вѣщей. Главное-то, что тебѣ непременно здѣсь должно побывать когда-нибудь.

Прочее до другого времени. Не зная, что съ тобою дѣлается, право, не знаю, какъ и что съ тобою говорить. Не понимаю самъ, какъ пишу къ тебѣ вторую страницу! Сдѣлай милость, напиши чтонибудь объ себѣ, что угодно, что не пишешь—всѣму буду радъ. Еслибъ я получилъ здѣсь во время своего леченія одно такое письмо, какія ты ко мнѣ писывалъ съ начала моего путешествія, то увѣренъ, что многіе симптомы моей болѣзни сей часъ бы исчезли. Объ этомъ и думать не надобно!

Я здѣсь пробуду не болѣе трехъ недѣль. Еслили вздумаешь писать, пиши въ Дрезденъ, aux soins obligeants de l'Embassade de Russie. Тетушкѣ потрудишься сообщить этотъ адресъ, а Штиглицу когда будешь посылать скажи *только въ Дрезденъ*. Не у тетушки-ли ты теперь? пора, пора, давно она тебя бѣдная ожидаетъ. Въ Дрезденѣ должно мнѣ пробыть недѣль шесть подъ смотреніемъ доктора, такъ водится; онъ мнѣ скажетъ, что отъ воды произошло со мною и что впередъ мнѣ

дѣлать. На родину поѣду черезъ Вѣну. Если же долго не приплещь денегъ или приплещь мало, такъ что придется мнѣ дожидаться другихъ денегъ, то пробуду въ Дрезденѣ по долгу и домой поѣду прямо черезъ Варшаву.

Хотѣлось бы мнѣ тебя спросить объ разныхъ вѣщахъ, но когда получу отвѣтъ? развѣ когда самъ къ тебѣ буду! Богъ милостивъ! Свѣтъ хорошъ, есть на свѣтѣ всякіе люди, есть люди не люди, есть и добрые люди, есть люди безтолковые, сверхъ того есть лѣнивые люди,—отъ всѣхъ бѣда. Прости, мой другъ.

Тетушкѣ не пишу; писать здѣсь не бездѣлица. Это письмо написалъ, такъ сказать, украдкою самъ отъ себя, въ легкую минуту. Вотъ въ чемъ состоитъ лечение. Пьешь воду, до дѣсяти и болѣе кружекъ, по кружкѣ всякія четверть часа, во все это время ходишь, и еще целый часъ ходишь послѣ питья; то запоръ, то поносъ, то насилу таскаешь ноги, то бѣгаешь какъ бѣшенный съ тоски; сверхъ того, случаются разные пароксизмы, припадки, отъ которыхъ приходишь въ совершенное разслабленіе. Въ голову ничего не лѣзетъ, и доктора не вѣляютъ, чтобъ лѣзло что-нибудь въ тебя, а чтобъ все вылѣзало. Воды кажется дѣйствуютъ на меня хорошо, теперь нахожусь въ моментъ критическій, то есть рѣшительный; по всѣмъ вѣроятіямъ надѣяться долженъ хорошихъ послѣдствій.

Я просилъ тетушку, чтобъ она поискала пять тысячъ рублей; если нашла (въ чемъ разум. сомнѣваюсь), то пошли ихъ въ Петербургъ (не худо черезъ Дазера, т. е. Торемберзы). Его Высокобл. Василию Алексѣевичу Перовскому, адъютанту Никол. Павловича, въ Михайловскомъ замкѣ. Срокъ прошелъ, а это святой долгъ; Дазеръ можетъ воротить росписку. Если же нельзя черезъ него, то послать можно крестьянину К. Д. М., чтобъ доставилъ Перовскому, и это кажется лучше.

На адресъ: 29 августа 1825 г.

Monsieur Tochadayef a Moskou (Rossie)

Милостивому Государю Маркѣ Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ въ приходѣ Егорья Ендовы, въ домѣ дьячка. Для доставленія
Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву

20.

Карлсбадъ, 6 Сентября.

Я писалъ къ тебѣ, мой милый, съ недѣлю тому назадъ. Пишу въ другой разъ сказать тебѣ, что узналъ я, что въ Флоренціи получено было письмо на мое имя,—по сіе время его не получилъ: вѣроятно, не зная, то есть не помня, гдѣ я нахожусь, воротили его назадъ въ Россію. Итакъ, прошу тебя, когда станешь писать, скажи, писалъ ли ко мнѣ въ Римъ, или во Флоренцію послѣ 14 Генваря, число послѣдняго твоего письма, единствѣннаго мною полученнаго во все время моего пребыванія въ Италиі. Знаешь-ли, мой другъ, какъ ты часто ко мнѣ пишешь? Въ продолженіе десяти мѣсяцевъ получилъ я отъ тебя два письма, изъ которыхъ одно —записочка при деньгахъ (3580 р.) въ ноябрѣ, а другое въ маѣ!

Болѣе ничего не имѣю теперь тебѣ сказать; въ прошломъ письмѣ, что умѣлъ, все сказать. Одно могу прибавить, а именно, что лѣнченіемъ своимъ совершенно доволенъ, кажется очень удалось. Тетушкѣ это скажи.

Всякій почтовый день провожу въ ожиданіи. Если денегъ нѣтъ, а занять никакъ не можешь въ скоромъ времени, то сдѣлай одолженіе, плюнь на это. Отъ занятыхъ денегъ у пріятелей у меня осталось столько, что какъ-нибудь въ Дрезденѣ пробьюсь пока приплешь. Но ради всего на свѣтѣ напиши хоть строку. Адресъ мой послалъ тебѣ—aux soins obligés de la légation de Russie. Въ Дрезденѣ буду въ концѣ сентября. Если денегъ приплешь довольно, то пробывъ тамъ шесть недѣль, а много два мѣсяца, поѣду къ вамъ прямо.

На адресѣ: 1 Сентября 1825 г.

Monsieur Tchadayef

A Moskou (Russie)

Милостивому Государю Маркѣ Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ, въ приходѣ Егорья Ендовы, въ домѣ дьячка. Для доставленія Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

21.

26 сентября.

Письмо твое съ векселемъ получить 13 числа; вексель не только хорошъ, но при теперешнемъ курсѣ на Гамбургъ

есть и значительный барышъ. Ты вѣлишь мнѣ сейчасъ отвѣчать, а я отвѣчаю черезъ двѣ недѣли; резонъ тотъ, что я боленъ,—въ постели не лѣжу, но голова кружится день и ночь и желудокъ не варитъ,—слѣдствіе излишняго употребленія водъ, и послѣ дурного леченія,—

Получивъ твое письмо, сейчасъ хотѣлъ сѣсть въ коляску и ѣхать, потомъ отложилъ на недѣлю, а теперь вижу, что прежде мѣсяца не въ силахъ буду выѣхать, и то какъ Богу будетъ угодно!—А вы меня ожидаете къ Новому году!—Не умѣю тебѣ сказать, сколько меня это огорчаетъ! Можетъ быть не выдержу, поѣду больной, — естли почувствую себя легче несколько дней, сряду поѣду навѣрно во что бы то ни стало. Повѣришь ли, не могу вспомнить про васъ—безъ слезъ! Когда хожу по городу въ сумеркахъ, то всякаго человѣка въ длиннополомъ сюртукѣ и въ шапкѣ принимаю за тебя,—а ты, какъ тебѣ не стыдно! говоришь, что стало быть вами не интересуюсь, если не ѣду. Не грѣшно ли тебѣ. такія вещи говорить!—Во-первыхъ, развѣ ты не знаешь, что въ целый годъ получилъ я всего изъ дому 7000 рубл. Правда, я безъ денегъ не былъ, занималъ, и занималъ столько, что и не знаю, какъ заплачусь,—но не зная, когда получу свои деньги, какъ мнѣ было путемъ распорядиться? Я впередъ никогда не могъ никакого плана сдѣлать, вездѣ проживалъ лишнее время.—Со всѣмъ тѣмъ, изъ Рима пріѣхалъ бы домой навѣрно, но не должно ли мнѣ было испытать Карлсбада! Впрочемъ, суди меня какъ хочешь, пожалуй принимай меня за блуднаго сына—vous tuerez le veau gras (quand) à mon retour.

Письмо это пролежало у меня на столѣ нѣсколько дней; все собирался написать тебѣ, что ѣду, ѣду—вмѣсто того долженъ написать, что прежде мѣсяца никакъ не вижу возможности выѣхать, тѣмъ болѣе, что въ головѣ у меня обнаружился рюматизмъ. Все таки увѣряю тебя, естли минуту найду въ себѣ здоровую, то поѣду навѣрно.—Прости, мой милый, мой жестокий, строгій, великій, безтолковый братъ,—постарайся меня пролюбить до моего пріѣзда, а тамъ надѣюсь докажу, что стою твоей любви.—Къ тому же мнѣ крайняя нужда въ твоей любви.—Сверхъ того, любовь щастье, должно кого-нибудь любить, а кого же ты долженъ любить, естли не меня! Я все-таки лучше всѣхъ—для тебя.

Ты съ ума сходишь на порядкѣ,—адресъ былъ написанъ на тряпкѣ очень обстоятельно,—содрали въ дорогѣ, вотъ все,—никто этому не виноватъ.

Накопи къ моему прїѣзду по больше денегъ, а гдѣ возьмешь—не знаю; надобно будетъ расплачиваться.—Впротчемъ, естли взять негдѣ, нечего дѣлать—добрые люди подождутъ, одинъ естъ долгъ банкирскій—въ 4000—этому срокъ чрезъ два мѣсяца.

Отъ тетушки здѣсь не имѣлъ писемъ — спасибо тебѣ, что ты у нее—очень спасибо.

29 числа.

Рукою Михаила Яковлевича написано: получено 6-го Января 1826.

На адресѣ печать: Dresden.

A Moscou (Russie)

Monsieur Tchadayef

Маркѣ Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ, въ приходѣ Егорья Ендова, въ домѣ дьячка, для доставленія Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву.

22.

Нечего дѣлать, надобно тебѣ написать, что стало мнѣ хуже,—теперь сижу дома,—доктора говорятъ, что это можетъ быть кризисъ,—мѣжду тѣмъ бьетъ лихорадка и голова кружится день и ночь,—но такъ какъ бываютъ минуты здоровья, то надѣжды не теряю, а тебя прошу покорно не тревожиться, но и не сердись за то, что не ѣду,—самъ разсуди, какъ ѣхать съ вертижами и съ лихорадкою?—и въ эту пору? дурныя дороги, темныя ночи, холодные ночлеги, страхъ береть и подумать, особѣнно въ дурныя минуты, а когда чувствую себя полегче, то сей часъ бы сѣлъ да поѣхалъ. Больше ничего не желалъ-бы, какъ столько силы, чтобы до васъ могъ добраться, а тамъ жить съ вами здоровому или больному, мнѣ бы было все равно. Какъ ни стараюсь себя укрепить, ною по васъ какъ ребенокъ. На прошлое мое письмо вѣроятно отвѣчать не будешь, на это сдѣлай милость нельзя-ли отвѣчать поскорѣй, и главное дѣло—что вы намѣрены съ тетушкой дѣлать. Ты глухо говоришь, что вы что-то собираетесь сдѣлать и что для этого нужно вамъ знать, когда буду. Милые мои, простите великодушно. Что дѣлать, Богъ не вѣлитъ съ вами скоро увидаться! Черезъ два мѣсяца, хотя бы былъ въ горячкѣ, будьте увѣрены, поѣду, поѣду непременно, слѣдъ въ маѣ буду у васъ—и повѣрьте, заслужу всю свою вину.

Извини, что такое лихорадочное пишу письмо, нынче дурной день—обыкновенно же духомъ своимъ довольно дово-

лень, унынія не чувствую. Не знаю, чѣмъ заслужилъ такую отъ Бога милость,—какъ объ васъ не думаю—покоюсь совѣршенно,—а признаться, какъ вздумаетъ объ васъ, такъ бросаетъ въ жаръ, особѣнно какъ вспомню, какая я вамъ помѣха и досада. Прости; неужто не напишешь и теперь ни слова путнаго, то есть обстоятельнаго, не утѣшишь больного?

Если тебѣ покажется это письмо слишкомъ лихорадочно, то изъ этаго не заключай, что я очень боленъ, а только то, что оно написано въ дурной день, и вспомни, что ты однажды мнѣ написалъ два слова: *боленъ, разоренъ и готовъ встать* — а всего лучше прости великодушно, въ другой разъ напишу по лучше.

Сдѣлай милость, не сердись. Честное даю тебѣ слово, что всѣ вины свои, какія есть, заслужу—дай мнѣ только выздороветь и къ вамъ прѣхать.

Деньги мнѣ будутъ нужны недѣль черезъ шесть—гдѣ возьмешь не знаю,—а когда пошлешь, то пошли тѣмъ-же манеромъ, какъ послѣдній разъ послать—вексель—Пишите ко мнѣ aux soins de Mssrs Bossange et comp.

Съ тѣхъ поръ какъ я въ Дрезденѣ, отъ тетушки писемъ не получалъ. Попроси у нея извиненія, что не пишу къ ней; въ первую здоровую минуту напишу. Поздравь ее съ новымъ годомъ.

1-го Генваря.

На адресѣ штемпели: Berlin 7 (дальше неразборчиво)
Dresden (неразб.) 26.

A Moscou (Russie)

Monsieur Tchadayef

Маркѣ Федоровичу Козлову. Въ содовникахъ, въ приходѣ Егорья Ендовы, въ домѣ дьячка онаго прихода. Для доставленія

Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву.

23.

25 апрѣля.

Письмо твое къ Ивану и ко мнѣ, и вексель въ 4000 руб. получилъ третьяго дня. Не писалъ къ тебѣ потому такъ долго, что былъ очень боленъ и вовсе не надѣялся выздороветь. Болезнь моя всякій день усиливалась, къ старой присовокупили доктора и здѣшній климатъ, разныя другія, отъ которыхъ совсѣмъ было изнемогъ. Увѣряю тебя что былъ въ такомъ разслабленіи телесномъ и душевномъ, что точно не

быть въ силахъ къ вамъ писать. Со всѣмъ тѣмъ, разумѣется, почитаю себя передъ вами очень виноватымъ; надѣюсь, что простите. Съ мѣсяцъ какъ сталъ поправляться. Ожидалъ хорошей погоды и денегъ отъ тебя, чтобъ пуститься въ путь. Больше писать къ вамъ не буду. Не знаю станетъ ли этихъ денегъ; съ докторами своими еще нерасплатился, а они безчеловѣчно дороги. Впрочемъ, даю тебѣ слово выѣхать чрезъ двѣ недѣли, много черезъ три. Займу или продамъ все что можно будетъ. Непремѣнно выѣду въ началѣ будущаго мѣсяца. Мнѣ очень нужна хорошая погода для дороги, потому что сдѣлался очень склоненъ къ простудѣ. Прости, любезный. Дастъ ли Богъ васъ милыхъ увидать! Тетушкѣ не пишу, а ты скажи ей, что ѣду и что буду въ концѣ Юня мѣсяца вашего. Если есть чѣмъ, то Перовскому заплати. Посылаю къ тебѣ Иванову мѣщанскую квитанцію; потрудишься по ней сдѣлать что нужно, чтобъ ему не пришлось платить штрафа. Онъ также былъ боленъ и теперь плохъ.

На адресъ: штемпелемъ: Dresden.

A Moscou (Russie)

Monsieur Tschodayef

Маркѣ Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ, въ приходѣ Егорья Ендовы въ домѣ дьячка. Для доставленія

Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

24.

15/3 мая. Дрезденъ.

Погода здѣсь стоитъ такая; что никакъ не могъ выѣхать въ то время, какъ располагалъ, то есть за недѣлю отъ нынѣшняго числа. Кромѣ желудочной болезни, я стражду катаромъ; поэтому при холодной погодѣ, пуститься въ путь не могу. По времени должно бы давно быть тепло; здѣсь говорятъ, что не запомнятъ такой погоды въ маѣ мѣсяцѣ: дожди проливные, холодъ страшный. Всякій день встаю съ надѣждою, ложусь безъ надѣжды; что чувствую, что перечувствовалъ во все это время—не могу тебѣ сказать,—за то что не впалъ въ отчаяніе, что осталось во мнѣ надѣжда васъ увидать—остального вѣка не достанетъ на молитвы.

Болѣе двухъ недѣль эта погода продолжиться не мо-

жетъ; чрезъ три недѣли непременно выѣду. Денегъ еще не досталъ, надѣюсь, что это не задержитъ.

Ты спрашивалъ что я кому долженъ,—когда будутъ три тысячи рублей, то пошли въ Петербургъ Его Превосход. Александру Ивановичу Тургеневу, на Литейной въ домъ комиссіи составленія законовъ.

Прости. Тетушкѣ скажи что хочешь, а я не умѣю ей ничего сказать. Обоихъ васъ вижу день и ночь передъ собою.

На адресъ штемпель: Берлинъ 16 Мая.

Monsieur Tschadayef A Moscou (Russie)

Маркъ Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ, въ приходѣ Егорья Ендовы, въ домъ дядька. Для доставленія Михайлѣ Яковлевичу Чаадаеву.

25.

25 Мая.

Денегъ не нашель,—обѣщали, не дали,—продать ничего не могу, да естлибы и могъ, не стало бы.—разплатившись съ докторами и со всѣми ни осталось бы ни гроша. Въ болезни своей жилъ безъ всякаго толку, потому прожилъ бѣздну—впротчемъ, можетъ быть и безъ того прожилъ столько же бы. Не смотря на дурную погоду, про которую вѣроятно читаль въ газетахъ,—и не смотря на все протчее, то есть на плохое еще состояніе здоровья, совсѣмъ былъ готовъ ѣхать, съ теплымъ воздухомъ лихорадка прошла,—принужденъ остаться.— Не ругай меня.

Когда приплешъ денегъ? гдѣ возьмешь? Когда я васъ увижу? Почему надѣюсь? — какое имѣю право надѣяться? Стою ли жалости?

Естли думаешь, что стою сколько-нибудь жалости, то напиши, когда надѣнешя имѣть денегъ и сколько.—Впротчемъ, здѣсь могу прожить сколько-нибудь времени безъ денегъ—для этого перехожу сей часъ въ трактиръ.

Имѣю предчувствіе, что возвратившись заслужу передъ вами tout le chagrin que je vous cause—безъ этаго предчувствія сошелъ-бы съ ума.

Во всемъ этомъ нѣтъ-ли экзажераци и другой дряни, какъ то гипохондріи и пр.—самъ не знаю.

Daus tous les cas—надѣжда еще есть, слѣд. жить можно.

Естьлибъ у тебя были деньги! Естьлибъ ты ихъ сейчасъ прислалъ! Что страдать!

На адресъ штемпель: Дрезденъ 26 мая

A Moscou

Monsieur Tschadayef

Маркъ Федоровичу Козлову. Въ Содовникахъ, въ приходъ Егорья Ендовы въ домъ дьячка. Для доставленія Михайлъ Яковлевичу Чаадаеву.

26.

Брестъ-Литовскъ 1 августа.

Я здѣсь живу, мой другъ, двѣ недѣли. Со мною здѣсь случился странный случай. Прїѣхавъ сюды, былъ осмотренъ, по обыкновенію, на таможенѣ довольно строго; мѣжду прочимъ, взяты были у меня бумаги, по обыкновенію, для пересмотра. По сихъ поръ мнѣ ихъ не отдали. Вѣроятно, послали въ другое мѣсто разбирать, а, можетъ быть, найдя тамъ несколько писемъ отъ Тургеньева, препроводили ихъ куды-нибудь на разсмотреніе. Какъ скоро получу свои бумаги назадъ, поѣду не останавливаясь въ Дмитровъ. Ёзды отъ сюды до васъ шесть дней. Изъ Дрездена выѣхалъ тому полтора мѣсяца назадъ. Въ Варшавѣ по болезни прожилъ двѣ недѣли теперь здоровъ. Въ Дрезденѣ пробылъ лишнее время, за что винюсь.

Прости, мой другъ.

П. Чаадаевъ.

На адресъ штемпелемъ: Брестъ. 2 авг. 1826 г.

Маркъ Федоровичу Козлову въ Москвѣ. Въ Содовникахъ въ приходъ Никола Ендовы въ домъ дьячка. Для доставленія
Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПРЕСТУПНЫХЪ ПОСЛОВЪ

въ литературѣ

XVI-го и начала XVII-го в. в.

**Обзоръ основныхъ направленій въ рѣшеніи вопроса
за время отъ К. Бруна по Г. Гроція.**

Въ исторіи развитія посольскаго права врядъ ли можно найти иную, болѣе важную, эпоху, нежели вторая половина 15-го столѣтія, когда обычай ¹⁾ государствъ Италіи содержать другъ у друга постоянныя посольства впервые ²⁾ получилъ болѣе широкое распространеніе, и послы этихъ государствъ появились при дворахъ великихъ Державъ того времени, въ качествѣ именно *посто-*

¹⁾ о немъ см. *Maulde-la-Clavière*, „La diplomatie au temps de Machiavel”; t. I, p. 306, 310.

²⁾ См. *Schaube*, „Zur Entstehungsgeschichte der ständigen Gesandtschaften”, in „Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung” XB. S. 525, 528.

янныхъ представителей монарховъ и республикъ полуострова. Причины самого настоятельнаго свойства дали ходъ дальнѣйшему развитію этого обычая¹⁾, и уже съ конца 15-го вѣка можно встрѣтить постоянныя посольства, которыми начинаютъ обмѣниваться между собою большія государства также и средней Европы; равно какъ консолидація въ политическомъ и національномъ отношеніяхъ Испаніи, Франціи и Англіи, обусловившая собою могущественное выступленіе этихъ Державъ въ международной жизни, тоже способствовала уясненію всей той пользы, какую представляло изъ себя содержаніе именно постоянныхъ посольствъ, сближавшихъ между собою и другія болѣе мелкія государства,—въ цѣляхъ лучшаго сохраненія ихъ собственной независимости, которой угрожала политика силы, проводимая великими Державами эпохи. *Всеобщаго* распространенія институтъ постоянныхъ посольствъ достигъ, впрочемъ, нѣсколько позднѣе,—въ періодъ Вестфальскаго мира и укрѣпленія системы политическаго равновѣсія, когда стала всѣмъ до очевидности ясной необходимостью быть *au courant* измѣненій въ отношеніяхъ участниковъ этой системы, получившей уже къ тому времени значеніе всевропейской.

Итакъ, потребовалось почти два вѣка на преобразование учрежденія посольства и приданіе этому институту международнаго права той прочности и постоянства, какія характеризуютъ его и по сію пору; вѣка, не оставшіеся безслѣдными и въ спеціальной литературѣ вопроса посольскаго права.

Въ самомъ дѣлѣ, сколь, вообще говоря, бѣдна литература 13—15 в. в., занимавшаяся почти исключительно *папскими* легатами²⁾, столь же она становится бога-

¹⁾ *Иб.*, 542 *u. flg.*

²⁾ Объ *особомъ* характерѣ папской дипломатіи см. напр. „*Hdb.*

той и разнообразной на протяжении 16-го и 17-го! И это неудивительно, принимая во внимание все обилие вопросов, какое принесла съ собой новая фаза въ развитии института посланничества, настоятельно потребовавшая выясненія хотя бы напр. того отношенія, какое должна была занять теорія къ факту зарожденія постоянныхъ посольствъ между государями ¹⁾, или—тѣхъ свойствъ, какими будутъ обладать послы при новыхъ условіяхъ своей службы ²⁾. Но (и это можно сказать съ увѣренностью) ни на чемъ такъ глубоко не отразилось въ ли-

des Völker." von F. v. Holtzendorff, III, 612; также—Nys „Les origines du droit international"; 361; изъ писателей XVII-го в.—*Christ. Besold.*: is legatus (*Pontificis scil.*) proprie dici nequit; ille enim fiduciarum et vicariam, pro Pontifice suo operam praebet, et omnem dignitatem, officium, partesque muneris sui non ex Jure Legati nostri, sed ex Pontificia pragmatica (ut loquuntur) habet, eiusque potestatem in commissis provinciis, non ex jure gentium, ut verus legatus, sed ex diplomate Pontificio legem recipit, quae nunc major nunc minor. („Disputatio Juridico-Politica, de Legatis eorumque Jure". Quam... Moderante.. Dn. Christophoro Besoldo... proponit... Jo. Wolfgangus Springer... Anno MDCXVII).

¹⁾ См. ниже *Приложение*: „Постоянные посольства и отношеніе къ нимъ писателей XVI-го и начала XVII-го в.в."

²⁾ О томъ, какая разница въ данномъ отношеніи между посломъ, имѣющимъ *опредѣленную* миссію, посланнымъ ad hoc, и *постояннымъ* дипломатическимъ агентомъ, см. В. Н. Александренко. „Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в." т. I, стр. 109 и сл.—Несомнѣнно, впр., одно, что вмѣстѣ съ появленіемъ и развитіемъ постоянныхъ посольствъ *совпало* и появленіе въ большемъ числѣ такихъ сочиненій, которыя посвящены главнымъ образомъ изображенію свойствъ идеальнаго („искуснаго") посла. См. De Legato Libri Duo Oct. Magii; MDLXVI: „... propositum nobis est formare *perfectum* legatum"; Julii Ferretti.. Consilia et Tractatus; 1562; Alb. Gentilis De Legationibus Libri tres; 1585; (вся послѣдняя книга!); „Le parfait Ambassadeur" par Don Antonio de Vera et de Çuñiga; MDCXXXV и т. д. и т. д.

тературѣ измѣненное положеніе вещей, какъ на вопросѣ, которому посвященъ настоящий очеркъ.

Дѣйствительно, за отмѣченное время едва ли насчитается слишкомъ много ученыхъ трактатовъ, которые, занимаясь посольскимъ правомъ, не включали бы въ себя болѣе или менѣе пространныхъ разсужденій о неприкосновенности пословъ, и (что гораздо любопытнѣе) не пытались бы объяснить новаго положенія вещей, создавагося въ этомъ вопросѣ благодаря тѣмъ измѣненіямъ, какія имѣли здѣсь мѣсто въ эту эпоху, и о какихъ мы только что говорили. А эти измѣненія отразились всего значительнѣе именно на посольской неприкосновенности.

Неприкосновенность посла восходитъ ко временамъ глубокой древности и, понимаемая въ смыслѣ спеціальной охраны его личности отъ насилій, всегда представляла изъ себя аксіому международной жизни. Впрочемъ, по общему правилу, неприкосновенный посолъ еще не былъ независимъ, и, какъ увѣряютъ, ничто не мѣшало напр. въ Римѣ ¹⁾ наказывать посла, нарушившаго законы

¹⁾ См. *Pietri*; „Étude critique sur la fiction d'exterritorialité"; Р., 1895, р. 25: „A Rome.... les insultes ou les voies de fait, auxquelles on pourrait se porter contre (l'ambassadeur), sont réprimées avec une vigueur exceptionnelle, mais lui-même, s'il commet une infraction aux lois du pays, n'est nullement à l'abri de la répression..." Вопросъ, впрочемъ, весьма споренъ, и историки, специально занимавшіеся международнымъ правомъ древности, крайне осторожны въ его разрѣшеніи; (ср. здѣсь напр. „Le droit des gens dans les rapports de Rome avec les peuples de l'antiquité", par M. A. Chauveau: „.. Il paraît même assez délicat d'indiquer dans quelles mesures les ambassadeurs et leur suite étaient soustraits aux poursuites criminelles"; — также „Das antike Völkerrecht" von Sig. Cybichowseki, 1907; S. 97: „Die Unverletzlichkeit.... der Gesandten erstreckte sich auf die Person des Gesandten und galt schlechtin. Weitere Vorschriften gab es nicht, vor allem, weil ständige Gesandtschaften nicht existierten). Нѣтъ, однако, недостатка и въ пи-

принявшаго его къ себѣ государства, въ мѣстѣ деликта. Въ теченіе всего средневѣковья и вплоть до новаго времени положеніе дѣла оставалось въ принципѣ тѣмъ же самымъ, что было и раньше ¹⁾; и только такая крупная перемѣна въ жизни, какъ появленіе постоянныхъ посольствъ, была въ состояніи нарушить старый принципъ, придавъ ему новое значеніе.

Суть въ томъ, что постоянный посолъ, живущій неопредѣленно долгое время въ странѣ, гдѣ онъ принятъ, строго говоря, уже мало походилъ на довѣреннаго старыхъ временъ, приходившаго для совершенія какого нибудь одного дѣла въ границы другого государства, остававшагося тамъ во время всей своей миссіи изолированнымъ отъ общества туземцевъ (иногда такъ и просто подъ стражей) и стремившагося только скорѣе возвратиться къ себѣ домой, чтобы тамъ отдать отчетъ о дѣлѣ своему Сувверену.

Постоянный посолъ новой эпохи, въ противность

сателяхъ, доказывающихъ полную независимость иностр. посла въ Римѣ какъ отъ уголовной, такъ и гражданской мѣстной юрисдикціи; (см. „The international law and custom of ancient Greece and Rome” by *Coleman Phillipson*; vol. I, 337). Но даже и признавая независимость посла въ Римской Имперіи, посольскія привилегіи новаго времени связываютъ скорѣе именно съ появленіемъ постоянныхъ посольствъ, чѣмъ—съ тѣмъ, какъ дѣло обстояло раньше; (ср. „Hdb. des Völker.” von *Holtzendorff*, III, S. 609, 616; также—„Du Conflit international au sujet des compétences pénales et des causes concomitantes au délit qui les influencent” par *C. M. Tobar y Borgoño*; 1910; p. 294, 297).

¹⁾ См. *Pietri*, ib., 26; также — „Traité théorique et pratique de droit intern. privé” par *A. Weiss*; V, 116: „au moyen âge et jusqu’au XVII-e siècle, la situation des ambassadeurs, presque partout encore investies de fonctions purement temporaires, demeura ce qu’elle avait été à Rome. Leur inviolabilité, toujours admise en droit, sinon toujours respectée en fait, n’emportait pour eux aucune immunité de juridiction”. Ср., кромѣ того, „Deutsches Gesandtschaftswesen in Mittelalter” von *V. Menzel*; 1892; S. 190.

этому, необходимо долженъ былъ жить мѣстной жизнью; между нимъ и жителями страны само собой, конечно, устанавливались дѣловыя отношенія, завязывались связи въ свѣтѣ, дружба,—вообще все, дававшее ему чувствовать ощутительное вліяніе среды, гдѣ онъ жилъ. Какъ трудно становилось въ такихъ обстоятельствахъ сохранить послу высокое достоинство своего представительнаго характера и сберечь совершенную независимость, необходимую для выполненія возложенныхъ на него задачъ, при условіи подчиненія территоріальной власти государства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ! Естественный ходъ жизненныхъ событій приводилъ так. обр. къ непремѣнному выводу установленія для посла другого ряда прерогативъ, чѣмъ то была старая (—неприкосновенности), прерогативъ, благодаря которымъ посолъ именно и былъ бы освобожденъ отъ дѣйствія и вліянія на него мѣстнаго суверенитета. Но для этого прежде всего требовалось время, и посламъ, чтобы стать не только защищенными, въ силу своей неприкосновенности, отъ насилій, а и быть подъ охраной отъ воздѣйствія самой территоріальной власти, пришлось пережить немало испытаній.

Это исключительно переходное время, конечно, нашло для себя отзвукъ и въ теоріи изслѣдуемаго нами періода литературы, гдѣ тоже, какъ и въ жизни, выступали свои „за” и „противъ” независимости, отстаивались воззрѣнія иногда прямо противоположныя одно другому, происходила рѣшительная борьба мнѣній, результатомъ которой явилось въ конечномъ счетѣ торжество наиболѣе крайняго изъ нихъ.....

Однако, какъ бы подчасъ ни расходились далеко другъ отъ друга литературныя воззрѣнія, всѣ ихъ объединяло собой нѣчто, придававшее изслѣдуемой литературѣ особый отпечатокъ; и этимъ нѣчто былъ въ ней самый способъ постановки вопроса о независимомъ послѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, о *независимости* собственно тогда говорили немного, скорѣе—о *неприкосновенности* посла, предпочитая оцѣнивать положеніе вещей болѣе съ точки зрѣнія ущерба, который наносился неприкосновенности тѣмъ, что посла виновнаго напр. въ совершеніи преступленія влекли въ тюрьму, чѣмъ—съ точки зрѣнія нарушенія независимости самой по себѣ; спрашивали скорѣе не о томъ, подчиненъ ли нѣтъ посолъ государству его принявшему, а о томъ, распространяется ли (или нѣтъ) специальная охрана, принятая въ международномъ оборотѣ для защиты неприкосновенности посла, и на случай, если на него будетъ наложено взысканіе по суду и т. д. Такимъ образомъ, по общему правилу, въ изслѣдуемыхъ сочиненіяхъ ученіе о независимости посла сливалось съ ученіемъ о неприкосновенности, и, съ точки зрѣнія системы, „мѣстомъ предмета” ученія о независимости посла было разсмотрѣніе прерогативы его неприкосновенности. Таково то общее, что сближало между собой изслѣдуемыя ученія, при всѣхъ ихъ различіяхъ въ остальномъ.

А эти различія, повторяемъ, были глубоки и серьезны, и изучить ихъ намъ казалось и своевременнымъ, принимая во вниманіе тотъ интересъ, который возбуждаетъ къ себѣ эта литература нынѣ (см. сочиненія Е. Ниса; В. Э. Грабаря и др.), и важнымъ, поскольку именно такимъ путемъ могутъ быть, съ нѣкоторой вѣроятностью успѣха, констатированы *предшественники Г. Гроція*, на этотъ разъ, въ области посольскаго права ¹⁾. Впро-

¹⁾ Здѣсь еще многое неясно и ждетъ рѣшенія. Возможно, что именно этимъ объясняется и то, что изслѣдователи новаго времени, говоря о предшественникахъ Гроція, просто *перечисляютъ* только всѣхъ (болѣе или менѣе) извѣстныхъ писателей по посольскому праву до Гроція; (см. напр. Em. Vercamer, „Des franchises diplomatiques et spécialement de l'exterritorialité; 1891; 11—14; или—Pictri; 28—29). И это еще въ лучшемъ случаѣ, такъ какъ, занимаясь

чемъ, даже и безотносительно къ Гроцію, работы такихъ изъ нашихъ авторовъ, какъ Джентили, Кирхнера ¹⁾; или и рядъ диссертаций, посвященныхъ животрепещущему тогда вопросу о неприкосновенности посла — *заговорщика*, представляли бы, по всѣмъ даннымъ, интересъ, въ смыслѣ просто отраженія нравовъ эпохи въ области дипломатическихъ сношеній государствъ XVI-го и начала XVII-го в.в.

содержаніемъ того, что было написано перечисленными т. обр. авторами, и опираясь въ этомъ на недостаточно провѣренныя заключенія другихъ, они прямо совершаютъ ошибки; (ср. *Vercamer*, 16 (3) — о К. Брунѣ).

¹⁾ „Son ouvrage . . . n'a guère d'importance" говоритъ Нисъ про „Посла" этого нѣмецкаго ученаго; (см. „*Les Origines*", 357). Опѣнка, сказать кстати, не совсѣмъ вѣрная, если принять во вниманіе и то, что сочиненіе Кирхнера пользовалось, судя по ряду изданій, большимъ распространеніемъ въ публикѣ, и то, что на него обычно ссылаются въ позднѣйшей литературѣ.

Неприкосновенность посла, понимаемая въ смыслѣ его права на чрезвычайную защиту своей личности ¹⁾, всегда сопровождала собой носителей дипломатическихъ функцій, и уже съ древности можно прослѣдить, какъ этотъ правовой принципъ находилъ для себя осуществленіе на протяжении вѣковъ. Изслѣдуемый періодъ исторіи не представляетъ изъ себя исключенія, и даже, касаясь именно XVI-го вѣка, „on demeure frappé du respect que la législation et la coutume accordaient aux fonctions diplomatiques ²⁾. Тоже, если только еще не съ большимъ основаніемъ, можно сказать и про *литературу* эпохи,—писателей, единодушно признававшихъ за послами право неприкосновенности ³⁾. Конечно, при этомъ немалую роль сыграли положенія римскаго и каноническихъ правъ.

Дѣйствительно, первое формальнымъ образомъ провозгласило неприкосновенность посла ⁴⁾, это же, со своей стороны, сдѣлало и каноническое, вводя въ *опредѣленіе* права народовъ начало уваженія посольской неприкосновенности ⁵⁾; но, опираясь въ своихъ сужденіяхъ напр. о наказаніи лицъ, обидѣвшихъ пословъ, на постановленія именно римскихъ законовъ или

¹⁾ См. Pradier-Fodéré, „Cours de droit diplomatique“; 1899; т. II, 12: „L'inviolabilité, c'est la sûreté absolue, complète; c'est le droit à la protection la plus vigilante, la plus efficace”...

²⁾ ib., p. 3.

³⁾ Объ авторахъ непосредственно предшествующаго изучаемому періоду времени и ихъ взглядахъ на неприкосновенность см. Maulde-la-Clavière; т. II, 31—32.

⁴⁾ I. L. D. 7, 17.

⁵⁾ Jus gentium est sedium occupatio . . . legatorum non violandorum religio.

и каноны Церкви, авторы ¹⁾ только развивали данные обоихъ основныхъ сборниковъ права: *Corpus jur. civilis* и *Corpus juris canonici*. Впрочемъ, они не ограничились однимъ комментированіемъ и приложеніемъ къ отдѣльнымъ случаямъ нормъ писанаго права...

Вся исторія съ ея войнами, которыя въ разное время велись изъ за оскорбленій, нанесенныхъ посламъ; съ тѣмъ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что само Божество мститъ оскорбителямъ священной личности пословъ ²⁾; — со взглядами на неприкосновенность, высказываемыми со стороны разныхъ философовъ, поэтовъ, историковъ ³⁾, — также давала имъ достаточно матеріала для солиднаго обоснованія положеній, относящихся до посольской привилегіи безопасности.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить и третьяго источника, изъ котораго изслѣдуемая литература тоже достаточно много черпала для своихъ заключеній, — тѣхъ основныхъ посылокъ о необходимости *мирныхъ* сношеній между людьми, объ исключительно *мирномъ* характерѣ обязанностей посла и т. п., которыя столь бле-

¹⁾ напр. *A. Gentilis*; I. II, с. XIII; *Chokier*, „Tractatus de Legato”; MDCXXIV; с. XL и др. — Подробны и многочисленны ссылки на законодательные источники посольской неприкосновенности у *C. Brun'a*; см. его „De legationibus libri quinque”; MDXLVIII, I. IV, с. II; (гдѣ, между прочимъ, цитируются постановленія и свѣтскихъ государей *средневековья*).

²⁾ *Brunus*, ib.; *C. Paschalius*; „Legatus”; с. XXVI (ed. 1612); *J. Hotmann*; „De la Charge et Dignité de l'Ambassadeur”; 1613; ch. IV. 1; *H. Kirchner*; „Legatus”, II, с. 1, 48 и др.

³⁾ приводятся напр. у Шоке, ц. соч., г. XL.

стояще были использованы напр. со стороны Эйро ¹⁾, Готмана ²⁾ и др. ³⁾.

Итакъ, опираясь на данныя изъ всего этого обширнаго и разнообразнаго матеріала, изслѣдователи пришли *въ общемъ* къ однообразному выводу въ вопросѣ о посольской неприкосновенности. Было бы неточно, однако, утверждать здѣсь нѣчто большее, поскольку мнѣнія авторовъ иногда и очень расходились по отдѣльнымъ вопросамъ доктрины ⁴⁾; хотя, съ другой стороны,

¹⁾ „... есть нѣкоторая родственность, связующая собой людей гораздо сильнѣе, чѣмъ тоже чувство соединяетъ м. собой напр. дикихъ животныхъ; и нужно, чтобы мы иногда примирались другъ съ другомъ... Но чтобы достигнуть этого примиренія, и чтобы, слѣд., наша вражда не длилась вѣчно, существенно необходимо также и то, чтобы тѣ лица, которыя среди огня и крови идутъ отъ одной воюющей стороны къ другой съ цѣлью устроить между ними согласіе и миръ, были въ такой же безопасности, и ихъ такъ же мало можно бы было обидѣть, какъ защищены отъ обидъ и неприкосновенны святыя. Иначе, — кто и рискнулъ бы взять на себя столь опасное порученіе?“ (См. „L'ordre, formalité et instruction judiciaire, dont les anciens Grecs et Romains ont usé ès accusations publiques... Par P. Ayrault, MDCXLII, l. I; part. IV; § 13). Ср. также сужденіе Эйро о посольск. неприкосновенности въ его „Decretorum libri VI“, Parisiis, 1573; 704—07.

²⁾ ц. с., г. IV, 1.

³⁾ Напр. F. Marselaer'a; см. его „Legatus“ MDCXXVI, 261.

⁴⁾ какъ напр. — въ томъ, должна ли быть предоставлена неприкоснов. посламъ только *проходящимъ* чрезъ территорію,—вопросъ спорный и по сію пору (ср. Pradier-Fodéré; ц. с., II, 25) и получившій для себя неодинаковое разрѣшеніе у двухъ наиболѣе популярныхъ писателей изслѣдуемой эпохи: Джентили и Кирхнера. Мнѣніе перваго (л. II, с. III), опирающееся какъ на прецеденты изъ древней исторіи, такъ и на соображенія вродѣ: „legati ex ipso nomine ad alios non sunt, nisi ad quos legantur“ (или: „si jus legationis ei non est, qui non publicam cum principe causam agit..... longe erit minus cum isto, qui omnino nullam agit cum eo, ad quem missus nec est“), рѣшительно *противъ* предоставленія

правда и то, что такое обстоятельство не уничтожаетъ еще силы *общепризнаннаго* правила, что посолъ, *принятый* въ качествѣ такового въ странѣ, куда посланъ, состоитъ подъ охраною особаго рода ¹⁾, въ томъ смыслѣ,

въ данномъ случаѣ посольскихъ „свободъ“ такимъ лицамъ,—по крайнѣй мѣрѣ, по началамъ строгаго права; (иначе—по началамъ справедливости, тоже имѣющей за себя прецеденты и основанія, какъ напр. слѣдующія: „legati homines pacis sunt. principis, aut reipublicae personam gerunt. rem curant publicam. delecti ut sacri, sancti mox fient“ etc.). Противное этому ученіе Кирхнера (I. II, с. I, 6—8), признававшего и за проходящими только по территоріи послами ихъ *право* неприкосновенности, предпочитало обосновываться скорѣе на I. 8 D. de divis. Rerum, а также на I. 4. C. de comm. et mercat...—Ни то, ни другое изъ предложенныхъ мнѣній не удовлетворило напр. Борція, къ которому примыкаетъ и Грифіандръ; (ср. V. E. Hrabar; „De Legatis et Legationibus Tractatus Varii“; MDCCCCV, 215, 218).

¹⁾ Иначе, — если со стороны того, къ кому направлялось посольство, послѣдуетъ *отказъ* въ его допущеніи. Вотъ сужденіе по этому поводу у Джентили (I. II, с. V): „Athenienses, Achei, Romani... ius hoc legationibus interdicendi, omnes usurparunt. ius est igitur. Et quidem ni prohibere liceret, ne legationes ad se mittantur: hoc uno satis iura gentium perturbarentur, quae rerum dominium distinctum, inviolatum esse volunt, iubentque“.. Впрочемъ, должна быть достаточная *причина* къ недопущенію посольства: ... „alioqui iura gentium immutabilia mutari, tollique a nemine possunt“. Объ этихъ причинахъ см. подробно у Кирхнера; (I. II, с. II, 113 etc.). — Изъ основаній ^{а)} къ недопущенію посольствъ и пословъ и, слѣд., къ отказу имъ, при случаѣ, въ посольскихъ привилегіяхъ отмѣтимъ то, когда посылаемое лицо *подданный* страны, куда оно посылается. Принципіальная точка зрѣнія на предметъ установлена у Джентили: „non esse ius legationis cum suo domino subditis, hinc patet, quod potentioribus et dominis pares esse non possumus. legatus autem se ut parem gerit principi, apud quem agit legationem, et civilibus praeceptis non adstringitur, aut ulla eiusdem principis civili constitutione“; (I. II, X).

^{а)} подчасъ весьма характерныхъ для эпохи составленія трактатовъ. Въ этомъ смыслѣ интересно напр. мнѣніе Джентили, защищавшаго свободу посольствъ

что насиліе, учиненное надъ нимъ кѣмъ бы то ни было (самимъ ли правительствомъ, при которомъ онъ аккредитованъ, или и частными лицами), влечетъ за собой наказаніе виновнаго по праву народовъ съ присущими послѣднему мѣрами воздѣйствія ввидѣ выдачъ, войнъ и репрессалій ¹⁾ (смотря по лицамъ, допустившимъ нарушеніе неприкосновенности).

Но если это и дѣйствительно такъ, т. е. если дѣйствительно неприкосновенность въ указанномъ смыслѣ констатируется на протяженіи всей литературы періода, нельзя также и преувеличивать цѣнности единогласія въ этомъ пунктѣ.

Дѣло въ томъ, что, какъ замѣчено, авторы XVI-го ст. мало отграничивали привилегію неприкосновенности отъ другой, смежной съ ней,—независимости посла отъ суда и закона страны, при правительствѣ которой онъ

со стороны еретиковъ и отлученныхъ, между прочимъ, какъ прецедентами изъ исторіи, такъ и соображеніями отъ самой природы права народовъ; (см. I. II, с. XI). Аргументы Джентили всецѣло раздѣляются и другими протестантами изъ нашихъ авторовъ; (см. напр. *J. Hotman*, ch. IV); но за то, какъ остороженъ въ этомъ пунктѣ хотя бы Шокье, католикъ! (См. его „*Tract. de Legato*” с. XL.).

¹⁾ Но можно ли осуществлять послѣднія и по отношенію къ самому послу, если онъ представляетъ собою лицо, ранѣе нарушившее право неприкосновенности пословъ того, къ кому оно сейчасъ посылаетъ своихъ? Вопросъ очень спорный. Вотъ тезисъ Джентили: „*Qui alterius laesit legatos, suis non speret stare jus legationis*” (I. II, с. VI). Со Джентили всецѣло солидаренъ и Кирхнеръ, приводящій, м. прочимъ, въ защиту тезиса и многочисленныя цитаты изъ римск. и канонич. правъ; (I. II, с. I; §§ 70—103). — *Contra* предыдущихъ Х. Безольдъ: „... nec desunt etiam hujus talionis exempla. Et tamen impium et inhumanum esse videtur, si id fiat. Vergeret namque hoc in praejudicium tertii (Legati scilicet innocentis) qui semel securitatis jus, etiam pro sua persona acquisivit; quod ipsi facto alterius Domini nempe sui, auferri nequit”; (Christophori *Be-*

аккредитиванъ¹⁾; но и признавая эту независимость, какъ слѣдствіе неприкосновенности, и отрицая ее, какъ вмѣстѣ съ ней для преступнаго посла отрицалась и его неприкосновенность, они все равно распадались на два лагеря, но уже въ вопросѣ о самой неприкосновенности, безусловно сходявшіеся лишь на томъ, что только невиновный посолъ дѣйствительно неприкосновененъ въ своей личности; что, конечно, не было ужъ очень важнымъ открытіемъ! Таково понятіе неприкосновенности и таковы *конечные* результаты, къ которымъ пришли изслѣдователи этой посольской привилегіи въ XVI-мъ и началѣ XVII-го в.в.

Необязательно, однако, разсматривать только то, что достигнуто; любопытны, скорѣе, пути достиженія, къ изслѣдованію которыхъ мы сейчасъ и обратимся; намѣреваясь проанализировать, согласно нашей задачѣ, ученіе о неприкосновенности посла, въ случаѣ совершенія имъ преступленій въ мѣстѣ миссіи, на протяженіи литературы періода. Уже впередъ можно предполагать, что здѣсь намъ встрѣтится кое что и новое сравнительно съ тѣмъ, что мы нашли, излагая итоги возрѣній на неприкосновенность,—если принять во вниманіе, что намѣченная проблема принадлежитъ скорѣе къ области ученія именно о независимости дипломатическихъ аген-

soldi.... „Specilegia politico-juridica, De Legatis, De sessionis praecedentia” etc; MDCXXIV, 69). Ср. съ этимъ также слѣдующія слова изъ „L’ordre, formalité et instruction iudiciaire” П. Эйро: „... L’Ambassadeur n’est pas inviolable de la seule volonté des deux entre lesquels il negocie, mais de droict: et ne peuvent luy changer et immuer sa qualité: l’un, le rendre privé, en le revouquant, qu’il ne soit premierement de retour: l’autre ne le tenir plus pour Ambassadeur”.... (l. I, part. IV, 17).

¹⁾ См. въ концѣ *Приложеніе II-ое*.

товъ, чѣмъ ученія собственно объ ихъ неприкосновенности, сущность котораго нами сейчасъ указана.

Одно обстоятельство, способствующее, на нашъ взглядъ, выполнению принятой нами теперь на себя задачи, можетъ быть констатировано при этомъ уже съ самого начала. Дѣло въ слѣдующемъ: даже только при поверхностномъ чтеніи нашихъ авторовъ, очевидна вся значительность роли, какую сыграло въ ихъ конструкціяхъ понятіе нѣкотораго *народнаго права*. И дѣйствительно, это только съ появленіемъ правового общенія между народами и стало возможнымъ, по Джентили ¹⁾, констатировать возникновеніе между ними и собственно посольствъ; это — въ *народномъ правѣ* нужно искать само начало института посланничества ²⁾; это — чрезъ *народное же право* онъ находитъ для себя и вѣрное истолкованіе ³⁾ и т. д.

¹⁾ I. I, c. XX.

²⁾ *M. Bortius*: „Prius quàm causas attextemus, Legationis origo seu principium investigandum. Ex naturae seu Jure gentium illud”; („Discurs. Academici de Jure Publico”... A Dom. *Arumaeo* editi; t. I, Dis. XIV, th. VII). Cp. также „Themata Juridico-Politica de Legatis et Legationibus”; Quae proponit *M. Rasschius*; MDCXXIV; th. 18;—или „De Legationibus et Legatis Dissertatio iuridico-politica”; quam ... praeside...Dn. Chris. *Krembergk*... publico examini subiecit Jo. Beckmann; MDCXXIII; th. VII и др.

³⁾ *Jo. Gryphiander*: „Legati aestimantur et censentur.... jure Gentium (b); (b) ex communi omnium gentium ratiocinatione hi interpretationem recipiunt verique legati habentur”; („Discurs Acad.”; I, dis. XXIX, c. I).

По отношенію, въ частности, къ вопросу о неприкосновенности, категорія народнаго права приобрѣтаетъ для себя только дальнѣйшее приложеніе, поскольку посольская неприкосновенность—всегда институтъ именно народнаго, а никакого иного, права. Такъ, уже у К. Бруна послы защищены отъ возможныхъ обидъ по праву народовъ¹⁾; у Эйро—„(Legati) meritò sunt jure Gentium sacrosancti, meritò inviolabiles”²⁾; для Марселера—„iure gentium sancta sanctio est, ut, etiam hostium ipsorum praesidio, tuta et inviolabilis sit legatio”³⁾ и т. д.⁴⁾. Сужденія, кстати сказать, естественно дающія основаніе рассчитывать, что и для еще болѣе частнаго вопроса (неприкосновенности посла въ случаѣ совершенія имъ преступленій) разсмотрѣніе предмета исключительно съ точки зрѣнія j. gentium было всецѣло сохранено у нашихъ авторовъ....

Но—изслѣдуемая литература не остановилась и на этомъ, поскольку нормы народнаго права были, по различнымъ соображеніямъ, восприняты ею въ качествѣ критерія и для оцѣнки преступной дѣятельности посла самой по себѣ; такъ что не только тогда, когда приходилось рѣшать, какъ же обойтись съ неприкосновенностью посла уже совершившаго преступленіе; но и тогда, когда рѣшался вопросъ только о наличности самой вины и наказаніи, это было народное право, право народовъ (j.

1) l. IV, cap. II: *De poenis eorum, qui Legatos contra ius gentium violent.*

2) *P. Aerodii*... Rerum ab omni antiquitate iudic. Pandectae; 1615; l. X; tit. XV; c. X.

3) l. II; Dissert. XIII.

4) Ср. съ указанными напр. также слѣдующія заключит. слова Джентили по поводу неприкосновенности (какъ, впрочемъ, по поводу и вообще всѣхъ привилегій посла): „supradicta sunt de jure gentium, quod longe excellentissimum, et praestantissimum est (*quam scil. civile*)”; l. II, c. I. См. также Кирхнера; l. II, c. I, 30 и сл.

gentium), слѣдую которому находили и соответствующую норму оцѣнки. Пунктъ существенно важный въ томъ отношеніи, что, если дѣйствительно преступленія посла оцѣнивались тогда у нашихъ писателей только съ точки зрѣнія народнаго права, посолъ принципiально былъ изъятъ изъ-подъ дѣйствія на него *мѣстнаго* уголовного права государства; а весь споръ авторовъ о неприкосновенности посла вращался въ уже заранѣе отграниченной области преступленій *contra jus gentium*. Но это такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Уже изъ „Пандектъ” Эйро видно, что посольская неприкосновенность обусловлена тамъ несовершеніемъ со стороны посла преступленій противъ народнаго права ¹⁾; для Джентили—„*uno gentium iure iudicantur legati, si ipsi iudicandi sunt. ex quo mox consequitur, delicta in legato quaedam non esse, quae in aliis sunt juri etiam civili subiectis; et non esse quaedam rationis eiusdem*” ²⁾; въ трактатѣ анонимаго автора, озаглавленномъ: „*De Legato et Absoluto Principe Perduellionis Reo*”, рѣчь идетъ тоже только о тѣхъ, „*qui ea scelera perpetrant, quae iure civili, quod indubitato e fontibus iuris naturalis et iuris gentium fluxit, ultimo supplicio vindicantur*” ³⁾; равно какъ и для другого анонима (автора „*Quaestionis veteris et novae*” ⁴⁾) посолъ, совершившій *crimen laesae majestatis*, прежде всего „*eiusmodi scelera patrando ius gentium violat*” ⁵⁾. Впрочемъ, ни у кого, кажется, изъ нашихъ авторовъ это ученіе объ отвѣтственности посла по нормамъ *juris gen-*

¹⁾ I. X, tit. XV, c. XII.

²⁾ I. II, c. XIII.

³⁾ Ср. *V. E. Hrabar*; 127.

⁴⁾ *Quaestio vetus, et nova: An Legatum adversus Principem, vel Rempublicam ad quam missus est, delinquentem salvo Jure gentium capere, retinere, ac punire liceat?* Argentorati, MDCVI; in—8°.

⁵⁾ p. 20.

tium не нашло для себя такого развитія, какъ у Г. Кирхнера.

Интересно уже только начало разсужденія у него объ этомъ предметѣ, то мѣсто, гдѣ имъ утверждается самая общая точка зрѣнія на вопросъ объ обязанностяхъ посла: „пусть посолъ не приноситъ съ собой изъ дому, говоритъ здѣсь Кирхнеръ ¹⁾, такой же глупой мысли, какой обыкновенно проникнуты вырвавшіеся на волю изъ узъ школьной дисциплины студенты нашихъ надѣленныхъ вольностями Университетовъ, полагающіе, что они могутъ тамъ безнаказанно дѣлать все, что заблагоразсудится. Ибо въ дѣйствительности свобода не только не служитъ поддержкой для своеволія, но привилегированные должны быть судимы даже строже, въ случаѣ злоупотребленія ими своимъ положеніемъ, чѣмъ другіе преступники”, — съ однимъ, впрочемъ, условіемъ, имѣющимъ мѣсто примѣненія именно къ посламъ: быть судимы согласно нормамъ народнаго права, которому они и подчинены въ своей дѣятельности: „*quamvis capitali poena in legatum animadverti possit ob illa, quae tum divinis tum naturalibus legibus sanguinis poenam merentur, ut latrocinia : attamen in illis, quae singularibus cujusque civitatis moribus et statutis vetita, duriores poenam et multam imponunt, si forte legatus offenderit, secundum civilis legis rigorem coerceri ille non debet. Affert enim legatus secum juris gentium leges et normas, quas juxta examinari et puniri delicta ejus oportet*” ²⁾). Два, три случая служатъ у Кирхнера въ качествѣ иллюстраціи къ подчеркнутому нами въ цитатѣ мѣсту о роли *juris gentium* при оцѣнкѣ дѣятельности пословъ. Они характерны.

Предъ нами случай съ послами персидскаго царя Дарія, умерщвленными не безъ вѣдома государя, при ко-

¹⁾ I. II; c. I; 104—106.

²⁾ ib. 125.

торомъ были аккредитованы, за преступленіе противъ нравственности. Обычно, говоритъ Кирхнеръ, всѣ ¹⁾ приводятъ этотъ случай (чтобы показать, какъ наказуютъ пословъ, недостойно себя ведущихъ), но—безъ достаточной критики обстоятельствъ дѣла. Примѣняя же послѣднюю, нетрудно убѣдиться, что во всемъ этомъ происшествіи мы имѣемъ на лицо только нарушеніе народнаго права со стороны тѣхъ, кто, въ пылу раздраженія, *незаконно* убилъ пословъ, такъ какъ ни по статутамъ Македоніи (гдѣ произошло дѣло), ни (еще менѣе) по нравамъ персидскимъ, вовсе не было уголовнымъ преступленіемъ „*licentiosius foeminam amplecti, aut improbam manum in sinum matronalem injicere*”; въ чемъ единственно и были виновны представители царя Дарія. „*Sed esto—, продолжаетъ Кирхнеръ,—protervi et libidonosi Persarum regis legati, contra legationis gravitatem et decorum fuerint: eane satis justa necis causa? Minime gentium. Etsi enim Macedonicis legibus... capitale fuisset, licentiosius foeminam amplecti.... illis tamen moribus et statutis legatus condemnari non poterat* ²⁾). *Quamvis n. capitali poena...*” ³⁾ etc.

Начало освобожденія посла отъ нормъ мѣстнаго уголовного права наглядно демонстрируется Кирхнеромъ также еще и на слѣдующихъ конкретныхъ случаяхъ:

Въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи и въ другихъ странахъ существуетъ запрещеніе, подъ страхомъ тягчайшаго наказанія, публично носить оружіе; но, конечно, слѣдую только что сказанному, посолъ „*gladii ferendi in-*

¹⁾ См. напр. *Brunus*, IV, c. IV: „*Omnium autem maxime castitatem servare decet Legatis.... De qua re, pulchrum sane et memorabile exemplum extat, apud Iustinum in Breviario, de Oratoribus Persarum ad Amyntam Regem missis*”.

²⁾ I. II, c. I, 123—4.

³⁾ См. выше на стр. 18 прим. 2.

terdicto non conveniri potest" ¹⁾). Или—другой примѣръ: Императоръ Фердинандъ строжайше запретилъ однажды доступъ въ свой заповѣдный лѣсъ, предназначенный для охоты и т. п. Кучера польскаго аккредитованнаго при Фердинандѣ посла, тѣмъ не менѣе, вошли въ этотъ лѣсъ и срубили тамъ дерево для починки своихъ экипажей. Дѣло дошло до Императора, но когда послѣдній узналъ, что виновными въ нарушеніи запрета являются кучера *посла*, „impune res illa cessit" ²⁾....

Лежащія въ основаніи ученія о преступленіяхъ посла тезисы вродѣ того, что „jure gentium solo censetur Legatus" ³⁾; или: „Legatus... censetur jure gentium, ergo de illo tantum delicto, quod jure Gent. puniendum venit, tenebitur" ⁴⁾; или: „Legatus contra jus gentium agens, securitate illius Juris gaudere non debet" ⁵⁾; или: „Juris interpretes proferunt; legatos peregre nullis vel legibus, vel

¹⁾ I. II, с. I, 128.

²⁾ *Ib.*, 129; для правильнаго пониманія мысли *Кирхн.* важны, намъ кажется, еще слѣдующія слова его, которыми онъ заканчиваетъ передачу всего происшествія съ кучерами: „non autem haec eo modo accipiuntur, quasi prohiberi legatus, ne ingrediatur alterius lucum et fundum, non possit: potest equidem ratione naturali, *l. 3. ff. de acquirend. R. domin. l. per agrum. C. de servit. et aqua.... Verum hoc ex illis intelligatur, legatum scilicet ob delicta non ullis civilis et municipalis statuti sanctionibus, sed juris gentium dictamine puniendum esse*"; *ib.*, 130.

³⁾ „Discur. Acad. de Jure Publico".... I, disc. XII.

⁴⁾ *ibid.*; Disc. XXIX, XII (b); ср. также *ib.*, Disc. XIV; XVI (b).

⁵⁾ *Chr. Besoldi... Specilegia politico — juridica, etc.. 1624; p. 77; ср. также „Themata juridico-Politica de Legatis et Legationibus*"; Quae.... proponit *M. Rasschius*; 1624; Th. 93: „Legatus si apud eos delinquat in jus G. ad quos missus est, securitate non gaudet: sed puniendus est.."; th. 94: „Non autem impingens in l. l. civiles et mores regni, propterea tenetur Jus civile enim est, quod quisque populus *Sibi* jus constituit; et quod Proprium ipsius civitatis. § 1. *inst. de J. N.* non igitur ligat Legatum".

consuetudinibus, vel ritibus municipalibus obnoxios subijci" ¹⁾),—также показываютъ, какъ глубоко проникла въ сознание и *другихъ* авторовъ идея оцѣнки преступлений посла исключительно съ точки зрѣнія народнаго права, а, слѣд., въ связи съ этимъ, и—освобожденія дипломатическихъ агентовъ отъ дѣйствія на нихъ уголовнаго права страны, гдѣ они были приняты.

Итакъ, и говоря вообще ²⁾), изслѣдуемые авторы со-

¹⁾ *Marselaer*; I. II, Diss. XIV (1626); ср. также *I. Hotman*, IV, 12: "... je dy derechef, que bien que par la rigueur des loix civiles d'un Estat, l'Ambassadeur auroit merité chastiment, si se faut-il souvenir que le droit des gens, en la sauvegarde duquel ils sont, doit estre preferé..... Car l'utilité publique, a laquelle seule regarde le droit des gens, est plus considerable, que la justice et vengeance particuliere, à laquelle regarde principalement le droit civil"; (quatrieme edition).

²⁾ Дѣло въ томъ, что находился и одинъ писатель, утверждавшій, что посольство именно не независимо и вообще отъ всѣхъ уголовныхъ законовъ въ странѣ, при государѣ которой онъ аккредитованъ. Этимъ писателемъ былъ испанскій дипломатъ *Антоніо Сунига*; (см. его „Le parfait Ambassadeur"; 1635; 116).—Въ современной литературѣ есть мнѣніе, что и напр. Джентили также, по крайней мѣрѣ, *противорѣчилъ* себѣ, утверждая, съ одной стороны, что „*ipso jure gentium judicandus legatus est*" (I. II, 18); а, съ другой—, что мѣстный государь можетъ и предписывать аккредитованнымъ при немъ посламъ свои повелѣнія въ формѣ законовъ; (I. II, 17). (См. *Beling*; „Die strafrechtliche Bedeutung der Exterritorialität", 1896; 29(8). Но, вѣдь, эти законы не должны идти въ разрѣзъ съ посольскимъ правомъ вообще: „*licet principi legem legato ponere, quae jus non imminuat legationis*".... (I. II, с. 17). Было бы, можетъ быть, болѣе существеннымъ отмѣтить то обстоятельство, что среди изслѣдуемыхъ находились и такіе писатели, которые ограничивались здѣсь просто самыми общими формулами, какъ „(si) honeste in Legatione versantur (legati)" (см. *Brunus*, IV, 4); или: „si l'Ambassadeur a *griefuement* offensé"; (*P. Ayrault*, L'ordre etc; I. I, IV, 19) и т. п.; вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлали другіе, заниматься при этомъ и взаимоотношеніями *j. civile* и *j. gentium* въ области посольскаго права.

гласны въ томъ, что лишь совершеніе со стороны посла „delictorum juris gentium“, „criminum generis humani“ и т. п. выдвигаетъ и тотъ вопросъ, какъ же слѣдуетъ поступить (и тоже по началамъ именно народнаго права) при такихъ обстоятельствахъ съ *неприкосновеннымъ* посломъ. Конечно, это только суживало рамки задачи, сводя всю ее къ одному,—кто же собственно можетъ быть *судьей* провинившагося посла. Нѣсколько справокъ, и мы убѣдимся въ этомъ.

Вотъ какъ, для примѣра, понималъ задачу своего изслѣдованія хотя бы П. Эйро, одинъ изъ наиболѣе раннихъ нашихъ писателей: „Voyons donc si ce qu'on dict communement qu'ils (Ambassad.) sont inuiolabl s par droict des Gens: et leur personne tenuë et réputée pour sainte, a tel poids que tant s'en faille qu'on puisse rien executer, ny entreprendre contre'eux sans cognoissance de cause, *qu'on ne les puisse pas mesme traicter en Justice pour crime qu'ils ayent commis parmi ceux ausquels ils ont esté envoyez*: et s'ils ont cela de priuilege, qu'à l'occasion du delict ils ne contractent nul domicile ¹⁾. Постановка вопроса усвоенная и единомышленникомъ Эйро (тоже франц. юристомъ) Морнакомъ ²⁾, какъ, впрочемъ, ее одинаково раздѣляли и остальные изслѣдователи, какъ бы далеко ихъ мнѣнія и ни расходились иногда въ *рѣшеніи* поставленной такимъ образомъ проблемы ³⁾.

¹⁾ „L'ordre, formalité et instruction iudiciaire etc., I. 1., IV, 12.

²⁾ „Observationes in XXIV libros Digestorum“; Parisiis; 1616; ad l. 2 § 1. D. de judi. 5, 1: „in legatis... maioribus, cuiusmodi sunt qui a Regibus, Ducibus, et Rebuspublicis mittuntur, defendit eos usque adeo ius gentium, ut... in capitalibus iudicium inviti... sibi... non accipiant“.

³⁾ См. *напр.* заключительныя слова „Quaestionis veteris et

Установивъ въ предыдущемъ *границы*, соблюдая которыя изслѣдуемая литература занималась неприкосновенностью посла, совершившаго преступленіе въ мѣстѣ миссіи, остановимся теперь на тѣхъ направленіяхъ, на какія разбилась въ своемъ развитіи интересующая насъ теперь доктрина.

Два основныхъ теченія должно быть отмѣчено при этомъ: по одному изъ нихъ выходило такъ, что посолъ, совершившій преступное дѣяніе, подлежалъ вѣдѣнію суда страны, гдѣ онъ былъ принятъ ¹⁾; тогда какъ по другому, ему противоположному,—посолъ продолжалъ быть неприкосновеннымъ, несмотря ни на что, и даже вся сила и значеніе, какія имѣетъ въ себѣ принципъ неприкосновенности, только и могли быть обнаружены при наличности преступленія, совершеннаго посломъ. (Разумѣется, это дѣленіе схематично и не охватываетъ всего литературнаго матеріала эпохи. Послѣдній былъ куда болѣе богатъ и разнообразенъ; причемъ, въ борьбѣ

novae": „... concludimus Legatum delinquentem... citra iurisgentium iniuriam contemptumve licenter capi, retineri, ac *puniri ab eius Principis magistratu, cuius majestatem laesit*", (V. E. Hrabar, 202); также—„*An perduellionis recte legato dies dici possit*" и „*An aliae actiones poenales competant in legatum*"; („Legatus". Opus C. Paschalii; 1612; с. LXXIV и LXXV); также—„Disput. Juridico—Politica, de Legatis eorumque Jure". Quam... Moderante Chr. Besoldo... proponit.. Jo. Wolf. Springer, 1617; thes. 43: „An vero actiones poenales in legatum nostrum dentur hic quaeritur?"; также—Concl. XII (b) in XXIX Discurs.; („Discurs. Academ. de Jure Publico"; v. I);—Chokier; „Tract. de Legato", 1624; p. 100;—Marselaer, l. II, Diss. XIII; — I. Hotman; „De la charge et dignité de l'Ambassadeur" IV; 5; и др.

¹⁾ И, слѣд., переставалъ быть неприкосновеннымъ, такъ что наказаніе такого лица принципиально не влекло для наказующаго тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыя имѣли бы мѣсто при всякомъ иномъ посягательствѣ на неприкосновенную особу.

противоположныхъ воззрѣній, изслѣдователи, придерживавшіеся, вообще говоря, одного взгляда, воспринимали подчасъ въ свои сочиненія и выводы собственно *инного* характера. Говорить объ этихъ посредствующихъ направленіяхъ, а также о причинахъ, обусловившихъ ихъ появленіе, не составляетъ пока нашей задачи).

Итакъ, совершая преступленіе *contra jus gentium*, говорили представители одной части нашей литературы, посолъ отвѣчаетъ предъ тѣмъ именно государствомъ, при которомъ онъ былъ аккредитованъ, и гдѣ именно имѣло мѣсто совершенное имъ дѣяніе....

Въ сущности, это было настолько ясно для однихъ изъ нихъ, что не требовало для себя и доказательства ¹⁾; для другихъ—обычнымъ аргументомъ служилъ здѣсь тотъ, что неприкосновенность посла, строго говоря, *обусловлена* его поведеніемъ; откуда и—выводъ, что, какъ принимающій пословъ обязанъ имъ предоставленіемъ безопасности, такъ и послы, злоупотребляя своимъ положеніемъ, подлежатъ суду и наказанію со стороны мѣстной власти. *Въ той или другой формѣ*, но эта идея взаимности встрѣчается у значительнаго числа противниковъ посольской независимости; [см. *Кирхнеръ*; I. II, с. I: „De missi officio, quod vicissim securitatem sibi praestantibus debet, agamus... (104)... Non igitur mirum cuiquam videatur, si extra publicae securitatis juris gentium septa rapti quandoque regum caduceatores esse, affectique ultimo supplicio audiantur”.... (114). Ср., далѣе, „*Quaestio vetus et nova*”; (p. 23): „quo sollicitius (legatorum) securitati consulitur, pluribusque ornantur privilegiis... eo pluribus poenis percellantur.. intelligent tantisper se sanctos esse et tutos meare, morari ac remanere, donec sancte, innocenter et ho-

¹⁾ См. напр. „De Legato et Absoluto Principe Perduellionis Reo”: „... Duae sunt rationes tollendi malos e medio...: *per iudicia, si rei sunt in nostra potestate*”; (*Hrabar*; 127).

neste vixerint".—См. также заключенія *Арума*: „... de Hispano ex jure (ab Anglis) supplicium sumi potuisse per subsequentes rationes contendo.....: Legatus ita demum legationis jure gaudet, si se Legatum, non proditorem ostenderit... et non solum Legati, verum etiam ut Principis, ad quem missus, in tuto sit salus, providendum est...; („Disc. Acad. de Jure Publico"; v. I, disc. XII); или—*Безольда*; („Specilegia politico-juridica"; p. 73); — *Шокье*; („Tractatus de Legato"; p. 98); и т. д. и т. д. ¹⁾.

Но, кажется, ничто такъ не способствовало отрицательному взгляду на посольскую независимость, какъ положенія римскаго права. Наиболѣе подробно на нихъ останавливается Джентили. — Такъ, рядъ нормъ именно этого права (съ *l. 25. D. de iudi.* во главѣ) даетъ ему мысль выставить такое свое пожеланіе: „De omni contractu, quem tempore legationis legatus iniit, subire eum iudicium volo" ²⁾),—хотя бы даже соотвѣтствующія мѣста изъ *Corpus'a* и говорили собственно о провинціальныхъ, а не о нашихъ, послахъ. Вѣдь, въ сущности (и что ка-

¹⁾ Впрочемъ, обусловливая неприкосновенность посла, въ частности, несовершеніемъ съ его стороны деликтовъ, конечно, не рѣшаютъ еще вопроса о судѣ надъ виновнымъ. Это чувствовалось, и напр. тотъ же авторъ „*Quaestionis veteris et novae*" считаетъ нужнымъ [и еще] защищать права суда мѣста совершенія преступленія какъ противъ тѣхъ, которые полагали бы, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ прибѣгать къ помощи оружія (*ib.*, 37), такъ — и противъ тѣхъ, которые отстаивали право суда именно того государя, представителемъ котораго былъ виновный; (*ib.*, 44). Ср., кромѣ того, и указанное мѣсто (p. 98) изъ трактата *Шокье*: „quod diximus legatos nefas esse violare, hactenus cape, nisi ii ipsi aliis iniurii sint. quidni enim iniuriam a se propulsent quibus illata? cum legationum iura aequabilia sint, parique passu ambulent"... со слѣдующимъ отсюда замѣчаніемъ „Reos criminis manifesti non solere illico puniri: sed à Principe cuius est legatio inquiri an rata habeat eiusmodi molimina"... (*ib.*, p. 100).

²⁾ I. II c. XVI.

сается послѣдняго пункта) не все ли даже это равно, поскольку такая встрѣчающаяся здѣсь сентенція Юліана, какъ: „ne legatis... potestas detur, res alienas domum auferendi”, совершенно естественна („ex iure naturae ducitur”) очевидна и—такова, что, слѣдуя ей и ей подобнымъ, становится понятной, по кр. мѣрѣ, возможность обязательствъ со стороны и нашего посла въ мѣстѣ управленія имъ своей миссіи. Итакъ, позволительно заключать въ данномъ случаѣ отъ положеній объ одномъ къ сужденіямъ собственно о другомъ предметѣ.... Но— „prosequamur iniectam definitionem de iudice legatorum” ¹⁾!

Юристы вообще совершенно согласны съ тѣмъ, что всякій иностранецъ, совершившій какой либо деликтъ, вступившій въ договоръ и т. п., судится судьей мѣста совершенія деликта и пр., подчиняясь т. обр. юрисдикціи, которой, при другихъ условіяхъ, онъ *не* подчиненъ. По отношенію, въ частности, къ послу это не вызываетъ сомнѣній ни у кого изъ нихъ ²⁾. Правда, ихъ сужденія опять таки относятся собственно до провинціальныхъ пословъ; однако, тоже самое должно быть сказано и о международныхъ. И дѣйствительно: „*illae rationes, propter quas obligari legatum in loco legationis, diximus, non urgent satis, ut loci quoque princeps iudex legati constitutur? Quantum est, ut obligatum legatum fecerimus, nisi sit, qui de obligatione ius dicere valet? Sunt non in delictis illae rationes? At si in reliquis tenent: certe tenent et in delictis*” ³⁾.

¹⁾ *ib.*, c. XVII in princ.

²⁾ „Et in ipso legato rescripsit hoc divus Marcus, scripsere Julianus, Papinianus, Venuleius, Paulus, constansque omnium prudentum consensus est. Ac licet de minoribus legatis loquuntur, eadem tamen est et de maioribus ratio”. (*ib.*).

³⁾ *ib.*, причѣмъ далѣе идутъ уже просто примѣры изъ исторіи въ подкрѣпленіе сказаннаго; они, конечно, не возбуждаютъ противъ себя возраженій: „...facta haec non iniusta censemus”; *ib.*

Таковы дедукціи Джентили, и таково примѣненіе имъ римскихъ законовъ въ области ученія собственно о посольской независимости.

Вліяніе нормъ римскаго права на *другихъ* авторовъ, также отрицательно относившихся къ идеѣ независимаго посла, было, пожалуй, и еще значительнѣе; и римскіе законы нашли для себя еще болѣе непосредственное приложеніе въ вопросѣ о посольской независимости у цѣлаго ряда такихъ изслѣдователей, какъ анонимный авторъ „De Legato et Absoluto Principe Perduellionis Reo” ¹⁾; или (и тоже анонимный) составитель „Quaestionis veteris et novae” ²⁾; Арумъ ³⁾; Борцій ⁴⁾ и др. ⁵⁾.

Итакъ, независимость посла еще не включается въ его неприкосновенность, и даже, пользуясь неприкосновенностью, посолъ *взаимнѣ* того именно не независимъ; вовсе не противъ такого подчиненія посла и авторитетъ

¹⁾ См. его *второй* и *третій* аргументы въ защиту своего тезиса; правда, такъ и взяты изъ j. civile:—„quae sequuntur, ad iuris civilis naturam magis accedunt”; (ср. *Hrabar*; 127).

²⁾ ...„Accedit his manifestum Pauli l. 24. ff. de jud... Nec moramur quod argutari licet in ea lege Paulum non agere de legatis hostium foederatorumve, sed de provincialibus sive municipalibus.... Huic enim cavillo sic respondemus: utrobique eandem esse rationem atque adeo idem jus: l. illud. ad l. Aquil. l. Titio ff. de verb. oblig. nam quod his patriae communio, hoc illis sceleris castigatio tribuit, nimirum ut jus revocandi domum utrique amittant, cum fori praescriptio nulla sit in delictis, tritum enim et notum est, ibi quemque conveniendum ubi deliquit vel ubi reperitur. l. I. c. ubi de crim”; (16).

³⁾ „atque ita casum hunc definit Paulus Ictus in l. non alias 24 § 1 ff. de jud”; на этотъ разъ римскому закону придается такой комментарий: „nec patior mihi replicari, textum loqui de Legatis provincialibus seu municipalibus: quia illi ut subditi legatos ad Romanos non mittebant”. („Disc. Acad. de Iure publico”; v. I; dis. XII).

⁴⁾ *ibid.*, disc. XIV; XVI (b).

⁵⁾ напр. *Brunus*; l. IV, c. IV; *Kirchner*; l. II, c. I., 110 etc.

римск. права; наконецъ, сама жизнь, сама, казалось, дѣйствительность (между прочимъ) и изслѣдуемаго періода была за то, чтобы подчинить посла (въ подлежащихъ случаяхъ) вѣдѣнію суда и наказанію со стороны мѣстной власти.

Уже у Бруна можно встрѣтить нѣкоторыя указанія на факты, способные подтвердить собой, по его мнѣнію, его тезисъ ¹⁾; у Джентили, Кирхнера, Безольда, Суниги, Марселера и др. фактическія данныя играютъ еще болѣе значительную роль; причемъ, въ противность сообщаемымъ Бруномъ, это факты также и новаго времени, которые приводятся писателями въ ихъ сочиненіяхъ. Указанные впервые Джентили ²⁾, они затѣмъ просто вос-

¹⁾ „*ius non violandorum Legatorum: iis tantum servandum esse, qui honeste in Legatione versantur*“ (l. IV, c. IV).—Между прочимъ: цѣлый рядъ положеній римскаго права (l. per id tempus C. de curiosis lib. 12; l. iudices. C. de dignitati. l. 12; etc.) непосредственно слѣдуетъ за этой тирадой, заимствованной собственно изъ хроники Прокопія. Замѣтимъ, что ни у одного изъ нашихъ авторовъ нѣтъ столь широкаго опредѣленія посольства, какъ у Бруна: „*Legationem definire possumus, ut sit missio eorum quibus principum aliorumve Reipub. administratorum nomine, cum absentibus, ad quos mittuntur, dicendum aliquid, gerendum, exequendumve mandatur*“ (l. I, c. IV).

Но не объясняется ли въ такомъ случаѣ приложеніе указанныхъ нормъ римскаго права и къ посламъ въ международноправовомъ смыслѣ какъ разъ именно этимъ необычно обширнымъ опредѣленіемъ, какое даетъ *Br.* посольству?

²⁾ L. II; Cap. XVII. „*De iudice Legatorum*“: [Et Petrus Justiniani legatus Theodatum regem Gothorum, apud quem erat, iudicem insimulatus adulterii non recusabat, sed crimen amoliebatur. Legati Lacedaemonii in carcerem Athenis coniecti quasi tumultum excitassent non obtinent fori praescriptionem; sed factum negant: et innocentes reperti dimittuntur]. Contra Venetus legatus huius maleficii sons iudicatus, non multi anni sunt, Mediolani dicitur capite plexus. Et Mediolani etiam ille Gallicus necatus homicidii convictus, ut quidam volunt, non quòd moliretur res novas“.

производятся Кирхнером¹⁾ и другими²⁾, не возбуждая ни у кого скептическаго къ себѣ отношенія, какъ бы ни было, пожалуй, основательно это послѣднее³⁾, и какъ бы иногда исторіи, вродѣ случившейся съ однимъ Венеціанскимъ посломъ при дворѣ Филиппа II-го, оказавшимъ вооруженное сопротивленіе испанской полиціи, и рассказанной у Суниги⁴⁾,—ни шли даже противъ защи-

¹⁾ I. II, с. I num. 115 et seqq.; съ добавленіемъ, правда, исторіи, рассказанной у Варсевицкаго: „ob adulteria condemnatum, ductumque ad extremam capitis poenam in Lusitania legatum. refert *Varsev. de orat*”.

²⁾ См., въ качествѣ примѣра одного за многихъ, *th. XXXVI* въ „Disputatio Politica De Legatis, et Legationum jure”. Quam sub praesidio *Jo. Kirchmanni...* proponit Witzendorffius; 1613.

³⁾ См. критику приведенныхъ примѣровъ въ „Traité du Juge competent des Ambassadeurs”.. de *Bynkershoek*; 1723; 210 (4) 211(6); о случаѣ, переданномъ у Варсевицкаго, см. „Solutio quaestionis veteris et novae” *Rich. Zoucheus’a*. MDCLXIX, 111.

⁴⁾ „Le parfait Ambassadeur”... par *Don Ant. de Vera et de Cunniga*, MDCXXXV, 112 и сл.—Касаясь упомянутаго инцидента, вотъ что, м. пр., говоритъ одинъ изъ новыхъ изслѣдователей *Dr. H. Harburger*: „Mag vielleicht auch wirklich..... Philipp II. von Spanien das ihm zugeschriebene Cirkular an die christlichen Fürsten Europa’s erlassen haben, in welchem er aus Anlass eines Vorkommnisses zu Madrid für die Zukunft die Jurisdiktion über die bei ihm bestellten Gesandten in Anspruch genommen und bezüglich seiner eigenen diplomatischen Agenten den resp. Souverainen eingeräumt haben soll, so beweist auch dies doch nichts anderes, als dass *das Gegentheil die Regel war und der allgemeinen Anschauung entsprach*”; („Der straterechtliche Begriff „Inland” und seine Beziehungen zum Völkerrecht und Staatsrecht”, S. 178).

Замѣтимъ по поводу подчеркнутаго: для послѣдняго утвержденія нужно бы имѣть вообще больше фактовъ, чѣмъ это представляла дѣйствительность. Если не случай, переданный Сунигой, то приводимые Джентили и др. и очень популярныя примѣры, правда, не подтверждаютъ еще зависимости посла; но еще менѣе они говорятъ въ пользу и его независимости.—Впрочемъ, занимаясь *частыми* въ ту пору посольскими заговорами, литература какъ

Щаемаго этимъ писателемъ тезиса зависимости посла отъ принявшей его къ себѣ территоріальной власти.

Отмѣтивъ въ предыдущемъ то изъ литературныхъ на-
правлений, которое въ ученіи о послѣ, совершившемъ пре-
ступленіе въ мѣстѣ и во время миссіи, дѣлало его отвѣтствен-
нымъ предъ властями мѣста совершенія деликта, остановимъ
сейтеперь на *другомъ* теченіи мысли того времени,—на мы-
слителяхъ, отстаивавшихъ скорѣе именно независимость по-
сла и притомъ при всѣхъ условіяхъ положенія.—Не разъ
цитированный выше фр. юристъ *II. Эйро*¹⁾ занимаетъ

будто склонялась (и основательно) въ пользу посольской
независимости; но именно здѣсь тѣ писатели, которые вообще
отстаивали зависимое положеніе посла, шли на компромиссъ съ про-
тивоположнымъ мнѣніемъ, давая т. обр. мѣсто *посредствующимъ* те-
оріямъ въ своихъ изслѣдованіяхъ....

¹⁾ *Pierre Ayrault* (Petrus Aerodius), род. въ Анжерѣ въ
1536 г., получилъ общее образованіе въ Парижѣ, а затѣмъ спеці-
ально изучалъ права въ Тулузѣ и Бургѣ. Получивъ степень
бакалавра, Э., двадцати одного года, вернулся на родину и
тамъ сдѣлался извѣстнымъ по своему краснорѣчію и образо-
ванности адвокатомъ. Скоро, впроч., онъ смѣняетъ Анжеръ
на Парижъ, въ которомъ становится тоже однимъ изъ крупныхъ
судебныхъ ораторовъ; выступивъ, м. пр., въ одномъ процессѣ
(1564 г.) Университета съ Іезуитами *противъ* этого могуще-
ственного ордена; (чего Іезуиты такъ и не забыли, совративъ впо-

здѣсь, по праву, выдающееся мѣсто, подробно обосновывая указанный взглядъ въ нашемъ вопросѣ; съ другой стороны, большая рѣдкость его сочиненій и, главное, что это, повидимому, именно Эйро, кто былъ первымъ съ необычайной ясностью высказавшимъ идеи, воспринятые затѣмъ *Гроціемъ*, а черезъ послѣдняго сдѣлавшіяся уже общимъ достояніемъ, заставляютъ насъ съ подробностью остановиться на тѣхъ мѣстахъ изъ сочиненій ¹⁾ этого писателя, въ которыхъ имъ была затронута проблема посольской независимости.

Уже въ своемъ первомъ изъ отмѣченныхъ нами сочиненій Эйро совершенно опредѣленно указываетъ, что „посылать отъ себя пословъ значить свидѣтельствовать о своей совершенной свободѣ; подчиняющіеся же господству другого должны ходатайствовать, а не дѣйствовать путемъ посольствъ ²⁾“. Того же основного воз-

слѣдствіи въ свою общину его сына и отравивъ т. обр. конецъ жизни Э.). Къ срединѣ 60-хъ годовъ XVI-го ст., вернувшись обратно изъ Парижа въ Анжеръ и купивъ тамъ мѣсто *Lieutenant criminel*, Э. на этотъ разъ уже окончательно поселяется у себя дома. † Э. въ 1601 г., 65 лѣтъ отъ роду; (см. „Notice biographique sur Pierre Ayrault” par *V. Jeanvrot* въ „Ordre et instruction judiciaire” par P. Ayrault; Paris, 1881; p. p. XCV—CXIII).

¹⁾ Въ текстѣ цитируются слѣдующія сочиненія Эйро: I). *Petri Aerodii judicis Quaestionum... decretorum lib. VI. Parisiis, 1573*; II). *L'ordre, formalité, et instruction judiciaire, dont les Grecs et Romains ont usé és accusations publiques... conféré au stil et usage de nostre France ... Par Pierre Ayrault.. A Lyon, MDCXLII*; (первое изд. этого сочиненія относится къ 1587; мы его не имѣли у себя подъ рукою; цитируемое изд. *увеличено* сравнительно съ первымъ; (см. *Nys*; „Les origines”; p. 347); III). *Petri Aerodii... Rerum ab omni antiquitate iudicatarum Pandectae. Parisiis, MDLXXXVIII*; (между прочимъ: титулъ изъ этого сочиненія о посольствахъ, I. X. tit. XV, почти цѣликомъ приведенъ въ работѣ В. Э. Грабаря; стр. 106—111).

²⁾ p. 708.

зрѣнія на природу пословъ Эйро придерживается и позднѣе. Такъ, въ „L'ordre, formalité etc.“ онъ систематически отграничиваетъ пословъ въ собственномъ смыслѣ („амбассадоровъ“) отъ смежныхъ съ ними „Legati Magistratum“ и „Legati provincialium“¹⁾; въ „Пандектахъ“ разсѣянные тутъ и тамъ замѣчанія²⁾ также не оставляютъ сомнѣній, что предметомъ для изслѣдованія и въ этомъ сочиненіи Эйро являются именно тѣ лица, которыя носятъ названіе „Legati hostium, aut sociorum“³⁾.

Итакъ, субъектами посольскаго права—права посылать и принимать пословъ—могутъ быть только свободныя лица: государи, народы и части этихъ послѣднихъ, (въ томъ единственномъ, впрочемъ, случаѣ, „cum in Republica eò progressa dissensio est ut arma emineant“⁴⁾). Изслѣдованію прерогативъ пословъ, призванныхъ въ своей дѣятельности представлять собой всѣхъ этихъ лицъ, трактаты Эйро удѣляютъ немало вниманія, занимаясь, въ частности, правомъ пословъ на ихъ неприкосновенность.

¹⁾ L. I; IV, 12.

²⁾ Напр.: „Legati sunt, quos ii decreverunt qui jus legationis habent.... Cum Aetoli desiissent sui juris esse, quia victi a Romanis... misere legatos sua auctoritate.. Quid accidit? Denuntiatum, si qua deinde legatio ex Aetolis... venisset Romam, legatos P. R. pro hostibus habiturum“; (l. X, t. XV, III); „Legatus vice est Principis, vice Reipubl.“; (ib. IV); также—ib. C. XXIV и др.

³⁾ А насколько собственно важно было освѣтить и эту сторону посольскаго права („кто же пользуется актив. и пассив. правомъ посольствъ“?), можно видѣть хотя бы изъ того, что напр. еще по Бруну право посылать пословъ предоставлялось вообще всѣмъ должностнымъ лицамъ (l. I, c. IV); и еще шире былъ кругъ тѣхъ, кто пользовались пассивнымъ правомъ посольства; (l. V, c. I). Здѣсь так. обр. было достаточно „неясностей“ (ср. Nys; „Les origines“, 347); отъ которыхъ страдало дѣло изученія и самихъ посольскихъ привилегій.

⁴⁾ „Pandect.“; ib., cap. XXIII.

Decretorum libri VI. Право пословъ на неприкосновенность соблюдается у всѣхъ народовъ, и совершенно понятно,—почему. Въ самомъ дѣлѣ, для людей существенно, чтобы ихъ распри не были вѣчными; но договоры о дружбѣ и союзахъ и заключаются именно путемъ обмена посольствъ; слѣд., прежде всего и должны быть свободны и неприкосновенны члены этихъ послѣднихъ. Кромѣ того, исторія Рима и Греціи также показываетъ намъ, какъ это священное право пословъ соблюдалось древними народами на протяженіи цѣлыхъ столѣтій, начиная съ приговора, который былъ произнесенъ Ромуломъ надъ убійцами пословъ изъ Лаурента, и кончая гибелью и разрушеніемъ Коринѳа, павшаго за оскорбленіе посольскаго права.

Однако, какъ быть тогда, если посолъ во время миссіи *самъ* впадетъ въ преступленіе—*an nunquam iure in eum animadverti potest?* Отвѣтомъ на этотъ вопросъ въ трактатѣ служить простая ссылка на приведенное уже нами выше мѣсто изъ хроники Прокопія; и Эйро въ изслѣдуемомъ теперь первомъ своемъ трудѣ рѣшительно склоняется так. обр. къ той мысли, что неприкосновенность посла не имѣетъ еще для себя мѣста на случай совершенія послѣднимъ преступленія ¹⁾. Эта точка зрѣнія основательно измѣнена имъ позднѣе, въ „*L'ordre, formalité etc.*“, куда мы сейчасъ и обратимся, и гдѣ дѣйствительно вопросъ о неприкосновенности поставленъ во всю свою ширь, рѣшаясь здѣсь вовсе не путемъ только однихъ ссылокъ на авторитеты...

„*L'ordre, formalité et instruction judiciaire...*“ Строго выдѣливъ предметъ своего изслѣдованія, Эйро задается здѣсь такого рода задачей: „*Voyons donc si ce qu'on dict communement que (les Ambassadeurs) sont inviolables par droict des Gens: et leur personne, d'un consentement generale de tous Peuples, tenuë et reputée pour sainte, a*

¹⁾ p.p. 704—707.

tel poids que tant s'en faille qu'on puisse rien executer, ny entreprendre contr'eux sans cognoissance de cause, qu'on ne les puisse pas mesme traicter en Iustice pour crime qu'ils ayent commis parmy ceux ausquels ils ont esté envoyez: et s'ils ont cela de privilege, qu'à l'occasion du delict ils ne contractent nul domicile" ¹⁾). Такова проблема; не нужно, однако, далеко ходить, чтобы найти и ключъ къ ея разрѣшенію.

Въ самомъ дѣлѣ, основаніе, почему собственно послы неприкосновенны, столь значительно, столь тѣсно связано съ пользой, съ самимъ бытіемъ человѣческаго общества, что оно одно даже можетъ дать понять, почему нельзя ни наказывать, ни заключать въ тюрьмы пословъ, въ случаѣ преступленій, совершенныхъ ими во время миссіи. И это основаніе, эта причина—*чувство родственности*, связующее собой людей и настоятельно требующее того, чтобы ихъ ссоры не носили уже слишкомъ затяжного характера. Но, чтобы достигнуть примиренія, и чтобы людская вражда не была вѣчной, существенно необходимо также и то, чтобы лица, которыя иногда среди огня и крови идутъ отъ одной стороны къ другой съ цѣлью устроить согласіе и миръ, были въ такой же безопасности, какъ защищены отъ обидъ и неприкосновенны святые. Ибо иначе кто и дерзнулъ бы взять на себя столь рискованное порученіе? ²⁾ Такова основа привилегіи посольской неприкосновенности у Эйро; но—здѣсь же его и ждетъ обычное возраженіе тѣхъ, кто, правда, допускаетъ неприкосновенность, но лишь, поскольку *самъ* посолъ не выходитъ за предѣлы своей обязанности и не совершаетъ преступленій. Отвѣтъ на возраженіе всего лучше показываетъ, въ чемъ собственно расходился Эйро отъ представителей противнаго на-

¹⁾ I. I. IV. § 12.

²⁾ ib. § 13.

правленія: „...dire que ce privilege soit bon, tant que l'Ambassadeur se contiendra en son devoir: mais que s'il vient à delinquer et faire chose outre sa charge, on le puisse aussi bien chastier que quelque autre simple estranger, sans enfreindre le droict des Gens.... *nous rendrions l'Ambassadeur homme priué, et sa prerogative vaine et prophane.* Non pas que nous vueillions mettre en avant pour cela, que son privilege soit à vexer ou iniurier plus qu'un autre. Mais nous disons, qu'il ne faut point avoir cette qualité d'Ambassadeur, pour, en n'offençant aucun n'estre de son costé blessé ny offensé de personne.... Quoy donc? *Nous inferons de ce que dessus, qu'il faut necessairement que le Droict des Gens apporte à l'Ambassadeur quelque specialité plus que cela*" ¹⁾...

Рядъ аргументовъ идетъ вслѣдъ за этимъ, чтобы доказать собою, что неприкосновенность посла и должна пониматься именно изложеннымъ, а не инымъ образомъ. Эти аргументы — всѣ отъ права народовъ и приведены въ строго систематическомъ порядкѣ: „...l'Ambassadeur... est inviolable par un droict de tous Peuples, et.. pour une qualité publique en a trois concurrentes: l'une prise et extraite de ceux qui l'envoient: l'autre, de ceux vers lesquels il est envoyé: et la troisieme, pour la qualité des negoces et affaires qu'il traite“.

I. И дѣйствительно, посолъ представляетъ собою особу государя, которая священна; но наказывая его, никоимъ образомъ не наказуютъ еще самого государя: послѣдній, вѣдь, и не совершалъ преступленія, да если бы и совершилъ его, то, *solutus legibus*, не могъ бы отвѣчать ни предъ какимъ судомъ. Итакъ, пословъ нельзя привлечь къ мѣстному суду и наказанію не только по одному тому, что, благодаря имъ, становятся возможными безпрепятственныя сношенія между народами (са-

¹⁾ ib.

мое общее основаніе посольской неприкосновенности!), но и потому, что они представляютъ собой лицъ, надѣленныхъ особыми прерогативами ¹⁾).

II. Подобно тому какъ всякій, кто наказалъ бы преступника или своего врага, обѣщавъ ему предвари-тельно у себя убѣжище, тѣмъ самымъ вѣроломно нарушилъ бы право народовъ, — и тотъ, кто посягнулъ бы на посла, впалъ бы чрезъ свой поступокъ въ то же самое преступленіе и былъ бы такъ же вѣроломень, и такъ же мало стали бы потомъ посылать къ нему по-словъ, какъ былъ бы вѣроломень нарушившій свое сло-во по отношенію къ врагу и какъ мало стали бы вѣ-рять ему впослѣдствіи ищущіе убѣжища: „Car l'Ambas- sadeur vient sous la foy publique, sous assurance qu'il ne sera offensé de fait ny de parole: vient sous ceste loy commune, et privilege que tous octroyent, qu'encore qu'il soit en pays d'ennemy, il y sera tenu pour absent, et pour present en son pays: qui est à dire, s'il est Ambassa- deur par deuers nous, qu'il ne sera astringet, ny sujet à nos loix: n'aurons puissance, coercion, ny animadversion par-dessus luy" ²⁾. Двѣ, три фразы заканчиваютъ и дѣла-ютъ болѣе рельефной эту идею экстерриториальности посла, какъ бы предвосхищенную Эйро у Гроція, хотя ему и неизвѣстенъ еще тотъ терминъ, подъ которымъ пойдетъ потомъ теорія, раннимъ выразителемъ какой является именно онъ самъ: „L'Ambassadeur outre ceste foy publique, et foy universelle qu'il a, et qn'il est de meil- leure condition qu'un brigand, il a encore ceste considera- tion en luy, que jaçoit qu'il soit avec nous pour les affai- res de son office, toutesfois en tous autres actes qui le pourvoient obliger, il est tenu et reputé pour absent.... Il ne faut donc point dire, qu'en cas de crime, ou pourroit

¹⁾ ib., § 14.

²⁾ ib., § 15.

bien luy faire procès. Car s'il est absent, *ou tenu pour tel*, comment luy bailleroit—on iour et assignation? comment le constituerait—on prisonnier"?..—

Какъ ни рѣшительны приведенные аргументы въ защиту посольской неприкосновенности, *система* обязываетъ Эйро привести еще цѣлый рядъ другихъ соображеній въ подкрѣпленіе выставленнаго тезиса.

Что произошло бы, спрашиваетъ онъ еще разъ, если бы была допущена та *exsertio* изъ неприкосновенности, что, въ случаѣ преступленія посла, послѣдняго можно схватить и осудить? Не пользовались ли бы постоянно такимъ предлогомъ, не стали ли бы вмѣнять въ вину посламъ то, чего не было на самомъ дѣлѣ? Или у государя, принявшаго къ себѣ посла, не хватило бы для этого судей и свидѣтелей, которыхъ онъ взялъ бы изъ своихъ же подданныхъ?.. Но что случилось бы въ такомъ случаѣ съ *дѣлами* (III), ради которыхъ и снаряжаются посольства? Ибо, конечно, никто и не принялъ бы на себя при такихъ условіяхъ обязанностей посла, а тогда прекратилось бы и заключеніе союзовъ, трактатовъ, веденіе необходимыхъ между государями переговоровъ. Потомъ; чѣмъ болѣе былъ бы преданъ посолъ своему государю, тѣмъ скорѣе онъ подвергался бы опасности разныхъ *шikanъ*, такъ какъ, разумѣется, немалая вещь отнять у своего недруга опытнаго и примѣрнаго слугу; тѣмъ болѣе, что, казня (справедливо или нѣтъ) посла, ставятъ препятствіе дѣламъ пославшаго, открываютъ его секреты и т. д. и т. д. ¹⁾).

На этомъ, приблизительно, кончается аргументація Эйро въ защиту начала посольской неприкосновенности—независимости, развиваемая имъ „*pour contenter ceux qui se payent principalement de raison*” ²⁾).

¹⁾ ib.

²⁾ ib. §. 16.

„Mais au surplus les exemples des *Anciens* y sont communs"! И Эйро дѣйствительно начинаетъ приводить оттуда различные прецеденты въ защиту своего тезиса.... Какъ ни много интересна даже эта вторая часть главы „О послѣ", опустимъ ее, чтобы, не задерживаясь болѣе, отмѣтить въ заключеніе то мѣсто доктрины, гдѣ Эйро, послѣ примѣровъ, все-таки рѣшаетъ тотъ вопросъ, какъ же слѣдуетъ поступить въ случаѣ такого „несчастья", если посолъ совершитъ какое нибудь *выдающееся* преступленіе —, поскольку въ соответствующемъ § ¹⁾ его изслѣдованія дѣло идетъ именно, „si l'Ambassadeur a grièvement offensé"? Конечно, по теоріи, защищаемой имъ, нужно обратиться къ лицу, пославшему посланника, съ просьбой о правосудіи; а это послѣднее обязано, какъ то и хотѣли было сдѣлать напр. съ Ф. Амбустомъ Сенатъ и Феціалы, удовлетворить просьбѣ и, въ концѣ концовъ, отослать преступника туда, гдѣ имъ было совершено преступленіе. Но до этого акта выдачи посолъ еще не можетъ быть задержанъ.

Нельзя сказать, чтобы идеи Эйро о независимомъ послѣ нашли для себя много сторонниковъ въ современной ихъ появленію литературѣ, и даже, повидимому ²⁾, одинъ только *Морнакъ*, тоже франц. юристъ, раздѣлялъ точку зрѣнія своего соотечественника. Судьбѣ было угодно, чтобы, спустя чуть не полстолѣтіе, идеи Эйро были восприняты, на этотъ разъ, *голландскимъ* юристомъ Гуго Гроціемъ...

Отмѣтимъ, однако, теперь заключенія, къ которымъ пришелъ здѣсь именно Морнакъ, тоже предшественникъ Гроція въ вопросѣ о посольской независимости и послѣдователь Эйро. Они немногочисленны и высказываетъ

¹⁾ § 19.

²⁾ См. Nys; „Les origines etc."; 348.

ихъ Морнакъ собственно только въ качествѣ комментарія къ титулу *De judiciis*, L. II., § 1 ¹⁾.

Какъ и Эйро, Ан. Морнакъ совершенно отдѣляетъ муниципальных пословъ („Депутатовъ“) отъ „*legati majores*“, „*cuiusmodi sunt qui a Regibus, Ducibus et Rebus publicis mittuntur*“, и которые защищаются именно правомъ народовъ; причемъ эта защита идетъ уже здѣсь собственно такъ далеко, что послы вообще не подчинены, противъ ихъ воли, мѣстному суду, въ гражданскомъ ли спорѣ, или и при совершении ими уголовного преступленія.

Примѣры, приводимые обычно въ защиту обратнаго тезиса ²⁾, не убѣждаютъ еще въ томъ, чтобы счесть его и дѣйствительно доказаннымъ, и даже мнѣнія, по крайней мѣрѣ, древнихъ заставляютъ признать истинность того, что посолъ всегда вправѣ отклонить надъ собой судъ мѣстной власти и притомъ совершенно ³⁾.

Но какъ же въ такомъ случаѣ быть всетаки тогда, если посолъ совершаетъ преступленіе въ мѣстѣ и во время миссіи? Впрочемъ, даже современность знаетъ случай, когда былъ данъ правильный отвѣтъ на этотъ

¹⁾ См. *Ant. Mornacii...* „Observationes in XXIV. priores libros Digestorum“; Lutetiae Parisiorum. MDCLIV; (первое изд.— 1616 г.; мы также не могли достать его).

²⁾ „Qui lege agendum putant, et vetus Sfortiae, Mediolani Ducis, iudicium in Meruellium, Galliae ad se legatum proferunt, non advertunt exhibere se iterum insani principis rabiem in eum quem nec legatum fuisse fateri ausus est; sed hoc tantum habuit ut ditioni suae obnoxium diceret, caedisque damnatum. conquestus est Francisc. magnus de violato legationum iure apud omnes Europae totius Principes“..

³⁾ „...didici ego ab antiquioribus, summaeque dignitatis viris, eaque consultissimorum sententia est, legatum quaecumque ex causa detrectare posse externos eorum iudices apud quos degit, adeo ut ne quidem interrogari se sinat de proposito crimine“.

вопросъ,—дѣло *заговора* Мерарга, Брюно и др., — когда именно и было поступлено съ заговорщикомъ (которымъ на этотъ разъ оказался секретарь испанскаго посла въ Парижѣ) такъ, какъ и требовала того теорія, отстаиваемая *М.*, — независимости дипломатич. агенто¹⁾въ вообще¹⁾, каково бы ни было то преступленіе, въ совершеніи коего они обвинялись.

¹⁾ „... Conscriptis autem notoriis, seu elogiis, rescribitur Principi a quo missus est (legatus) ut *revocet* factiosum.... Eò denique recidit quod posterioribus hisee annis in Merarguesiana accusatione actum est”.

Приложенія.

I.

Постоянныя посольства и отношеніе къ нимъ писателей XVI-го и начала XVII-го в.в.

Говоря вообще, новый институтъ не снискалъ для себя большихъ симпатій среди изслѣдователей посольскаго права. Такъ, казалось, постоянныя посольства, въ противность временнымъ, вовсе не необходимы, и, даже не будь ихъ вовсе, международныя отношенія отъ *этого* собственно еще не сдѣлаются хуже; (см. *Gentilis*; „*De Legat*“; l. II, c. XII; *P. Ayrault*; „*L'ordre, formalité etc.*“; l. I, p. IV, § 19). Шли даже дальше и утверждали, что постоянныя послы, посылаемые съ цѣлями наблюденія за всемъ, что происходитъ въ чужомъ государствѣ, строго говоря, даже и не послы, а шпионы, которыхъ государи держатъ другъ у друга (иногда на положеніи просто заложниковъ), только заключивъ для того *особый* между собою договоръ (см. *Kirchner*; „*Legatus*“; l. I, c. II, §§ 18—19). Кромѣ того, существованіе постоянныхъ посольствъ стоитъ и въ прямомъ противорѣчій съ *l. 4. C. de com. et merc.*; (ib., § 20). — Впрочемъ, никто, кажется, въ ту пору не былъ столь ярымъ противникомъ постоянныхъ посольствъ, какъ К. Паскаль, *самъ* долгое время состоявшій посломъ на службѣ короля Франціи; (см. „*Legatus*“. *Opus Car. Paschalii*, Parisiis; MDCXII, c. 77:

„Earum legationum frequentia, quibus nomen est ordinariis, aut residentibus, propemodum umbramur. Nova res est, quod sciam, et infelicis huius aetatis infelix partus. Quibus oculi publica caligine obtorpuerunt, huic generi legationum firmant hos esse natales, tamquam animi regnantium crebritate talium officiorum coalescant, mutua hinc inde benevolentia gliscat. Hinc oriri securitatem universorum; hinc stabiliri pacem gentium. Quae utinam tam vere dicerentur, quam speciose etc.”..). Известно, наконецъ, что и Г. Гроцій былъ вовсе не за практику постоянныхъ посольствъ, „*которыхъ не знала древность*”¹⁾, что показываетъ, что въ нихъ и нѣтъ нужды”; („De jure belli ac pacis libri III”; L. II. C. XVIII, III, 2).

Нельзя сказать, однако, чтобы отрицательный взглядъ на постоянныя посольства былъ раздѣляемъ и вообще всѣми писателями эпохи; находились и *защитники* новой практики²⁾, подвергавшіе, въ свою очередь, рѣшительно-

¹⁾ Аргументъ, конечно, рѣшительный въ глазахъ не одного Гроція; приче́мъ преклоненіе предъ древностью доходило иногда здѣсь до того, что нѣкоторые авторы просто отвращались отъ изученія дѣйствительности, и ихъ заключенія напр. о посольскихъ свободахъ только весьма условно могутъ быть отнесены и къ новому времени; ср. напр. *St. Doleti* „De immunitate Legatorum”, 24: „immunitates legatorum... aetate nostra non esse, quae vel Graecorum, vel Romanorum temporibus fuerunt... Quare quae mox de legatorum immunitate sequentur, non ad nostrum tempus (nisi ut minimum) referantur, sed ad Graecorum, Romanorumque leges.”...—Интересно, впр., описаніе посла *и новаго* времени у Доля: „Eccui virtute praedito... legationem nunc dari cernas? Comatulus nescio quis, et totus voluptatibus diffluens, literarum ignarus, rerum rudis, prudentia vacuus, honorum stulte cupidus (ut Cardinalis ruboris) fastu agresti elatus, gloria distentus, nunc legationes ambit: et legationi praefectus, nil aliud, quam modo descripta persona dignum gerit”.. (ib.).

²⁾ какъ были и такіе, кто просто отмѣчалъ только ея существованіе (ср. *Ch. Varsevicii*... De Legato et Legatione; 1646;

му оспариванію доказательства, приводимыя противъ постоянныхъ миссій. Въ этомъ смыслѣ характерно и должно быть отмѣчено напр. слѣдующее возраженіе *Грифиандра*, направленное на аргументацію Кирхнера: „Sic literatissimus *Kirchnerus* hanc legationem (perpetuam scil.) non agnoscit pro legitima, ductus rationibus et *l. 4. C. de commerc.*, ubi Imperatores rescripserunt, neminem in alterius provincia jure legationis residere posse. A quo discedit *Besoldus cl. 2. disput. 8. thes. 3.* Cui et nos adstipulamur. Nec movet quod in contrarium movit *Kirchnerus*.... Nec refert mutuo pacto eos constitui, quia nec hoc legationem infirmit, sed confirmat, et majoris assecurationis reddit.... Denique impertinenter *d. l. 4* allegatur; non enim de legato ipso loquitur.... *Et posito, sed non concesso, Impmp. rescriptum etiam ad legatos extendi, nihilominus Legatos et Legationem non ex Impmp. constitutionibus, sed communi gentium conventione legem et interpretationem recipere excipio*” ¹⁾...

Равнымъ образомъ и ссылка Джентили, м. проч., на прецедентъ недопущенія къ себѣ постоянныхъ посольствъ со стороны Генриха VII-го также нашла свою оцѣнку напр. у *M. Rasschius'a* ²⁾: „perpetui (legati) hi licet veteribus fuerint incogniti, non tamen ideo tollendi, nec unius Angli, Henrici 7 temeritas qui eos nunquam passus est secund. Gentil. *l. 2. c. 12 fin.* praejudicium aliis facit”.

р. 61);—съ указаніемъ иногда и на ея распространенность; (ср. *I. Chokier; Tractatus de Legato*; p. 2).

¹⁾ „Discur. Acad. de jur. publ.”; vol. I, dis. XXIX; Conc. IV. По поводу *l. 4. C. de commerc.* см. также „Quaestio vetus et nova”; 1606, 18—19: „Nec arcana alieni regni scrutari convenit, ut respondit Imperatur Honorius, *l. 4. C. de commerc.* tametsi legem et rationem vicerit hodierna legatorum ordinariorum (quorum et nomen et usus veteribus fuit penitus ignotus) consuetudo atque adeo illicitum fecit licitum”.

²⁾ „Themata Iuridico—Politica de Legatis et Legationibus”; An. MDCXXIV, th. 14.

Тотъ или иной взглядъ на постоянныя посольства, усвоенный тѣмъ или инымъ писателемъ, имѣлъ нѣкоторое значеніе и въ смыслѣ предоставленія постояннымъ посламъ (или, наоборотъ, отказа имъ) и посольскихъ привилегій. Это ясно видно напр. у Джентили, приравнивавшего постоянныя посольства къ т. наз. „свободнымъ” и „обязательнымъ”, въ томъ смыслѣ, что какъ тѣмъ, такъ другимъ и третьимъ могло быть по праву просто таки *отказано* въ приѣмѣ; (L. II, C. XII). Извѣстно также, что и Гроцій рекомендовалъ придерживаться такой же линіи поведенія относительно постоянныхъ посольствъ: „*сз полнѣйшимъ основаніемъ можно отказать въ приѣмѣ обычнымъ нынѣ постояннымъ посольствамъ*”. Наконецъ, даже Эйро, этотъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ посольской независимости, говоря именно о постоянныхъ послахъ, „служба которыхъ собственно болѣе почетна, чѣмъ дѣйствительно необходима”, вовсе не противъ того, чтобы съ ними обращались, въ случаѣ совершенія ими преступленій въ мѣстѣ миссіи, съ болѣе строгою, чѣмъ съ другими — „*c'est à dire, que sans attenter à leur personne, on s'en pourroit bien neantmoins honnestement asseurez, pendant qu'on informeroit son maistre du faict*” etc...

II.

Въ самомъ дѣлѣ, каково взаимное отношеніе между собой неприкосновенности и независимости посла, этихъ, какъ выражаются (см. „Das Retentionsrecht und Gesetzliche Pfandrecht gegenüber einem Gesandten“ von *H. Scholz*; 8), *первоосновъ* всего зданія посольскаго права? Было бы тщетно искать единодушія въ рѣшеніи вопроса у современныхъ авторовъ (см. „Die Stellung der völkerrechtlichen Literatur zur Lehre von den sogenannten Nebenrechten der gesandtschaftlichen Funktionäre“.. von *Curt Mirre*; 1904; S. 18—32, гдѣ подробно обслѣдуются разнообразнѣйшія мнѣнія по поводу затронутаго пункта); но, возможно, что онъ и не имѣетъ большой важности: какъ независимость, такъ и неприкосновенность *обѣ* служатъ одной цѣли—обезпечить дѣйствительнѣйшимъ образомъ свободу дипломатическихъ сношеній государствъ; будетъ ли то достигнуто путемъ охраны посла отъ насилій, или и отъ „*vis judicialis*“ въ странѣ, гдѣ онъ принятъ.

Что же касается теперь собственно *изслѣдуемой* литературы, то здѣсь, повидимому, уже несомнѣнно, что, по кр. мѣрѣ, для большинства авторовъ неприкосновенность посла играла роль основной его привилегіи, тогда какъ о независимости говорилось лишь для того, чтобы выяснить, распространяется ли и напр. на преступнаго

посла та спеціальна охрана его личности, которая предоставлялась ему просто въ силу начала посольской неприкосновенности. Такая постановка вопроса видна, м. пр., уже и изъ самого заглавія тѣхъ главъ и отдѣловъ цитируемыхъ сочиненій, которые занимаются собственно независимостью посла; см. *Brunus*; IV, 4: „*Jus non violandum Legatorum: iis tantum servandum esse, qui honeste in Legatione versantur*”. *Petri Aerodii*... decretorum libri VI, tit. XVI, VII: „*Legatos esse inviolabiles.... Sed quid si legatus deliquerit*”..? *id.* „*Rerum ab omni antiquitate iudicatarum Pandectae*”; L. X, tit. XV, C. XII; *id.* „*L'ordre, formalité etc...*” I. I, IV, 13: „*on ne peust toucher ne violer (les Ambas.), non plus que les saints et sacrez Dieux.... Or de dire que ce privilege soit bon, tant que l'Ambassadeur se contiendra en son deuoir: mais que s'il vient à delinquer et faire chose outre sa charge, on le puisse aussi bien chastier que quelque autre simple estranger.... nous rendrions l'Ambassadeur hōme privé, et sa prerogative vaine et prophane*”.. „*De Legato et Absoluto Principe Perduellionis Reo*”; 1587: „*Legati non sunt pulsandi, multo minus occidendi.... quamdiu se honeste gesserint [neque contra] ius naturae et gentium... [deliquerint]*”. *H. Kirchner*; L. II, C. I „*Quae legatorum securitas*”, 104: „*...De missi officio, quod vicissim securitatem sibi praestantibus debet, agamus*”.... 114: „*non igitur mirum cuiquam videatur, si extra publicae securitatis juris gentium septa rapti quandoque regum caduceatores esse affectique ultimo supplicio audiantur*”. „*Quaestio vetus et nova*”; 1606; p. 14—15: „*legatos... legationis iure sanctos censi et inviolabiles.... Caeterum si sacrosancto munere ad turpissimum prodicionis, defectionis, seditionis aliique criminis ministerium abutantur,.... eos nulla admissa privilegii iurisve gentium exceptione, licenter capi ac detineri, quinetiam causa cognita et legitimo iudiciorum tramite decurso convictum, condemnari ac puniri posse et debere*”. Ср. также *H. Setseri* „*Legatus*”, 1600; Assert. CCCIX. *J. Krosnitzki Kärnitzki*; „*Exercitatio Politica De Legationi-*

bus", 1610; th. 54. *Jo. Kirchmann*; „Disputatio Politica De Legatis, et Legationum Jure"; 1613; th. XXXIV—XXXVI. „Discursus Academ. de Jure Publico"... A *Dom. Arumaeo* editi; vol. I, dis. XII: „Legationum jus... humano divino-que vallatum praesidio.... quod an etiam tum obtineat, cum adversus Principem, ad quem missus est conjurationem ineat?"

И т. д. и т. д. до Г. Гроція включительно, который, известно, тоже именно на неприкосновенности пословъ обосновывалъ и ихъ независимость; („De jure belli ac pacis"; L. II, C. XVIII, IV; ср. также „*Traité du jure competent des ambassadeurs*"... de *Bynkershoek*, 1723; p. 51).—Итакъ, вопросъ о посольской независимости разсматривается въ системахъ нашихъ изслѣдователей, говоря вообще, *путно* съ вопросомъ о неприкосновенности; откуда и проблема: включаетъ ли въ себя (или нѣтъ) прерогатива неприкосновенности посла также и независимость его; а, слѣд., и соотвѣтственно съ этимъ, защищается ли посолъ, въ случаѣ совершенія имъ преступленія въ мѣстѣ миссіи, привилегіей неприкосновенности, или нѣтъ?

Законы о малолѣтнихъ и суды для нихъ^{*)}.

Увеличеніе преступности вообще и преступности малолѣтнихъ въ особенности; борьба съ преступностью; законъ о малолѣтнихъ 2 Юня 1897 года, его достоинства и недостатки; законъ 19 Апрѣля 1909 года о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ. Суды для малолѣтнихъ въ Сѣверной Америкѣ. Заботы о дѣтяхъ въ Англіи, ремесленные и исправительныя школы для нихъ; законъ о дѣтяхъ 1908 года (Children Act.); извлеченія изъ него; суды для малолѣтнихъ. Судъ для малолѣтнихъ въ Парижѣ и въ Петербургѣ.

Быстрое увеличеніе у насъ, въ послѣдніе годы, преступленій—фактъ общеизвѣстный, но печальнѣе всего то, что очень много преступленій совершается по преимуществу людьми молодыми, а въ большихъ городахъ много кражъ и даже грабежей совершаютъ дѣти. Въ

^{*)} Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 7 Апрѣля 1912 года.

Въ числѣ источниковъ для доклада этого были: 1) Георгъ Штаммеръ. Американскіе суды для малолѣтнихъ, ихъ возникновеніе, развитіе и результаты. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. А.

отношеніи преступности дѣтей я знаю только одно исключеніе: дѣвочки въ возрастѣ до 16—17 лѣтъ въ Варшавѣ и вообще въ губерніяхъ Варшавскаго судебного округа за кражи не судятся вовсе или судятся очень рѣдко. Утверждаю это, впрочемъ, только по тому, что въ моей 36-ти лѣтней судейской практикѣ, въ теченіи которой я рѣшилъ и участвовалъ въ рѣшеніи многихъ десятковъ тысячъ уголовныхъ дѣлъ, такихъ дѣлъ не было и я о нихъ не слышалъ. Въ Петербургѣ же въ судѣ для малолѣтнихъ, въ первые четыре мѣсяца 1910 года, привлекалось къ суду дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 10 до 16 лѣтъ, 120.

О возрастаніи у насъ преступности лучше всего говорятъ цифры: въ 1896 году всѣхъ, содержавшихся у насъ въ тюрьмахъ, было 75000 ч., а въ 1909 году, т. е. спустя 13 лѣтъ, 175000 ч. Въ другихъ государствахъ преступность также прогрессируетъ, хотя и не въ такой степени. Въ Германіи и во Франціи грабежи уже производятся чисто по нашему руссійскому образцу, они совершаются днемъ и въ мѣстахъ наиболѣе людныхъ; грабятъ въ магазинахъ, конторахъ, банкахъ, на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Тюремъ у насъ давно не хватаетъ для осужденныхъ и въ нихъ постоянно содержится огромное число лицъ сверхъ того числа, на которое рассчитано самое помѣщеніе тюремъ. Такъ напр. въ 1909 году всѣхъ мѣстъ въ тюрьмахъ было 86000, а содержалось въ нихъ арестантовъ 175000 ч. Затѣмъ давно въ нашемъ обществѣ

Окунева. СПб. 1910 г. 2) А. Л. Щеглова. Борьба съ дѣтскою преступностью въ Англіи (Журн. Мин. Юстиціи, февраль 1910 г.) 3) Н. А. Окуневъ. Англіійскій законъ о дѣтяхъ 1908 г. СПб. 1909 г. 4) П. И. Люблинскій. Суды по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ въ Россіи. СПб. 1910 г. 5) Н. А. Окуневъ. Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Докладъ на VIII съѣздъ представителей русскихъ воспитат. исправит. заведеній, и др.

укоренилось убѣжденіе, что тюрьмы нисколько не исправляютъ преступниковъ, а только развращаютъ ихъ, въ особенности людей молодыхъ. Это убѣжденіе раздѣляли всегда и представители власти и съ своей стороны принимали мѣры противъ развращающаго вліянія тюремъ, въ которыхъ осужденные содержатся большими партіями въ общихъ камерахъ. Стали устраивать тюрьмы для одиночнаго заключенія, заводить въ тюрьмахъ различныя работы для осужденныхъ и т. п. Мѣры эти, независимо отъ медленнаго осуществленія ихъ на практикѣ, оказались вообще недостаточными. Такія же мѣры и съ такими же результатами примѣнялись и на западѣ Европы, почему въ борьбѣ съ преступностью повсюду стали обращать особое вниманіе на малолѣтнихъ преступниковъ, изъ которыхъ формируются взрослые.

Малолѣтніе преступники начинаютъ свою практику маловажными проступками и далѣе являются подростками рецидивистами, совершающими болѣе важныя проступки и преступленія, а наконецъ изъ контингента этихъ рецидивистовъ комплектуются кадры взрослыхъ преступниковъ, часто уже неисправимыхъ вслѣдствіе привычки ихъ къ праздной и разгульной жизни, средства для которой они добываютъ кражами, грабежами и разбоями. Этого рода субъекты своей преступной практикой представляютъ уже значительную опасность для мирнаго и трудового населенія, иногда чувствуящаго себя прямо въ осадномъ положеніи отъ воровъ и грабителей и вынужденнаго даже прибѣгать къ самосуду надъ ними.

Занявшись вопросомъ о вмѣняемости преступленій малолѣтнимъ и наказуемости ихъ, очень скоро пришли къ заключенію, что малолѣтнихъ преступниковъ вообще нецѣлесообразно и вредно подвергать наказаніямъ, опредѣленнымъ для взрослыхъ, хотя бы и въ меньшемъ размѣрѣ; что къ такимъ наказаніямъ малолѣтнихъ можно прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ; что суды всячески должны изыскивать мѣры къ возможному исправ-

ленію преступныхъ дѣтей и что мѣры эти должны носить не карательный, а попечительно-воспитательный характеръ.

Въ 1894 году, у насъ, въ С.-Петербургѣ, была образована Коммисія для обсужденія вопроса о судимости и наказуемости малолѣтнихъ преступниковъ. Результатомъ работъ этой Коммисіи явился либеральный законъ 2 Іюня 1897 года, вошедшій въ ст. 6 и 11 Уст. о нак. и въ другія статьи Уст. Угол. Суд. и Улож. о нак. До изданія этого закона, по ст. 11 Уст. о наказ. несовершеннолѣтніе отъ 10—17 лѣтъ подвергались наказаніямъ въ половинномъ размѣрѣ, опредѣленномъ для взрослыхъ, причемъ недостигшихъ 14 лѣтъ Мировой Судья, не подвергая наказаніямъ, могъ отдавать родителямъ, опекунамъ или родственникамъ для домашняго исправленія. Такимъ образомъ, 14 лѣтъ тому назадъ, малолѣтніе отъ 14—17 лѣтъ, признанные виновными въ проступкѣ, влекущемъ за собою тюремное заключеніе, *всегда* присуждались въ тюрьму, а недостигшіе 14 лѣтъ и виновные въ тѣхъ же проступкахъ *часто* также присуждались къ заключенію въ тюрьмѣ, при чемъ и тѣ и другіе, т. е. и дѣти и подростки содержались тамъ вмѣстѣ со взрослыми преступниками, въ общихъ камерахъ. И такой порядокъ существовалъ такъ недавно. Легко себѣ представить, какое деморализующее вліяніе на дѣтей имѣло это общеніе со взрослыми преступниками. По новому закону 1897 года (ст. 11 Уст. о наказ.) дѣти до 14 лѣтъ *никогда* не присуждаются въ тюрьму; онѣ отдаются подъ отвѣтственный надзоръ родителей или лицъ имѣющихъ объ нихъ попеченіе, или другихъ благонадежныхъ лицъ, или, наконецъ, отдаются въ исправительныя пріюты для несовершеннолѣтнихъ на срокъ не долѣе 18-ти лѣтънаго возраста; несовершеннолѣтніе же отъ 14—17 лѣтъ также не присуждаются въ тюрьму и наказанія назначаются имъ въ половинномъ размѣрѣ; Мировой Судья можетъ также отдавать ихъ подъ отвѣтственный надзоръ тѣмъ

же лицамъ, которымъ отдаются и недостигшіе 14 лѣтъ, или отдавать виновныхъ въ исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ или, наконецъ, присуждать къ заключенію въ особыхъ помѣщеніяхъ при тюрьмахъ или домахъ для арестуемыхъ по приговорамъ Мировыхъ Судей. За неосуществленіе надлежащаго отвѣтственнаго надзора надъ несовершеннолѣтнимъ, если послѣдній совершитъ преступленіе, влекущее за собою уголовное наказаніе, виновные подвергаются аресту до 1 мѣсяца, а при совершеніи поднадзорнымъ менѣе тяжкаго преступленія—штрафу до 100 рублей. По дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ отъ 10—17 лѣтъ, подвѣдомымъ Окруж. Судамъ, Судеб. Слѣдователь по новому закону при производствѣ слѣдствія собираетъ возможно полныя свѣдѣнія о жизни обвиняемаго, его воспитаніи, окружающей его средѣ, условіяхъ побудившихъ къ совершенію преступленія и т. п. Законченное слѣдствіе разсматривается Окружнымъ Судомъ *въ распорядительномъ*, т. е. непубличномъ засѣданіи и, если судъ признаетъ несовершеннолѣтняго виновнымъ, но дѣйствовавшимъ *безъ надлежащаго разумѣнія*, прекращаетъ дѣло и отдаетъ несовершеннолѣтняго въ исправительный пріютъ или къ содержанію въ особомъ помѣщеніи при тюрьмахъ или домахъ для арестуемыхъ по приговорамъ Мировыхъ Судей, въ противномъ же случаѣ дѣло возвращается Прокурору для направленія въ общемъ порядкѣ; затѣмъ къ разбору дѣла вызываются родители обвиняемаго, или лица, на попеченіи которыхъ онъ состоитъ, вызывается и обвиняемый, но во время разбора о немъ дѣла онъ въ залѣ засѣданія *не присутствуетъ*, а призывается туда *только для объясненій*. Вызовъ родителей или лицъ, на попеченіи которыхъ состоитъ обвиняемый, обязателенъ и по дѣламъ подвѣдомымъ Миров. Судьямъ. Кромѣ того Мировымъ Судьямъ предоставлено право (ст. 89². Уст. Угол. Суд.) разбирать всѣ дѣла о несовершеннолѣтнихъ при закрытыхъ дверяхъ.

Итакъ, законъ 1897 года внесъ много гуманнѣхъ и

давно желанныхъ новшествъ въ дѣла о судимости и наказуемости несовершеннолѣтнихъ. Онъ даже опередилъ появленіе такихъ законовъ и особыхъ судовъ для несовершеннолѣтнихъ въ Америкѣ, Англіи и въ другихъ государствахъ. Мы отстали только въ устройствѣ приютовъ и школъ для исправленія преступныхъ, заброшенныхъ и безпризорныхъ дѣтей и въ организаціи особыхъ судовъ для малолѣтнихъ, устройство которыхъ является необходимымъ послѣдствіемъ закона 1897 года. Нужно, впрочемъ, признать, что законъ этотъ имѣетъ и свои недостатки и постоянно возбуждалъ и возбуждаетъ еще на практикѣ много нареканій даже со стороны самихъ судовъ, въ особенности въ большихъ городахъ. Отдача малолѣтнихъ преступниковъ по этому закону подъ отвѣтственный надзоръ родителей или благонадежныхъ лицъ, изъявившихъ на то согласіе, очень хорошая и гуманная мѣра для сельскихъ мѣстностей, гдѣ этотъ надзоръ можетъ быть легко осуществленъ, но въ большихъ городахъ дѣло обстоитъ иначе. Благонадежныхъ лицъ, изъявившихъ согласіе принять малолѣтняго подъ отвѣтственный надзоръ, до сихъ поръ *никогда* не находилось; не находили такихъ лицъ ни полиція, ни суды. Бѣдняки родители, проводящіе цѣлые дни на работѣ внѣ дома, часто по одной этой физической причинѣ не могутъ осуществить надлежащаго надзора надъ своими дѣтьми, въ другихъ случаяхъ не могутъ этого сдѣлать вслѣдствіе крайняго развращенія дѣтей уличной бродячей жизнью и вліяніемъ массы преступныхъ сверстниковъ; наконецъ, дѣти преступники въ городахъ убѣгаютъ изъ дома отъ строгихъ родителей на цѣлые мѣсяцы и скрываются отъ нихъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ родители часто упорно отказываются принимать своихъ дѣтей подъ свой надзоръ. Съ другой стороны среди городско-го пролетаріата не мало и такихъ родителей, которые ни по своему нравственному и умственному развитію, ни по своему образу жизни не могутъ оказывать добраго влія-

нія на дѣтей. Такимъ образомъ отдача подѣ отвѣтственный надзоръ родителей весьма часто представляется мѣрой невозможной, или нежелательной и при всемъ томъ суды вынуждены ее примѣнять.

Несовершеннолѣтнихъ преступниковъ нельзя подвергать личному задержанію, почему они подолгу скрываются отъ суда и продолжаютъ безнаказанно свою преступную дѣятельность; дѣла о нихъ въ судахъ затягиваются, а мирное населеніе лишается законной защиты отъ такихъ преступниковъ.

Законъ 1897 года, требующій для своего примѣненія большаго числа воспитательно-исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ, изданъ преждевременно тогда, когда этихъ заведеній было очень мало; ихъ и въ настоящее время очень мало въ сравненіи съ потребностью въ нихъ. Кромѣ того въ законѣ 1897 года есть и недомолвки. До 17-ти лѣтняго возраста обвиняемаго можно отдать подѣ отвѣтственный надзоръ родителей; обвиняемый совершилъ проступокъ, имѣя 16 лѣтъ, во время же рѣшенія дѣла судомъ ему уже 17 лѣтъ,—спрашивается, какъ отдать такого осужденнаго подѣ отвѣтственный надзоръ, когда ему уже минуло 17 лѣтъ. Въ законѣ на этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ. При примѣненіи закона 1897 года на практикѣ встрѣчаются и другія недоразумѣнія и разномысліе. По ст. 6 Уст. о наказ. несовершеннолѣтніе отъ 14 до 17 лѣтъ, взамѣнъ заключенія въ тюрьмѣ отдаются въ исправительные пріюты или въ особыя помѣщенія для нихъ при тюрьмахъ или при домахъ для арестуемыхъ по приговорамъ Миров. Судей. Очевидно, что заключеніе въ *особомъ помѣщеніи* при тюрьмѣ или арестномъ домѣ, замѣняющее собою отдачу въ исправительный пріютъ, не есть *заключеніе въ тюрьмѣ*, не есть наказаніе, а лишь исправительно-воспитательная мѣра, предполагающая, конечно, надлежащую организацію и устройство *особыхъ помѣщеній*, почему, если отдача въ исправительный пріютъ не почитается по

закону наказаніемъ и при повтореніи такой мѣры за кражу въ 3-ій разъ не можетъ считаться судимостью за 3-ю кражу, то и замѣняющее эту мѣру и слѣдовательно равнозначащее ей заключеніе въ *особое помѣщеніе* при тюремѣ или арестномъ домѣ также не можетъ считаться наказаніемъ. Такимъ образомъ по точному смыслу закона несовершеннолѣтній до 17 лѣтъ, отбывшій за кражу 2 или 3 раза заключеніе въ *особомъ помѣщеніи* при тюремѣ или арестномъ домѣ, не можетъ считаться судившимся за кражу 2 или 3 раза, какъ взрослый преступникъ, отбывавшій заключеніе въ тюрьмѣ. Между тѣмъ суды, за рѣдкими исключеніями, считаютъ такое заключеніе несовершеннолѣтнихъ заключеніемъ въ тюрьмѣ и судятъ несовершеннолѣтнихъ за 3-ю кражу по ст. 1655 Улож. о наказ.

Сознавая недостаточность закона 1897 года въ дѣлѣ борьбы съ преступностью несовершеннолѣтнихъ, Министерство Юстиціи провело въ 1909 году въ законодательномъ порядкѣ *законъ о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ*. Законъ этотъ получилъ санкцію 19 Апрѣля 1909 года и содержитъ довольно регламентированное Положеніе о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ и дѣйствіе его распространено на существующія заведенія такого рода и на общества, учрежденныя для устройства и содержанія ихъ. Законъ этотъ долженъ бы былъ предшествовать закону 1897 года и хотя, къ сожалѣнію, явился позже его на 12 лѣтъ, но явился крайне необходимымъ дополненіемъ къ нему, имѣющимъ большое значеніе. Съ изданіемъ этого закона въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать значительнаго развитія воспитательно-исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и упроченія уже существующихъ заведеній. Во 2-ой статьѣ Положенія, въ законѣ 1909 года, указано, что воспитательно-исправительныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ учреждаются не только земствами, го-

родами, общественными учрежденіями, частными обществами и лицами, но и самимъ правительствомъ, т. е. на средства казны.

Устраненіе публики въ судахъ, при разборѣ дѣлъ о малолѣтнихъ, по закону 1897 года, на практикѣ у Мир. Судей почти не встрѣчается. При незначительномъ объемѣ помѣщеній въ этихъ судахъ публику приходилось бы часто удалять изъ камеръ прямо на грязные дворы или на улицы и Судьи стѣсняются прибѣгать къ такой мѣрѣ, тѣмъ болѣе что она необязательна.

Задержаніе малолѣтнихъ при полиціи до выясненія ихъ личности и собранія точныхъ свѣдѣній о ихъ возрастѣ, общеніе въ это время малолѣтнихъ со взрослыми преступниками закономъ 1897 года не устранены. Затѣмъ заключеніе малолѣтнихъ по суду въ *особыя помѣщенія* при тюрьмахъ, при отсутствіи воспитательно исправительныхъ заведеній, примѣняется слишкомъ часто. Особое же помѣщеніе при тюрьмѣ по существу—та же тюрьма, съ тѣмъ же суровымъ режимомъ и надзоромъ грубой вооруженной стражи тюрьмы, развращающая малолѣтнихъ еще успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ взрослыхъ. Побывавшіе въ такихъ помѣщеніяхъ малолѣтніе, за весьма рѣдкими исключеніями, являются рецидивистами. Будучи на свободѣ, они, какъ люди бывалые, оказываются интересными собесѣдниками въ обществѣ своихъ сверстниковъ; они рассказываютъ интересные случаи воровской практики, объ уловкахъ при побѣгѣ изъ подъ стражи, объ уловкахъ въ тюрьмѣ, при объясненіяхъ въ судѣ и т. п. Несомнѣнно, что вредное вліяніе такихъ субъектовъ на дѣтей еще непреступныхъ—очень велико.

Въ концѣ концовъ закономъ 1897 года не устранены окончательно: ни вредное вліяніе на малолѣтнихъ заключенія въ тюрьмѣ, т. е. въ такъ называемыхъ особыхъ помѣщеніяхъ при тюрьмѣ, ни публичность и торжественность засѣданій въ судахъ съ присяжными засѣдателями и мировыхъ, ни общеніе малолѣтнихъ со

взрослыми преступниками въ полиціи, при пересылкѣ и въ судахъ, ни задержаніе малолѣтнихъ въ полицейскихъ участкахъ и пересылка ихъ подъ вооруженнымъ конвоемъ.

Публичное и торжественное засѣданіе въ судѣ и вооруженный конвой производятъ крайне угнетающее впечатлѣніе на малолѣтняго: онъ преувеличиваетъ значеніе совершеннаго имъ проступка, начинаетъ думать, что онъ пропавшій человекъ, навсегда потерявшій доброе имя; въ другихъ случаяхъ торжественная обстановка въ судѣ и вооруженная стража очень льстятъ самолюбію ребенка-преступника, внушаютъ ему убѣжденіе, что преступный путь въ жизни даетъ ему возможность обратить на себя вниманіе толпы и укрѣпляютъ его на этомъ пути. Полицейскія власти при обращеніи съ преступными дѣтьми часто обнаруживаютъ поразительную безтактность. Приведу одинъ примѣръ: года полтора тому назадъ, ко мнѣ, въ камеру Мир. Судьи, былъ доставленъ изъ Полицейскаго Ареста мальчикъ въ тюремной каретѣ, въ сопровожденіи вооруженной стражи и четырехъ конныхъ городовыхъ; черезъ нѣсколько дней другой мальчикъ былъ доставленъ ко мнѣ такимъ же порядкомъ. Болѣе безумной помпы трудно себѣ и представить.

Спрашивается, что же дѣлать и какія предпринять средства для успѣшной борьбы съ возрастающей преступностью дѣтей, изъ которыхъ формируются взрослые, закоренѣлые и опасные преступники? Къ счастью средства эти уже найдены. Они заключаются въ организаціи для малолѣтнихъ особыхъ специальныхъ судовъ. Мысль объ устройствѣ такихъ судовъ возникла прежде всего въ Сѣверной Америкѣ и осуществленіе ея дало прѣкрасные и осязательные результаты. Суды для малолѣтнихъ въ настоящее время открыты во многихъ штатахъ и большею частію существуютъ всего около 10 лѣтъ. Первое возникновеніе ихъ относится къ 1899 году. Извѣстно, что штаты Сѣверной Америки въ законо-

дательномъ отношеніи самостоятельны, независимы, почему въ каждомъ изъ штатовъ суды для малолѣтнихъ организованы на основаніи спеціальнаго закона того штата, но, не смотря на это, въ общихъ, важнѣйшихъ чертахъ организація ихъ сходна. Суды эти совершенно изолированы отъ судовъ для взрослыхъ преступниковъ, имѣютъ особыя помѣщенія, отличающіяся простотою обстановки, напоминающей ближе всего обстановку частной квартиры; засѣданія здѣсь лишены всякой торжественности, на нихъ не допускаются ни защитники, ни публика, а присутствуютъ только: судья, особые попечители, подсудимый, его родители или лица, на попеченіи которыхъ онъ находится и свидѣтели. Судьи для малолѣтнихъ въ нѣкоторыхъ штатахъ причислены къ другимъ общимъ судамъ; въ Нью-Йоркѣ и Калифорніи нѣкоторые судьи общихъ судовъ мѣняются по очереди съ судьей для малолѣтнихъ. Главную же и существенную особенность этихъ судовъ составляетъ институтъ *особыхъ попечителей*. Лица эти избираются Судьей и состоятъ при каждомъ судѣ, какъ чиновники съ жалованьемъ до 2000 долларовъ въ годъ, на наши деньги около 4000 руб., или они несутъ свои обязанности добровольно и бесплатно. Суду для малолѣтнихъ подсудны дѣти въ возрастѣ до 16 лѣтъ. Къ суду этому привлекаются: малолѣтніе нищенствующіе, праздношатающіеся, пропускающіе школьныя занятія, ведущіе себя непристойно въ публичныхъ мѣстахъ, посѣщающіе кабаки и трактиры, вращающіеся въ кругу преступниковъ или падшихъ женщинъ, не имѣющіе опредѣленнаго мѣста жительства и наконецъ малолѣтніе преступники, т. е. вообще дѣти преступники и дѣти заброшенные, безпріютные и рискующіе стать преступниками. Привлечь къ суду малолѣтняго имѣетъ право всякій неопороченный гражданинъ, самъ Судья, а также Попечитель при судѣ. Присужденіе малолѣтняго въ тюрьму вовсе не допускается. Задержаніе его при полицейскихъ участкахъ также не

допускается. Если встрѣчается надобность въ задержаніи малолѣтняго до суда его отправляютъ въ особый пріютъ или школу для задержанныхъ. Помѣщенные тамъ дѣти цѣлый день заняты уроками или какой нибудь полезной и здоровой работой. По начатіи дѣла о малолѣтнемъ Судья извѣщаетъ о томъ Попечителя, который немедленно собираетъ точныя свѣдѣнія о положеніи малолѣтняго въ семьѣ и условіяхъ, при которыхъ онъ живетъ. По собраніи свѣдѣній о малолѣтнемъ Судья рассматриваетъ дѣло, рѣшаетъ вопросъ о виновности малолѣтняго и о томъ какъ съ нимъ поступить. Если малолѣтній признанъ преступникомъ или рискующимъ сдѣлаться преступникомъ Судья въ маловажныхъ случаяхъ и при первомъ привлеченіи къ суду большею частію ограничивается однимъ выговоромъ; въ другихъ случаяхъ постановляетъ *временное* рѣшеніе, соотвѣтствующее *условному осужденію* и отдаетъ малолѣтняго на опредѣленное время подъ надзоръ родителей или другихъ отвѣтственныхъ за него лицъ и кромѣ того поручаетъ его надзору Попечителя, который посѣщаетъ малолѣтняго на его квартирѣ, старается повліять на установленіе тамъ добрыхъ отношеній, или помѣщаетъ малолѣтняго въ школу, или, наконецъ, пріискиваетъ для него какое либо занятіе. Малолѣтній обязывается въ опредѣленные сроки являться къ своему Попечителю и приносить отмѣтки о своемъ поведеніи и успѣхахъ въ школѣ или отзывы о томъ же отъ своихъ работодателей. Когда принятая въ отношеніи малолѣтняго мѣра не имѣетъ успѣха Судья распоряжается помѣстить малолѣтняго въ исправительное заведеніе. Если же по истеченіи опредѣленного времени Попечитель и Судья убѣдятся, что малолѣтній исправился, то попечительный надзоръ за нимъ прекращается не ранѣе, впрочемъ, какъ по достиженіи малолѣтнимъ 21 года. По отзывамъ всѣхъ Попечителей дѣти, отданныя подъ ихъ надзоръ, большею частію тотчасъ измѣняются къ лучшему даже по внѣшнему сво-

ему виду и манерамъ: они являются къ своимъ Попечителямъ съ чисто вымытыми руками и лицомъ, причесанные и въ чистомъ платьѣ. Сначала они стараются расположить въ свою пользу Попечителя, который при помощи Судьи всегда можетъ отдать малолѣтняго въ заведеніе со строгой дисциплиной. Очень скоро дѣти убѣждаются, что Попечитель искренно желаетъ имъ добра и отечески заботится о нихъ, почему начинаютъ стараться доставить такому человѣку удовольствіе своимъ поведеніемъ и занятіями, чтобы заслужить одобреніе такого хорошаго человѣка; дѣлаются съ нимъ очень откровенны и довѣрчивы и между Попечителемъ и дѣтьми устанавливаются наилучшія отношенія. Судья для малолѣтнихъ въ Денверѣ (штатъ Колорадо) Линдсей былъ однимъ изъ инициаторовъ возникновенія судовъ для малолѣтнихъ въ Америкѣ; онъ всецѣло посвятилъ себя этому дѣлу и достигъ въ немъ блестящихъ результатовъ. Въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ ни одинъ малолѣтній не былъ имъ присужденъ въ тюрьму, хотя между судившимися попадались и побывавшіе уже въ тюрьмѣ. Изъ дѣтей, отданныхъ подъ надзоръ, только 5% оказались рецидивистами, тогда какъ раньше 75% изъ нихъ присуждались въ тюрьму или исправительныя заведенія и 50% оказывались потомъ рецидивистами. Линдсей твердо настаиваетъ на томъ, что дѣтей нельзя наказывать и дѣйствовать на нихъ насиліемъ, а нужно ихъ воспитывать и что судъ для малолѣтнихъ совмѣстно съ семьей и школой долженъ постоянно преслѣдовать эту цѣль, имѣя въ виду, что воспитаніе должно вестись безъ небрежности и грубости, но съ твердостью, любовью и терпѣніемъ и что результатомъ такой системы непременно явится со стороны дѣтей любовь, уваженіе и послушаніе. Если семья и школа неправильно обращаются съ дѣтьми на помощь имъ долженъ придти Судъ для малолѣтнихъ, который и постарается измѣнить условія жизни дѣтей и обращенія съ ними. Если въ дурномъ по-

веденіи малолѣтняго виновна семья Судья вызываетъ родителей и ведетъ съ ними совѣщаніе, иногда при участіи учителя, о томъ, что нужно сдѣлать для исправленія малолѣтняго. Если родители сами сознаютъ свое неумѣніе воспитывать своихъ дѣтей—они обращаются къ Судѣ и тотъ даетъ имъ совѣтъ и помощь. Если дѣти не ходятъ въ школу безъ уважительной причины и въ то же время состоятъ подъ надзоромъ школа увѣдомляетъ о томъ Судью, который при помощи Попечителя разслѣдуетъ дѣло; въ томъ же случаѣ, когда такія дѣти не состоятъ подъ надзоромъ школа сама разслѣдуетъ причины неявки дѣтей и затѣмъ сообщаетъ о нихъ Судѣ.

Судъ для малолѣтнихъ въ своихъ воспитательныхъ цѣляхъ съ своей стороны также постоянно нуждается въ помощи семьи и школы. Линдсей, какъ и всякій педагогъ, убѣжденъ, что отъ дѣтей можно добиться любовью гораздо больше, чѣмъ всякими другими средствами и что малолѣтняго преступника предпочтительно нужно оставлять въ домѣ родителей, если же тамъ нельзя рассчитывать на его исправленіе, его нужно помѣстить въ заведеніе съ болѣе или менѣе строгой дисциплиной, гдѣ малолѣтній пріучается къ послушанію и порядку. Линдсей также справедливо утверждаетъ, что въ судахъ для малолѣтнихъ самое важное—выборъ лицъ и что отъ личныхъ качествъ характера, ума, такта и любви къ дѣтямъ Судьи и Попечителей зависитъ весь успѣхъ дѣла. Линдсей періодически ведетъ бесѣды съ дѣтьми, въ которыхъ указываетъ на примѣры дурныхъ шалостей, дурнаго поведенія въ публичныхъ мѣстахъ и примѣры болѣе или менѣе важныхъ нарушеній закона, проступковъ, причемъ легко добивается на этихъ бесѣдахъ прямого осужденія дѣтьми указанныхъ случаевъ. Бесѣды очень сближаютъ Судью съ дѣтьми и породили такое довѣріе и любовь къ нему дѣтей, что часто дѣти добровольно приходятъ къ Линдсею и приносятъ повинную въ своихъ прегрѣшеніяхъ. По отзывамъ полиціи въ штатѣ Ко-

лорато судъ для малолѣтнихъ повліялъ на значительное уменьшеніе преступленій, совершаемыхъ дѣтьми, въ особенности уменьшились случаи воровства. Судъ для малолѣтнихъ въ Чикаго по отзывамъ компетентнаго лица въ короткое время сдѣлалъ для предупрежденія преступленій больше, чѣмъ всѣ прочіе суды штата за 20 лѣтъ.

Такъ обстоитъ дѣло борьбы съ преступностью малолѣтнихъ въ Америкѣ.

Въ Англіи борьба съ преступностью малолѣтнихъ возникла гораздо раньше и выразилась нѣсколько въ иной формѣ. Здѣсь было обращено вниманіе на необходимость не только перевоспитать по возможности несовершеннолѣтняго преступника и сдѣлать изъ него хорошаго и полезнаго гражданина, но и оградить заброшенныхъ, безпризорныхъ дѣтей, живущихъ въ условіяхъ, влекущихъ ихъ на преступный путь, отъ необходимости пойти по этому пути, т. е. сдѣлаться преступными. Мысль заслуживающая полного сочувствія, такъ какъ вообще важнѣе и пожалуй легче предупредить преступленіе, чѣмъ исправлять преступника.

Для осуществленія этой мысли въ Англіи закономъ 1854 и 1859 годовъ учреждены сначала исправительныя, а потомъ и ремесленныя школы.

Въ ремесленныя школы отдаются дѣти нищенствующіе, заброшенные, безпріютные, т. е. вообще кандидаты въ преступники, въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ и преступные въ возрастѣ до 12 лѣтъ, а въ исправительныя дѣти въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, совершившіе какое либо преступленіе; въ первыхъ школахъ дѣти могутъ оставаться до 16 лѣтъ, а во вторыхъ до 19 лѣтъ. Родители обязаны платить за содержаніе своихъ дѣтей въ этихъ школахъ. Ремесленныя школы раздѣляются на дневныя школы, гдѣ дѣти проводятъ время отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, получая тамъ ѣду, и на школы съ интернатомъ. Въ 1876 году былъ изданъ законъ объ обязательномъ обученіи дѣтей въ возрастѣ

отъ 5 до 14 лѣтъ и съ этого времени ремесленные школы получили широкое распространіе, такъ какъ по закону при непосѣщеніи школы ребенкомъ школьнаго возраста школьныя власти обязаны обратиться за помощью къ Судьѣ и послѣдній отдаетъ приказъ о посѣщеніи школы, при неисполненіи же этого приказа распоряжается отдать ребенка въ дневную ремесленную школу или въ ремесленную школу съ интернатомъ. Въ 1907 году изданъ законъ объ условномъ осужденіи несовершеннолѣтнихъ и учреждены при судахъ должности особыхъ наблюдателей, соотвѣтствующихъ попечителямъ при судахъ для малолѣтнихъ въ Америкѣ.

Буду называть ихъ Попечителями. По этому закону Судья, признавая несовершеннолѣтняго виновнымъ въ какомъ либо проступкѣ, оставляетъ его на свободѣ подъ условіемъ хорошаго поведенія и поручаетъ осужденнаго надзору Попечителя, который посѣщаетъ его, наблюдаетъ за его поведеніемъ, даетъ ему совѣты и возможную помощь, отыскиваетъ для него занятіе и т. п. Въ случаѣ дурнаго поведенія состоящаго подъ надзоромъ Попечитель доноситъ о томъ Судьѣ и послѣдній даетъ приказъ помѣстить условно осужденнаго въ исправительную школу. Наконецъ въ 1908 году въ Англіи изданъ особый, обширно регламентированный законъ о дѣтяхъ (Children Act), въ которомъ весьма подробно указаны мѣры, которыя власти должны принимать для огражденія дѣтей отъ дурныхъ вліяній и условій, ведущихъ ихъ на путь преступленій, указана организація особыхъ судовъ для малолѣтнихъ, а также болѣе подробно указаны организація и функціи ремесленныхъ и исправительныхъ школъ и устройство особыхъ мѣстъ заключенія, или арестныхъ домовъ, для содержанія въ нихъ малолѣтнихъ до суда или по приговору суда, или взамѣнъ уплаты штрафа, убытковъ и издержекъ.

Замѣчу при этомъ, что по законамъ Англіи неупла-

та штрафа, или издержекъ и убытковъ всегда замѣняется для взрослыхъ осужденныхъ тюрьмой.

Законъ о дѣтяхъ по своему социальному значенію—одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ Англіи за цѣлое послѣднее столѣтіе и по справедливости въ обществѣ и литературѣ его сейчасъ же назвали Великой хартіей дѣтей, по англійски: Children Habeas Corpus Act.

Заботы о дѣтяхъ Англичане съ особой настойчивостью проявляли и раньше. Такъ во 2-ой половинѣ 19 столѣтія въ Англіи были изданы законы о воспитаніи, обученіи и содержаніи въ школахъ дѣтей бѣдныхъ, о защитѣ дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія и, какъ я уже упомянулъ,—законы объ учрежденіи ремесленныхъ и исправительныхъ школъ и объ обязательномъ обученіи дѣтей въ возрастѣ отъ 5—14 лѣтъ. Но самымъ всестороннимъ образомъ заботы эти о всѣхъ дѣтяхъ, лишенныхъ почему либо надлежащаго надзора и попеченія родителей или родственниковъ, выразились въ законѣ 1908 года, введеніе въ дѣйствіе котораго было—назначено на 1 Апрѣля 1909 года и не позже 1 Января 1910 года, такъ какъ только къ этому времени предполагалось окончить устройство достаточнаго числа особыхъ арестныхъ домовъ исключительно для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ.

Не могу не привести нѣкоторыя детали этого въ высшей степени важнаго и интереснаго закона.

Малолѣтними называются дѣти въ возрастѣ до 14 лѣтъ, а несовершеннолѣтними въ возрастѣ отъ 14—16 лѣтъ.

Буду называть и тѣхъ и другихъ, для краткости, малолѣтними.

Лица, берущія на полное содержаніе дѣтей въ возрастѣ 6—7 лѣтъ за плату, должны немедленно увѣдомить о томъ мѣстную власть *), которая назначаетъ осо-

*) Попечителя учреждений для бѣдныхъ.

бое лицо, наблюдающее за помѣщеніемъ и содержаніемъ малолѣтняго. О всякой перемѣнѣ своего мѣста жительства или о возвратѣ малолѣтняго лица, содержавшія его, обязаны также немедленно посылать извѣщенія. Малолѣтняго нельзя возвратить лицу, отъ попеченія котораго онъ былъ устранинъ, а также нельзя возвратить его въ ту квартиру, изъ которой онъ былъ взятъ вслѣдствіе непригодности ея для здоровья или по другимъ условіямъ. Если лицо, наблюдающее за содержаніемъ малолѣтняго, найдетъ, что онъ содержится ненадлежаще въ отношеніи пищи, помѣщенія, надзора и т. п., то доноситъ о томъ Судьѣ, который даетъ приказъ взять малолѣтняго и помѣстить его въ пріютъ или къ другимъ благонадежнымъ лицамъ. Лица, виновныя въ неизвѣщеніи мѣстной власти о принятіи на содержаніе малолѣтняго, о возвратѣ его или смерти и о перемѣнѣ своего мѣста жительства подвергаются по суду значительному штрафу или заключенію въ тюрьмѣ. Лицо, на попеченіи котораго находится малолѣтній, умышленно обижающее его, нерадѣющее о немъ, бросающее его, или даже допускающее, чтобы малолѣтняго обижали, били или нанесли ему раны, подвергается значительному штрафу или тюремному заключенію.

Родители или лица, на попеченіи которыхъ находится малолѣтній, не доставляющіе ему надлежащей пищи, одежды, медицинской помощи или помѣщенія для жилья или не позаботившіеся, при своей бѣдности, о доставленіи малолѣтнему всего этого при помощи учреждений для бѣдныхъ также подвергаются наказанію по суду.

Лица, допускающія малолѣтняго къ прошенію милостыни или выманиванію денегъ пѣніемъ, игрой, представленіемъ или предложеніемъ купить что либо, подвергаются штрафу до 25 фунтовъ стерлинговъ или заключенію въ тюрьмѣ до 3-хъ мѣсяцевъ.

Замѣчу при этомъ, что и у насъ лица, виновныя въ допущеніи дѣтей къ прошенію милостыни, подвергаются

по закону (ст. 51 Уст. о наказ.) штрафу до 50 руб. или аресту до 15 дней, а при обращеніи такого нищенства въ ремесло-тюремному заключенію отъ 1 до 3-хъ мѣсяцевъ, но въ Англіи, какъ мы видѣли, понятіе недозволеннаго нищенства дѣтей значительно и вполне основательно трактуется шире.

При возбужденіи обвиненія противъ лица, виновнаго въ совершеніи какого либо проступка въ отношеніи малолѣтняго, принимаются мѣры охраны или защиты малолѣтняго и онъ, смотря по обстоятельствамъ, помѣщается въ убѣжище (пріютъ) или по приказу суда помѣщается у родственниковъ или другихъ благонадежныхъ лицъ или наконецъ отдается въ школу съ интернатомъ.

Лица, виновныя въ продажѣ папиросъ, папиросной бумаги или сигаръ малолѣтнему, имѣющему по *наружному виду* менѣе 16 лѣтъ, подвергаются въ 1-й разъ штрафу до 2-хъ фунтовъ стерлинговъ, а при повтореніи—штрафу до 5 и даже до 10 фунтовъ. Всякій констэбль или сторожъ парка имѣетъ право отобрать папиросы, или сигары отъ курящаго въ публичномъ мѣстѣ малолѣтняго, который по наружному виду моложе 16 лѣтъ.

Запрещается подъ страхомъ наказанія покупать отъ малолѣтняго, который по наружному виду моложе 16 лѣтъ, старый металлъ или металлическій ломъ. Запрещается также принимать въ закладъ вещи отъ малолѣтняго, который по наружному виду моложе 14 лѣтъ. Если кто либо часто мѣняетъ мѣсто своего жительства и, имѣя при себѣ ребенка школьнаго возраста, не докажетъ, что ребенокъ этотъ освобожденъ отъ посѣщенія школы или того, что онъ получаетъ домашнее элементарное образованіе,—подлежитъ штрафу до 20 шиллинговъ и признается лицомъ неподходящимъ имѣть попеченіе о малолѣтнемъ, а послѣдній отдается въ ремесленную школу. Каждый констэбль имѣетъ право возбуж-

дать такіа дѣла и, отобравъ малолѣтняго, отдать его въ убѣжище (пріютъ) до распоряженія о немъ суда.

Запрещается, подѣ страхомъ наказанія, давать дѣтямъ до 5 лѣтъ какой либо опьяняющій напитокъ. Владѣльцы буфетовъ, баровъ или другихъ заведеній, гдѣ продаются крѣпкія напитки, за допущеніе въ эти заведенія малолѣтнихъ, которые по наружному виду еще не имѣютъ 14 лѣтъ, подвергаются штрафу до 40 шиллинговъ, а при повтореніи этого проступка штрафу до 5 фунтовъ стерлинговъ.

Мѣстная учебная власть поручаетъ врачу или другимъ лицамъ осматривать дѣтей обучающихся въ начальныхъ школахъ и если окажется между ними малолѣтній съ паразитами на немъ или вообще нечистоплотный,—даетъ приказъ лицу, на попеченіи котораго находится такой малолѣтній, немедленно, въ теченіи 24 часовъ, очистить его; при неисполненіи этого малолѣтній очищается принудительно въ подходящемъ помѣщеніи. Если же такой малолѣтній вновь окажется неопрятнымъ,—то родители или лица, на попеченіи которыхъ онъ находится, подвергаются штрафу.

Если кто либо обвиняется въ совершеніи какого либо проступка, по закону о дѣтяхъ (1908 года) въ отношеніи лица, которому по наружному виду менѣе 16, а въ иныхъ случаяхъ и менѣе 14 лѣтъ, то запрещается доказывать, что такой малолѣтній имѣетъ болѣе 16 или 14 лѣтъ. Къ такимъ проступкамъ относятся: продажа малолѣтнему папирозъ или сигаръ, покупка отъ малолѣтняго стараго металла, принятіе отъ малолѣтняго вещей въ закладъ, допущеніе малолѣтняго въ питейныя заведенія и т. п.

Къ числу лицъ, обязанныхъ платить за содержаніе малолѣтняго въ школахъ, относятся отчимы и мачихи; судъ можетъ признать и сожителя матери обязаннымъ платить за малолѣтняго.

Приведенныхъ выдержекъ изъ послѣдняго англійскаго закона о дѣтяхъ достаточно, чтобы оцѣнить всю важность этого закона и чтобы пожалѣть о томъ, что мы, русскіе, еще не имѣемъ такого закона.

Добавлю еще, что по закону о дѣтяхъ каждый гражданинъ имѣетъ право представить суду малолѣтняго, которому по наружному виду менѣе 14 лѣтъ, если этотъ малолѣтній нищенствуетъ, бродяжничаетъ, посящаетъ публичные дома, ведетъ знакомство съ ворами, не имѣетъ пристанища, лишенъ надлежащаго попеченія о немъ со стороны родителей или попечителей, или если эти лица по своему пьянству, преступному образу жизни или своей развращенности не могутъ имѣть попеченія о малолѣтнемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ судъ распоряжается отдать малолѣтняго въ ремесленную школу.

Малолѣтній въ возрастѣ до 12 лѣтъ, обвиняемый въ преступленіи, влекущемъ для взрослого лица каторжныя работы или заключеніе въ тюрьму, отдается судомъ въ ремесленную школу или на попеченіе родителей или другихъ благонадежныхъ лицъ и поручается надзору должностного попечителя; при дурномъ поведеніи малолѣтняго подъ такимъ надзоромъ онъ отдается по приказу суда въ исправительную школу. Попечитель по учрежденіямъ для бѣдныхъ при упорномъ непослушаніи дѣтей въ рабочихъ домахъ или школахъ доноситъ о томъ суду и послѣдній распоряжается отдать такихъ дѣтей въ ремесленную школу. Судъ отдаетъ также въ ремесленную школу, какъ я упомянулъ раньше, дѣтей упорствующихъ въ непосѣщеніи общихъ начальныхъ училищъ. Въ исправительныхъ школахъ содержатся, какъ я уже говорилъ, малолѣтніе преступники въ возрастѣ отъ 12—16 лѣтъ. Руководители ремесленныхъ и исправительныхъ школъ могутъ освобождать своихъ воспитанниковъ до срока ихъ содержанія въ школѣ для проживанія внѣ школы у какого либо благонадежнаго лица, или отдавать ихъ на службу, помѣщать у торговца, ремесленника и

т. п.; въ случаѣ дурнаго поведенія такой воспитанникъ возвращается въ школу.

Воспитанники исправительныхъ школъ большею частію размѣщаются въ небольшихъ домахъ группами, составляющими какъ бы отдѣльныя семьи; на содержаніе ихъ отпускаются опредѣленныя суммы. Въ случаѣ побѣга воспитанника расходы по возвращенію бѣглеца въ школу падаютъ на подлежащую семью и соотвѣтственно этимъ расходамъ уменьшается сумма на содержаніе семьи, почему всѣ воспитанники заинтересованы въ томъ, чтобы побѣговъ не было.

Воспитанники исправительныхъ школъ за неподчиненіе правиламъ школы или подговоръ къ тому товарищей присуждаются къ увеличенію срока заключенія, а достигшіе 16 лѣтъ къ заключенію въ тюрьму на срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ; за побѣгъ изъ исправительной школы увеличивается срокъ заключенія въ ней, а воспитанники въ возрастѣ 16 лѣтъ и болѣе присуждаются въ тюрьму на срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ.

Воспитанники ремесленныхъ школъ въ возрастѣ 12 лѣтъ и болѣе за неподчиненіе правиламъ школы переводятся въ исправительныя школы, туда же переводятся они и за побѣгъ.

Наконецъ закономъ о дѣтяхъ въ Англіи впервые введены *суды для малолѣтнихъ*. Разсмотрѣніе дѣлъ о малолѣтнихъ возложено на общіе суды низшей, такъ называемой суммарной подсудности. Такіе суды состоятъ изъ одного назначеннаго Судьи или изъ выборныхъ Судей въ числѣ не менѣе двухъ. Засѣданія происходятъ въ особыхъ зданіяхъ, или въ особыхъ помѣщеніяхъ, или наконецъ въ особые дни отъ обычныхъ засѣданій. Публика къ разбору дѣлъ о малолѣтнихъ вовсе не допускается. Малолѣтніе, за исключеніемъ грудныхъ дѣтей, не допускаются въ качествѣ публики въ засѣданія общихъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ. При допросѣ малолѣтнихъ свидѣтелей въ общихъ судахъ публика по

усмотрѣнію суда можетъ быть удалена. Малолѣтній въ возрастѣ до 14 лѣтъ не можетъ быть присуждаемъ въ тюрьму, въ какомъ бы преступленіи онъ ни обвинялся. Малолѣтній въ возрастѣ отъ 14—16 лѣтъ также не присуждается въ тюрьму и только въ случаѣ особаго буйнаго характера или особой развращенности тюрьма для него не исключается. Разсмотрѣвъ дѣло о малолѣтнемъ *судъ постановляетъ приговоръ*: прекратить дѣло;

освободить обвиняемаго, если онъ призналъ себя виновнымъ;

освободить обвиняемаго, отдавъ его на попеченіе родителей или другихъ лицъ и подъ надзоръ попечителя; отдать обвиняемаго въ ремесленную или исправительную школу;

присудить обвиняемаго къ наказанію розгами;

присудить обвиняемаго къ уплатѣ штрафа, убытковъ и издержекъ по дѣлу;

присудить родителей или попечителей уплатить за малолѣтняго штрафъ, убытки и издержки по дѣлу;

истребовать отъ родителей или попечителей залогъ за малолѣтняго по поручительству въ хорошемъ его поведеніи;

присудить малолѣтняго къ аресту или наконецъ, въ особыхъ случаяхъ, какъ я упомянулъ уже, присудить малолѣтняго въ возрастѣ 14—16 лѣтъ въ тюрьму.

Не могу не останоить нѣкотораго вниманія на мѣрѣ воздѣйствія на малолѣтнихъ въ Англіи,—наказаніи ихъ розгами. По изданному у насъ въ 1909 году закону о воспитательно исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ наказаніе розгами вовсе не допускается. Я не педагогъ и не могу судить о цѣлесообразности и воспитательномъ значеніи такой мѣры, но думаю, что наказаніе розгами, въ качествѣ педагогической мѣры воздѣйствія, вообще не желательно, не смотря на примѣръ такой передовой націи какъ Англичане.

Обращаясь опять къ законамъ и судамъ для малолѣтнихъ въ Англіи необходимо отдать англичанамъ полную справедливость, что въ борьбѣ съ дѣтской преступностью они сдѣлали очень много и достигли блестящихъ результатовъ. Особая заботливость о заброшенныхъ и лишенныхъ надлежащаго попеченія дѣтяхъ, развившаяся въ широкомъ развитіи путемъ общественной инициативы, на средства частныхъ лицъ и обществъ, рабочихъ домовъ и школъ для бѣдныхъ дѣтей, школъ ремесленныхъ и обязательное обученіе дѣтей съ 5-ти лѣтняго возраста дали осязательные результаты еще до изданія закона о дѣтяхъ (1908 года) и введенія судовъ для малолѣтнихъ. Процентъ рецидивистовъ дѣтей за десять лѣтъ съ 1896—1906 годъ понизился въ Англіи съ 15% до 10%. Въ послѣдніе годы этотъ процентъ вѣроятно понизился еще болѣе. Статистическія цифры указываютъ, что половина всѣхъ преступленій малолѣтнихъ совершается дѣтьми незаконнорожденными, сиротами, брошенными своими родителями или дѣтьми родителей пьянствующихъ, развратныхъ, преступныхъ, почему установленіе правила, въ силу котораго суды и ремесленные школы никогда не возвращаютъ дѣтей въ обстановку и условія, повлекшія ихъ на преступный путь,—очень важно и также даетъ осязательные и добрые результаты къ уменьшенію дѣтской преступности. Нужно еще замѣтить, что по закону о дѣтяхъ руководители ремесленныхъ школъ сохраняютъ надзоръ за вышедшими изъ школъ воспитанниками въ теченіи 3-хъ лѣтъ и при дурномъ поведеніи воспитанника онъ возвращается въ школу на нѣсколько мѣсяцевъ. Кромѣ того въ Англіи учреждены и получаютъ широкое развитіе особые вспомогательные рабочіе дома, въ которыхъ вышедшіе изъ ремесленныхъ школъ дѣти, неуспѣвшіе пристроиться къ какому либо занятіямъ или службѣ, находятъ пріютъ, помощь и совѣтъ, пока не станутъ прочно на свои ноги.

Въ другихъ государствахъ Европы по примѣру Аме-

рики, для болѣе успѣшной борьбы съ дѣтской преступностью, стали вводить особыя суды для малолѣтнихъ и хотя законы, опредѣляющіе организацію этихъ судовъ, устраненіе публичности судопроизводства, установленіе особыхъ попечителей и прочее еще только разрабатываются и не утверждены законодательными палатами, такіе суды уже введены распоряженіями Министровъ или Прокуроровъ въ Германіи, Франціи, Австріи, Италіи и другихъ государствахъ. Суды для малолѣтнихъ въ Англіи были введены за нѣсколько лѣтъ до изданія Закона о дѣтяхъ въ 1908 году. Для избѣжанія публичности, которая тогда закономъ еще не была отмѣнена, такіе суды старались помѣщать въ какихъ нибудь закоулкахъ, чтобы входъ въ нихъ по возможности не былъ замѣтенъ, комнаты для разбора дѣлъ выбирались поменьше, но эти мѣры, конечно, не устраняли публичности судовъ. Въ Парижѣ, какъ рассказываетъ Петербургскій Мировой Судья для малолѣтнихъ Окуневъ, участвовавшій въ первомъ конгрессѣ судовъ для малолѣтнихъ, собравшемся въ Парижѣ лѣтомъ прошлаго 1911 года, дѣла о малолѣтнихъ поручены 8-му отдѣленію Исправительнаго Суда Сенскаго округа, которое и разбираетъ эти дѣла по понедѣльникамъ. Къ сожалѣнію самая процедура здѣсь, по словамъ Окунева, не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ суда для малолѣтнихъ и оставляетъ желать многого. На особомъ возвышеніи помѣщается судейскій столъ, за которымъ засѣдаютъ трое Судей, въ своихъ мантияхъ и беретахъ, за особыми столами помѣщаются Товарищъ Прокурора и Секретарь. Во время разбора одного дѣла въ залу засѣданія вводятъ одного или двухъ обвиняемыхъ по слѣдующимъ дѣламъ, такъ что они присутствуютъ при разборѣ предъидущихъ дѣлъ. Начинается къ разбору до 50 дѣлъ, почему однихъ вызываемыхъ повѣстками родителей, свидѣтелей и потерпѣвшихъ набирается очень много и публика свободно входитъ и выходитъ; шумъ стоитъ постоянный; старанія

Судебнаго Пристава возстановить порядокъ остаются безуспѣшными, а Предсѣдатель постоянно шлепаетъ рукой по столу и кричитъ: „silence!”, но также безуспѣшно. Разспросивъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ Предсѣдатель обращается къ защитнику, который обыкновенно проситъ отдать обвиняемаго въ воспитательно—исправительное заведеніе, но предварительно оставить его на свободѣ, поручивъ попеченію и надзору Патроната. По большей части такимъ приговоромъ и кончается дѣло.

Если обвиняемый будетъ вести себя хорошо, то при помощи Патроната получить какое либо занятіе или службу и останется на свободѣ, въ противномъ случаѣ онъ отсылается въ воспитательно—исправительное заведеніе до 21 года, т. е. до наступленія совершеннолѣтія.

Суду для малолѣтнихъ подлежатъ обвиняемые въ возрастѣ до 18 лѣтъ.

Когда полиція задерживаетъ малолѣтняго, то въ Полицейскій участокъ вызываются его родители и по объясненіи съ ними, въ случаѣ маловажности проступка, дѣлается внушеніе родителямъ и малолѣтнему и послѣдній освобождается. Въ болѣе важныхъ случаяхъ о проступкѣ составляется протоколъ. На слѣдующее утро обвиняемые со всѣхъ полицейскихъ участковъ свозятся въ депо, гдѣ они помѣщаются въ одиночныя камеры. Въ тотъ же день слѣдственный судья допрашиваетъ обвиняемаго и освобождаетъ его или подвергаетъ предварительному задержанію. Мѣстомъ такого задержанія служитъ большая старая тюрьма La Petite Roquette, гдѣ обвиняемые содержатся въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ одиночномъ заключеніи. Для предварительнаго задержанія дѣвочекъ служитъ особая тюрьма, также съ одиночными камерами. Здѣсь содержатся и дѣвочки, отданныя туда родителями за дурное поведение, на срокъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ. Изъ этихъ тюремъ, гдѣ малолѣтніе до суда проводятъ иногда 2 и 3 мѣсяца, ихъ

разбирають послѣ рѣшенія дѣла члены патронатныхъ обществъ и размѣщаютъ по своимъ заведеніямъ.

Такой порядокъ во Франціи. Мы видимъ, что здѣсь малолѣтніе преступники во время слѣдствія и суда вполнѣ разобщены отъ взрослыхъ и пользуются возможностью, при попечительномъ надзорѣ и помощи патронатныхъ обществъ, исправиться и сдѣлаться полезными гражданами. Но судъ для малолѣтнихъ не лишенъ публичности и торжественной обстановки, если же къ этому присоединить продолжительное до суда предварительное задержаніе обвиняемыхъ въ одиночныхъ тюрьмахъ, то нужно признать, что такія условія должны производить на малолѣтнихъ вредное вліяніе. Коллегіальный составъ суда, публичность его, гласность и участіе защиты французы считаютъ лучшими гарантіями интересовъ обвиняемаго и затрудняются отказаться отъ этихъ гарантій въ судахъ для малолѣтнихъ.

Когда нашъ Петербургскій Мировой Судья Окуневъ ознакомилъ членовъ Парижскаго Конгресса съ положеніями нашего закона 1897 года, въ силу которыхъ всякій единоличный судья всегда можетъ разбирать дѣла о малолѣтнихъ въ закрытыхъ для публики засѣданіяхъ и примѣнять въ отношеніи этихъ обвиняемыхъ, при помощи особыхъ попечителей, отвѣтственный присмотръ до суда и отвѣтственный надзоръ послѣ суда, то члены Конгресса были удивлены, что въ Россіи уже есть такіе законы, которые обезпечиваютъ успѣхъ особыхъ судовъ для малолѣтнихъ и которые на западѣ Европы, за исключеніемъ Англіи, только проектируются. На Конгрессѣ было принято много резолюцій по организаціи особыхъ судовъ для малолѣтнихъ, ихъ компетенціи, ихъ функціямъ и прочее. Важнѣйшія резолюціи Конгресса были слѣдующія: судъ для малолѣтнихъ долженъ быть единоличный и судья здѣсь долженъ быть не временный, а постоянный; засѣданія суда должны быть закрыты для публики; при судѣ состоятъ особые

платные и добровольные попечители для разслѣдованія условій жизни обвиняемаго, при которыхъ онъ совершилъ проступокъ и для надзора за поведеніемъ малолѣтняго послѣ суда.

Перехожу къ суду для малолѣтнихъ у насъ въ Россіи. Въ 1908 году по иниціativѣ Предсѣдателя Петербургскаго Общества Патроната Сенатора Фойницкаго была образована Коммисія по вопросу о введеніи у насъ особаго суда для малолѣтнихъ. Въ составъ Коммисіи вошли: Фойницкій, Мировые Судьи Бѣляминъ и Окуневъ и приватъ-доцентъ Люблинскій. Въ началѣ 1909 года Коммисія окончила свой проектъ организаціи суда для малолѣтнихъ. Проектъ этотъ былъ цѣликомъ принятъ Обществомъ Патроната и одобренъ Съѣздомъ Мировыхъ Судей гор. Петербурга, при чемъ послѣдніе выразили единодушное желаніе о введеніи такого суда въ Петербургѣ. Министръ Юстиціи весьма сочувственно отнесся къ этому желанію, также какъ и Петербургская Городская Дума, которая признала необходимымъ ввести въ Петербургѣ особый судъ для малолѣтнихъ и немедленно ассигновала для этой цѣли 11780 руб. ежегодно и 3000 руб. единовременно. Скоро ежегодное ассигнованіе на этотъ судъ увеличено до 20000 руб. Съѣздъ Мировыхъ Судей избралъ изъ своей среды Николая Александровича Окунева Судьею для малолѣтнихъ и съ 1 Ноября 1909 года г. Окуневъ началъ разбирать дѣла о малолѣтнихъ особо отъ другихъ, а 21 Января 1910 года былъ торжественно открытъ этотъ судъ въ особомъ помѣщеніи. Петербургское общество также весьма сочувственно отнеслось къ идеѣ суда для малолѣтнихъ и въ средѣ его очень скоро различныя благотворительныя организаціи пришли на помощь этому суду. Петербургское Общество Патроната устроило при самой камерѣ суда общежитіе для 10 безпріютныхъ мальчиковъ. Дамское общество Патроната открыло такое же общежитіе для 3-хъ дѣвочекъ. Петербургскій Дамскій Благо-

творительно-Тюремный Комитетъ, содержащій воспитательно-исправительный пріютъ, расширилъ его до 60-ти вакансій; Петербургское Общество воспитательно-исправительныхъ пріютовъ въ 1910 году преобразовало и расширило свой пріютъ до 85 вакансій для малолѣтнихъ мальчиковъ, задерживаемыхъ до суда и до 15 вакансій для помѣщаемыхъ по суду до исправленія. Предполагается организовать особыя воспитательно-исправительныя заведенія для нищенствующихъ, для трудно исправляемыхъ и т. п. Благодаря такому широкому сочувствію и матеріальной помощи со стороны официальныхъ лицъ и учреждений и со стороны самого Петербургскаго общества положеніе суда для малолѣтнихъ въ Петербургѣ можно считать вполне упроченнымъ. По своей организаци и дѣятельности онъ ближе всего подходитъ къ судамъ для малолѣтнихъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. При Судѣ для малолѣтнихъ состоитъ 5 платныхъ попечителей, изъ нихъ 4 мужчины и 1 женщина; попечители эти получаютъ по 1200 рублей жалованья въ годъ. Кромѣ платныхъ при судѣ имѣется 50 лицъ изъявившихъ желаніе безвозмездно нести обязанности попечителей. Къ вѣдомству суда для малолѣтнихъ отнесены не только дѣла о проступкахъ самихъ малолѣтнихъ, но и дѣла, въ которыхъ малолѣтніе являются объектомъ проступковъ, напримѣръ дѣла о нанесеніи малолѣтнимъ побоевъ, ранъ, допущеніе ихъ къ нищенству, неосуществленіе отвѣтственнаго надзора за ними и т. п. При поступленіи въ судъ дѣла о малолѣтнемъ попечитель немедленно собираетъ подробныя свѣдѣнія какъ о самомъ проступкѣ, такъ и объ условіяхъ домашней жизни малолѣтняго, о его матеріальной и нравственной обстановкѣ, причинахъ доведшихъ его до совершенія проступка и т. п. Этотъ же попечитель является къ разбору дѣла и докладываетъ Судѣ собранныя имъ свѣдѣнія объ обвиняемомъ, почему въ особыхъ защитникахъ его не представляется надобно-

сти; допросъ свидѣтелей въ большинствѣ случаевъ также не нуженъ. Судья старается личнымъ объясненіемъ съ родителями и обвиняемымъ вызвать сознаніе обвиняемаго и, при отсутствіи публики и товарищей обвиняемаго, предъ которыми онъ могъ бы рисоваться, обвиняемый почти всегда сознается въ своемъ проступкѣ. Если виновность подсудимаго остается вовсе недоказанной—Судья конечно оправдываетъ его; въ противномъ случаѣ Судья, не назначая исправительно-воспитательной мѣры для обвиняемаго, по недостаточному знакомству съ личностью его, откладываетъ дѣло, отдавая обвиняемаго на опредѣленный срокъ подъ *отвѣтственный присмотръ* родителей и попечителя. Послѣдній посѣщаетъ малолѣтняго на дому, вызываетъ его къ себѣ, собираетъ справки объ успѣхахъ и поведеніи его въ школѣ или у работодателей, старается приискать для него занятіе и другое помѣщеніе, если это по даннымъ условіямъ необходимо. Затѣмъ, если малолѣтній подъ присмотромъ ведетъ себя хорошо, Судья опять вызываетъ его и родителей и рѣшаетъ дѣло отдачею малолѣтняго подъ *отвѣтственный надзоръ* родителей и попечителя или только однихъ родителей. При дурномъ поведеніи находящагося подъ присмотромъ Судья пробуетъ подѣйствовать на него увѣщаніемъ и угрозою отдать въ пріютъ, или прямо отдаетъ его на опредѣленный срокъ въ пріютъ для предварительнаго заключенія малолѣтнихъ, т. е. прибѣгаетъ къ болѣе строгой мѣрѣ испытанія. Попечитель и здѣсь посѣщаетъ малолѣтняго, справляется о его поведеніи, бесѣдуетъ съ нимъ. Обыкновенно эта мѣра даетъ хорошіе результаты и Судья снова освобождаетъ малолѣтняго, оставляя его подъ *присмотромъ*. Наконецъ, по истеченіи извѣстнаго времени Судья рѣшаетъ дѣло и отдаетъ малолѣтняго подъ *отвѣтственный надзоръ* или въ воспитательно-исправительное заведеніе или, въ исключительныхъ случаяхъ, присуждаетъ малолѣтняго къ заключенію въ особое помѣщеніе при тюрьмѣ. За пер-

вые мѣсяцы дѣятельности Суда для малолѣтнихъ уже оказалось, что возлагавшіяся на него надежды осуществились и что присмотръ за малолѣтними и заботы о нихъ попечителей при судѣ даютъ прекрасные результаты. Такъ на примѣръ оказалось, что изъ находящихся подъ присмотромъ только около $\frac{1}{5}$ части ихъ вели себя неудовлетворительно и заставляли принимать въ отношеніи ихъ болѣе строгія мѣры испытанія.

Учрежденіе у насъ въ Россіи особыхъ судовъ для малолѣтнихъ подобно суду въ Петербургѣ облегчается тѣмъ, что главныя особенности этихъ судовъ,—отсутствіе публичности и штатъ особыхъ попечителей,—не находятся въ противорѣчій съ закономъ. По дополненію къ ст. 89 Уст. Угол. Суд. Судья можетъ разбирать всякое дѣло о малолѣтнемъ при закрытыхъ для публики дверяхъ. Затѣмъ, по закону 2 Іюня 1897 года Судья въ видѣ мѣры пресѣченія или мѣры воздѣйствія можетъ отдавать малолѣтнихъ подъ отвѣтственный присмотръ или отвѣтственный надзоръ родителей или постороннихъ лицъ, почему, если найдутся такія благонадежныя лица, которыя за плату или добровольно примутъ на себя такія обязанности, то участіе этихъ попечителей въ судѣ для малолѣтнихъ будетъ только содѣйствовать осуществленію цѣли закона. Всѣ Судьи хорошо знаютъ какъ часто родители упорно отказываются принимать подъ свой присмотръ или надзоръ своихъ преступныхъ дѣтей и какъ часто это представляется для Судьи нежелательнымъ и вреднымъ, когда родители уже обнаружили, что они не могутъ имѣть надлежащаго надзора за своими дѣтьми.

Блестящій успѣхъ системы особыхъ судовъ для малолѣтнихъ въ Америкѣ, гдѣ 90% всѣхъ обвиняемыхъ малолѣтнихъ исправляется и только 10% ихъ приходится помѣщать въ исправительно-воспитательныя заведенія, а также успѣхъ такого же суда у насъ въ Петербургѣ служатъ лучшимъ доказательствомъ насколько

необходимо и желательно скорѣйшее и возможно широкое распространіе такихъ судовъ у насъ въ Россіи. По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1909 годъ оказывается, что изъ числа 10000 осужденныхъ малолѣтнихъ только $\frac{1}{5}$ часть находитъ помѣщеніе въ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ, а всѣ остальные содержатся въ тюрьмахъ, при самыхъ нежелательныхъ въ нравственномъ отношеніи условіяхъ, дающихъ множество рецидивистовъ изъ отбывшихъ такое заключеніе. Желательно также и расширеніе компетенціи судовъ для малолѣтнихъ. Петербургскій Судья для малолѣтнихъ Окуневъ въ своемъ докладѣ на VIII Съѣздѣ представителей нашихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ въ Петербургѣ, происходившемъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, высказалъ: 1) Мировому Судьѣ для малолѣтнихъ слѣдовало бы подчинить дѣла о малолѣтнихъ привилегированныхъ сословій, т. е. дворянъ и почетныхъ гражданъ и о всѣхъ другихъ малолѣтнихъ въ возрастѣ до 17 лѣтъ по преступленіямъ влекущимъ наказанія для взрослыхъ ниже каторги, такъ какъ по этимъ дѣламъ осужденные не ограничиваются въ правахъ и высшею мѣрою взысканія можетъ быть отдача въ воспитательно-исправительное заведеніе.

2) Судьѣ для малолѣтнихъ нужно подчинить дѣла по жалобамъ родителей на дѣтей за ихъ непослушаніе и развратную жизнь. По ст. 1592 Улож. о наказ. наказаніе по такимъ жалобамъ, тюремное заключеніе отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, назначается Окружнымъ Судомъ безъ судебного разбирательства. Но обращаться съ такими жалобами къ Прокурору или въ Окружный Судъ почти никому не приходитъ въ голову, къ Мировымъ же Судьямъ родители съ такими жалобами обращаются. Соглашаясь съ мнѣніемъ Окунева, Съѣздъ представителей воспитательно-исправительныхъ заведеній поручилъ своему бюро возбудить ходатайство о расширеніи компетенціи судовъ для малолѣтнихъ въ указанныхъ Окуневымъ

предѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Сѣздъ выразилъ желаніе, чтобы суды для малолѣтнихъ, по образцу Петербургскаго, были введены вездѣ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ они необходимы.

Въ настоящее время особый судъ для малолѣтнихъ уже открытъ въ Москвѣ, а также возбуждены вопросы объ открытіи его въ Тифлисѣ, въ Одессѣ и въ Харьковѣ. Въ какомъ положеніи это дѣло находится въ Тифлисѣ и Одессѣ я не знаю, но въ Харьковѣ судъ для малолѣтнихъ будетъ открытъ очень скоро. Почетный Мировой Судья Файстъ вошелъ въ Харьковскую Городскую Думу и въ Уѣздное Земское Собраніе Харьковского уѣзда съ особымъ докладомъ объ учрежденіи въ Харьковѣ суда для малолѣтнихъ и Земское Собраніе въ засѣданіи 9 числа прошлаго марта мѣсяца постановило: выразить желаніе *немедленно* открыть такой судъ въ Харьковѣ и ассигновало на него 6000 рублей,—также какъ и Городская Дума. При Варшавской Уголовной Тюрьмѣ постоянно содержится нѣсколько десятковъ малолѣтнихъ. По отзывамъ членовъ мѣстнаго Патроната, посѣщающихъ этихъ осужденныхъ, здѣсь у дѣтей старшихъ возрастовъ, часто рецидивистовъ, установилось убѣжденіе, что воровство такая же почтенная и полезная профессія, какъ и профессія столяра, сапожника, каменьщика и т. п. Такое ужасное убѣжденіе малолѣтнихъ преступниковъ указываетъ насколько необходимо принять мѣры къ разъединенію и удаленію ихъ изъ общихъ тюремныхъ камеръ. При введеніи у насъ Суда для малолѣтнихъ всѣ они находились бы подъ вполне надежнымъ присмотромъ или надзоромъ. Всѣ мы, жители гор. Варшавы, а Судьи въ особенности хорошо знаемъ, какъ много кражъ и другихъ проступковъ совершается у насъ малолѣтними и какъ безуспѣшна была до сихъ поръ борьба съ этими преступленіями. Сохраняя увѣренность, что лучшимъ средствомъ для такой борьбы было бы учрежденіе особаго суда для малолѣт-

нихъ въ Варшавѣ, я рѣшаюсь съ своей стороны высказать горячее пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи его у насъ. Осуществленіе этой идеи конечно зависитъ отъ того насколько сочувственно будетъ она принята мѣстными властями и мѣстнымъ обществомъ.

Н. Эйсмонтъ.

г. Варшава
Апрѣль 1912 г.

154160

Содержаніе первыхъ пяти выпусковъ.

Вып. I.

4,00

Ө. В. Тарановскій. Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка. И. И. Замотинъ. Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя. П. А. Заболотскій. Гоголь въ эпоху творчества I тома Мертвыхъ душъ. И. Д. Малиновскій. Знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ. Д. В. Туткевичъ. О введеніи нынѣ дѣствующихъ судебныхъ установленій въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. В. В. Есиповъ. О преподаваніи права.

Вып. II.

О. Ө. Базинеръ. Краткая характеристика отношеній Жуковского къ классической древности. Е. Ө. Карскій. XII Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. П. А. Заболотскій. Гуманные мотивы поэзіи Н. А. Некрасова. И. П. Созоновичъ. Джемсъ Чайльдъ и его изданіе англійскихъ и шотландскихъ балладъ. В. В. Власовъ. О преподаваніи географіи съ точки зрѣнія новѣйшихъ требованій. А. И. Даринскій. Семья у кавказскихъ горцевъ. Н. Н. Любовичъ. Международный историческій конгрессъ въ Римѣ.

Вып. III.

П. А. Заболотскій. Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ (памяти А. Н. Плещеева). Е. В. Спекторскій. Органическая теорія общества. В. А. Фляксберггеръ. Философія Канта. С. Н. Алексѣевъ. Къ долговому вопросу въ Римѣ.

Вып. IV.

Ө. В. Тарановскій. Норманская теорія въ исторіи русскаго права. Н. Н. Любовичъ. Международный историческій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1908 г. И. И. Замотинъ. Русская Нора и ея духовныя стремленія. Е. В. Спекторскій. Эргардъ Вейгель, забытый рационалистъ XVII вѣка. Г. В. Демченко. Изъ исторіи судоустройства въ древней Руси. В. А. Францевъ. Къ біографіи В. А. Мацѣвскаго.

Вып. V.

Отдѣлъ I. Сокращенные протоколы засѣданій Общества и Отчеты о состояніи и дѣятельности Общества съ 1904 г. по 31 декабря 1910 года. Отдѣлъ II. В. И. Синайскій. Необходимо ли намъ спѣшить съ гражданскимъ уложеніемъ и можемъ ли мы создать его въ настоящее время? Н. Н. Любовичъ. Грюнвальдская битва. Е. В. Спекторскій. Понятіе общества въ античномъ мірѣ. И. П. Козловскій. Новые матеріалы для біографіи Михаила Ѳеодоровича Романова и ихъ значеніе въ наукѣ. В. А. Францевъ. Русская икона, чтимая въ Чехіи. Приложение: 2 снимка на отд. листахъ.

Иv 154160

Находятся въ продажѣ:

Записки Общества исторіи, филологіи и прав
Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.
Варшава, 1902 г. Цѣна 1 р.—Вып. 2. Варшава, 1903 г.
1 р. 50 к.—Вып. 3. Варшава, 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.—
Варшава, 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.—Вып. 5. Варшава,
Цѣна 1 р. (Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова.
ва, Новый Свѣтъ, № 69).

Цѣна 1 р. 50 к.